

Журнал «Посев» Некоммерческое Партнерство «Издательское, исследовательское и просветительское содружество «Посев».

103051 Москва, ул. Петровка, 26, стр. 2, кв. 96., тел./факс: (095) 925-92-48

Издается с разрешения издательства POSSEV GmbH Frankfurt am Main.

Главный редактор

А.Ю. Штамм

Заместитель главного редактора

В.Ж. Цветков

Ответственный редактор

С.В. Николаев

Ответственный секретарь

Г.В. Кокунько

Редакционная коллегия:

К.М. Александров, Ю.К. Амосов, Т.П. Артёмова, А.Б. Горянин, В.Э. Долинин, Б.С. Пушкарев, А.Р. Редлих, Р.Н. Редлих, Ю.А. Рыбаков, В.А. Сендеров, И.Ю. Шауб, А.Н. Шведов.

103031 Москва, К-31,

Ю.К. Амосову (для «Посева»);

197101 С.-Петербург, П-101, а/я 920,

Александрю Юрьевичу Штамм

Телефон/Факс в Москве:

(095) 925-92-48,

в С.-Петербурге:

(812) 233-09-23.

E-mail: posevru@online.ru;

posev@online.ru; posev1@online.ru

+ Web-версия журнала:

<http://www.posev.ru>

Адрес филиала редакции за рубежом:

Possev, Flurscheideweg 15,
D-65936, Frankfurt a. M., Germany

Tel. **34-7355**; Fax **34-3841.**

<http://home.t-online.de/home/posev-ffm/posev.htm>

E-mail: posev-ffm@t-online.de

Журнал зарегистрирован в Министерстве печати и информации Российской Федерации 11.11.1993 г.

Свидетельство о регистрации № 011048

© Некоммерческое Партнерство «Издательское, исследовательское и просветительское содружество «Посев»

ISSN 0234-8284

Макет и оформление

С.А. Стулов

Корректор

С.П. Ткаченко

Редактор по электронной обработке

А.Н. Моренко

Технический редактор

Т.А. Кустодиева

Мнения авторов не всегда совпадают с точкой зрения редакции. Редакция в переписку с авторами не вступает. Рукописи не возвращаются и не рецензируются. При перепечатке любых материалов «Посева» ссылка на источник обязательна.

ПОСЕВ

№ 3 (1494) март 2002 г.

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Основан в 1945 г. в эмиграции, с 1992 г. издается в Москве

Содержание:

СОБЫТИЯ И КОММЕНТАРИИ

В. Оскоцкий Послесловие к послесловию **2**

А. Штамм Не пора ли перестать воображать себя Южной Америкой? **3**

ОБЩЕСТВО, ПОЛИТИКА, ВЛАСТЬ

Ю. Рокотян Россия в обвале, что дальше? **4**

Д. Савин Местное самоуправление и обустройство современной России **8**
Из первых рук

А. Черных О приоритетах Российской партии труда **13**

М. Молоствов Почему защитник вольностей и прав не в Союзе Правых **14**

ОБОРОНА, ВПК, КОНВЕРСИЯ

С. Маркедонов Праздник Красной армии Российской Федерации **16**

НАШЕ НАСЛЕДИЕ

И. Воцинин Солидаризм и философия **18**

ФИЛОСОФИЯ И МИРОВОЗЗРЕНИЕ

Доклады на 45-й конференции «Посева»

Р. Гальцева О нынешней диспозиции идей **22**

В. Ошеров Средний класс: качества и корни **24**

Прот. А. Гостев Задачи Русской Православной Церкви в условиях секуляризации христианского мира **28**

ПРОСТРАНСТВО КУЛЬТУРЫ

Л. Оболенская-Флам Книги в Россию **32**

В. Цветков Кто будет следующим? **36**

КНИГИ И ЛЮДИ

К. Михайлов Тщетная предосторожность .. **39**

А. Грищенко «Чёрный триптих» Нины Королёвой **44**

Г.К. Газете «Станица» – 10 лет! **46**

И. Шауб Энциклопедия поэзии Русского Зарубежья **47**

ПИСЬМА И ВСТРЕЧИ

Кто возглавлял Тамбовское восстание **Б. Сенников** **48**

Поздравляем! **48**

Валентин Оскоцкий

ПОСЛЕСЛОВИЕ К ПОСЛЕСЛОВИЮ

Начну с воспоминания. Относительно недавнего... В октябре прошлого года в Саратове проходила Всероссийская – с участием представителей зарубежных стран и Совета Европы – конференция по вопросам помилования. Ее регламентом предусматривалось посещение саратовского следственного изолятора (СИЗО). Тюрьма везде тюрьма, но эта образцовая, показательная. Специализированная: в ней содержатся только подростки и женщины.

Действительно, было что показать и на что посмотреть. Чистые, неперенаселенные камеры. Постельное белье на аккуратно заправленных койках, салфетки на прикроватных тумбочках, занавески на окнах, И все, как и стены, разноцветное, не сплошь серый, уныло тюремный тон. Для подростков – занятия по полной школьной программе. Мы побывали на уроке биологии в шестом классе, побеседовали и с энтузиасткой-учительницей и с учениками, для которых школьные занятия – душевная отдушина в их подневольной жизни.

В одной из камер разговорились с женщиной лет тридцати. Из деревни в областной глубинке. Имеет дочь. Получила три года, отбыла почти два.

– Дочь за это время видели?

– Нет, ни разу, – голос дрожит, и без того тихий, переходит почти на шепот, глаза наполняются слезами. – Деревня далеко, одну ее не отправишь, а везти сюда некому. Да и зачем ребенка в тюрьму возить?

– Судимость первая?

– Первая.

– А за что?

– За корову...

Из обстоятельств дела узнаем: хотела угнать у соседки корову, но та со двора похитительницы в тот же день сама вернулась к законной хозяйке. Случай, согласитесь, нелепый и даже, если б не тюремное заключение, смешной. Наказание вынесено за преступление, которое не состоялось. Точнее, за неосуществленное намерение на преступное деяние. 3 года – приговор по максимуму. Но так ли уж необходим был приговор карательный? Может, с лихвой достало бы предупредительного, не связанного с лишением свободы, которое сокрушило мать и обездолило дочь?

Резонные сомнения на сей счет напористо пыталась развеять подполковник местного УИНа – управления исполнения наказаний – выступавшая на конференции с утра следующего дня.

– Нельзя верить заключенным, они вам наговорят, – наставительно вразумляла она сердобольных посетителей СИЗО. – Вот вчера наших правозащитников умилила женщина, осужденная за кражу коровы...

– Но корова-то не украдена, – кинул я реплику, уловив осуждение и в свой адрес.

Непроницаемая маска нахмуренного лица не дрогнула, но обдала стальным холодом пристального взгляда.

– А между тем, – продолжала подполковничиха, набрав металла, – до заключения эта женщина характеризовалась отрицательно, воспитанием детей не занималась.

– Не детей... У нее одна дочь.

Холодные глаза скользнули по мне презрительно:

– И одного ребенка надо воспитывать! Да и вообще мать вела аморальный образ жизни.

– Учите, – снова вмешался я, изо всех сил стараясь удержаться в рамках корректности. – Если это и впрямь так, то все же ее посадили не за моральный облик, а за неугнанную корову!

– Наверное, было и что-то другое...

Каюсь: тут мне выдержки не хватило. Взорвался. Не сказал, а прокричал:

– Вы по своему служебному статусу не имеете права говорить – «наверное» и «что-то». Вы обязаны знать точно, а не гадать на кофейной гуще!..

А про себя подумал: ну, разве не современная Эльза Кох в родном отечестве? Под безраздельной властью такой заключение не просто заключение, а пытка изо дня в день...

Ныне наша собеседница из саратовского СИЗО освобождена постановлением «Об объявлении амнистии в отношении несовершеннолетних и женщин», принятым госдумой 30 ноября прошлого года. Этим, вне сомнения, гуманным актом решены судьбы 10 тыс. несовершеннолетних и 14 тыс. женщин.

Но объявленной амнистией не охвачены женщины, совершившие тяжкие преступления (кража, если она повторная, – уже тяжкое) или осужденные (пусть даже по мелочевке) более двух раз. Однако и среди таких неамнистированных немало матерей с малолетними детьми. Так, по данным министерства юстиции РФ на ноябрь 2001 года, в российских колониях вместе с матерями содержались 493 ребенка в возрасте до трех лет. Все они родились в местах лишения свободы, и приюты при колониях стали для них первым домом, язык не поворачивается назвать его отеческим или родительским. Кому не ведомо, что такие «дома» и в малой мере не рассчитаны на «счастливое детство»? И надо ли разъяснять, что ребенок, от рождения лишенный элементарных условий для содержания, ухода и воспитания, сизмальства обречен нести все тяготы заключения, отбывать наказание как без вины виноватый? До достижения трехлетнего возраста такие «тюремные дети» переводятся в детские дома для малолеток, и мать, оставаясь в заключении, вообще, как правило, теряет с сыном или дочерью связь. Иных – таких немного – выродков это не печалит, скорее, даже устраивает, но для большинства становится жизненной драмой, удесятеряющей наказание за совершенное ранее преступление.

Но ведь их приговаривали именно к наказаниям на тот или иной определенный срок, а не к мукам мученическим! Не к тому, чтобы так бесчеловечно калечить

земное чувство материнства и при живых матерях плодить детдомовских сирот! Нет надобности и добавлять, что разбросанные по разным градам и весям дети, вырастая, становятся чаще всего беспризорниками, бомжами, бродягами. а то и преступниками...

Обо всем этом президенту России написал Анатолий Приставкин, бывший председатель упраздненной ныне общественной комиссии по вопросам помилования. Его прямое обращение к В.В. Путину – первый акт, который он предпринял в новом для себя качестве советника президента. Полагая «возможным проявить милосердие к матерям, имеющим в колониях детей, и в интересах этих детей освободить их матерей независимо от содеянного и отбытого ими срока наказания», он убежденно считает, что такое помилование, вслед амнистии и в дополнение к ней, имело бы «большое психологическое, нравственное воздействие на осужденного» – поэтому возможность рецидива здесь весьма призрачна.

Что и говорить: весомые аргументы. Реализация президентом предложений советника освободит от заключения не одну оступившуюся мать, но и ее невестку за что страдающего ребенка. Говоря языком математическим, помилование в квадрате...

Официально объявлено, что В.В. Путин отнесся к предложениям своего нового советника с вниманием и пониманием. Согласно его распоряжению, каждая кандидатура на помилование будет рассмотрена «в порядке, установленном Указом Президента Российской Федерации «О комиссиях по вопросам помилования на

территориях субъектов Российской Федерации от 28 декабря 2001 г. № 1500». Тем самым указом, который, упраздняя общественную комиссию по помилованию, передал ее рекомендательные функции комиссиям при губернаторах.

Конечно, распоряжение Президента не снимает острых проблем, о которых я писал в статье «Не устояли» («Посев», 2002, № 2) – в полемическом послесловии к циклу статей, обобщавших почти десятилетний опыт работы в «приставкинской» Комиссии («Посев», 2001, № 7, 9, 10, 11). Но вселяет надежду, что назначение Анатолия Приставкина советником и поддержка его первой инициативы станут не ширмой, лукаво маскирующей мстительное торжество правоохранительных чиновников, сумевших-таки выкорчевать еще один хоть малый, но вольный росток гражданского общества, а стимулом новых гуманных акций помилования, не всех заключенных чохом, а тех, кто его действительно достоин или заслуживает в силу особых обстоятельств, Покоренное материнство и узаконенное сиротство – из числа самых особых.

Как видим, вопреки всем чиновным атакам на бывшую комиссию по вопросам помилования при президенте РФ, ее деятельность не осталась втуне. Предложения Анатолия Приставкина о милосердии к матерям и их детям опирались на ее наработки и выводы. Чем не повод еще раз спросить: так была ли в таком случае настоятельная надобность разгонять комиссию? Но это уже другой вопрос, которому посвящена предыдущая статья, потребовавшая послесловия к послесловию...

Александр Штамм

НЕ ПОРА ЛИ ПЕРЕСТАТЬ ВООБРАЖАТЬ СЕБЯ ЮЖНОЙ АМЕРИКОЙ?

110 лет назад великий француз барон Пьер де Кубертэн выступил с благородным начинанием. Он предложил возродить Олимпийские игры. Напомню, что такие игры проводились в древней Элладке, начиная с 776 г. до Р. Х., пока в конце IV в. по Р. Х. их не упразднил римский император Феодосий. Не будем говорить о значении Олимпиад для античного мира, а обратимся сразу к нашему времени. Де Кубертэн был сам разносторонним спортсменом (надо сказать, что тогда спорт и физическая культура не столь различались, как сегодня) и разделял многие идеи французских солидаристов. Поэтому он задумал новые Олимпиады как праздники единения молодежи всего мира. Олимпийские идеи барона звучали так: соревнуются люди, но не страны; соревнуются любители, но не профессионалы; главное же – не победа в соревнованиях, а участие в празднике солидарности молодежи всего мира.

Увы, эти благородные идеи и до сих пор не получили развития. По-прежнему, и мы все были тому свидетелями – на последних играх в Солт-Лейк-Сити, на

Олимпиадах главенствует дух межнациональной борьбы; соревнуются не любители, но профессионалы. Причем даже о спорте говорить нельзя, похоже, что мы все чаще имеем дело с достижениями фармакологов. О солидарности молодежи и вовсе забыли. Конечно же, барон де Кубертэн в этом не виноват. В XX в. в олимпийское движение энергично и нахально вмешались советский и гитлеровский режимы. А там, где в спорт влезает политики, его более не существует.

Гитлеризм, слава Богу, сдох, но почему же до сих пор мы терпим советизм? Наш глава государства произнес хорошие и мудрые слова о необходимости развития физической культуры в стране. Большинство сограждан, наверное, под ними подпишутся. Но вот олимпийская команда России приехала в США – и, кажется, время пошло назад, в Эссэсэрию. Глава нашего олимпийского комитета г. Тягачев начал с телеэкрана рассуждать о физиологических проблемах российских лыжниц. А по морде за подобные «экзерсисы» не слабо? Сказал бы спасибо нашим девчонкам, накачанным

всякой фармадрянью, за то, что они вообще бегают по американским лыжным трассам.

Похоже, что наши чиновники перепутали «страну пребывания». Война между некими южноамериканскими странами из-за футбола противна, но еще может быть понята. Ну нет среди бравых парней ничегошеньки за душой кроме центральных нападающих. А у нас «бедных»? Пушкина не было? Достоевского и Менделеева тоже? Ах, оказывается, были! Так к чему же испытывать комплекс неполноценности из-за «необъективного судейства»? Вспомним, что еще на Олимпиаде-1908 на подобные же безобразия жаловался наш великий фигурист Н. Панин. Россия, между прочим, тогда выстояла и даже

дьявольщину коммунизма потом пережила.

Впрочем, наших чиновников, как и тех горбатов, лишь могила исправит. Взывать к ним бесполезно. Все равно не докричишься! Но наша страна сделала бы очень доброе и полезное дело, предложив вернуться к тем самым, первоначальным основам олимпийского движения, завещанным нам великим французом. Пусть соревнуются любители, а не «профи», накачаные фармакологами. И пусть под звуки «О спорт, ты – мир!» по флагштоку в честь победы настоящего любителя поднимается белый флаг с 5-ю кольцами. Куда же тогда денутся коммерсанты – «спонсоры» нынешних Олимпиад? Но это будет их проблемой!

ОБЩЕСТВО, ПОЛИТИКА, ВЛАСТЬ

Юрий Рокотян *

РОССИЯ В ОБВАЛЕ, ЧТО ДАЛЬШЕ? **

КТО ОН?

Рассмотрим некоторые идеи главных публицистических работ Солженицына 90 г., посвященных возрождению страны: «Как нам обустроить Россию» (1990 г.), «Русский вопрос» к концу XX века» (1994 г.) и «Россия в обвале» (1998 г.).

Но прежде я хочу остановиться на отношении к личности и творчеству Солженицына в России. Оно очень разное – от безоговорочного признания в любви до полного неприятия и враждебности. Так кто же он? Пророк, голос и совесть народа, великий писатель, историк, социолог, публицист?.. О Солженицыне писали многие, но мне наиболее близко высказывание С.П. Залыгина: «Каждый народ имеет душу. Душа каждого человека крохотный осколочек народной души. Но в ином народе встречаются личности – носители народной души. Для русских такой личностью является Солженицын. Наделенный Богом талантами художника, историка, социолога, проповедника, он сумел собрать, сохранить и представить современности и будущему душу русского народа и сделал это тогда, когда сам народ эту душу почти потерял». И еще: «Солженицын сохранил уважение к России всего Запада, ибо Запад ценил Россию только за XIX век, в XX веке Россия представляла для Запада как отвратительное, невежественное, опасное явление. И только благодаря Солженицыну Запад увидел величие России и проникся, по крайней мере, в лице наиболее порядочной своей части уважением и симпатией к России».

Примерно так думают многие в России. Многие, но в масштабе всей страны это все же малая часть. Почему? В какой-то мере это можно понять из результатов опро-

са, проводившегося 4 года назад. На вопрос: «Что бы вы делали, если бы на ваших глазах проходили события октября 1917 г.?» были получены следующие ответы:

- активно поддержали большевиков – 15 %
- сотрудничали с большевиками – 15 %
- выступили активно против – 7 %
- эмигрировали – 15 %
- отнеслись нейтрально – 27 %
- нет мнения – 21 %.

Удручающий расклад мнений. Если половина нации равнодушна к преступлениям коммунистов, а треть их поддерживает – в такой стране Солженицын не будет ни услышан, ни принят. Но, с другой стороны, из опроса видно, что имеется все же малый остаток, та закваска, посредством которой страна, может быть, и воспримет идеи писателя. Именно этим людям адресована публицистика Солженицына 90-х, от них он, в первую очередь, ждет понимания и поддержки, с ними связывает надежды на возрождение России. Это не обычная, а скорее, духовная публицистика. В любых темах, будь то страна, общество, власть и т.д., Солженицына интересуют, прежде всего, духовные основы. Рассмотрение этих тем он ведет по критериям Добра и Зла, а не из политической, экономической или иной целесообразности.

В работах Солженицына 90-х просматриваются две стержневые темы: «власть и народ», в которой он показывает, что такое Россия сегодня; и «нация, личность, общество», в которой намечает пути возрождения России.

«ОНИ» И МЫ

Подробно тему «власть и народ» Солженицын раскрыл в «Обвале», написанном в конце 90-х. Но уже в начале прошедшего десятилетия он ясно представлял, что такое новая власть, и провидчески в «Русском вопросе» назвал происходившее в стране «великой русской катастрофой 90-х годов XX века», поставив ее в

* Юрий Васильевич Рокотян, инженер, председатель оргкомитета Солженицынского общества, родом из днепровских казаков, проживает в Петербурге.

** Доклад на собрании общественности Петербурга, посвященный дню рождения А.И. Солженицына, 9 декабря 2001 г.

один ряд со смутой XVII в. и переворотом 17-го г. Эта оценка вызвала резкое несогласие и даже возмущение значительной части общества: «Как же так, принята замечательная конституция, развивается демократия, проводятся политические, экономические, социальные реформы, и вдруг... «катастрофа», равная событиям 17-го года?» К сожалению, даже сторонникам Солженицына потребовалось еще 5-6 лет, чтобы признать правоту этой оценки.

Так что же такое Россия сегодня? Солженицын отвечает. В стране тяжелое и опасное разделение между властью и народом. Номенклатура, олигархи и мафия захватили власть и все ресурсы страны. Бюджетных средств практически хватает только на содержание власти. Народ брошен на вымирание и первобытно-натуральное хозяйствование. Писатель подробно разбирает беды, постигшие нас в прошедшее десятилетие, и выделяет главную – духовное разложение народа. Характеризуя власть, он пишет: «Утвердившись в своей самоустойчивости, власть неимоверно разрослась, организовалась номенклатурно, соединилась с преступностью... Полная закрытость от народа и полная безответственность присущи нынешней власти не меньше, чем предыдущей».

Сегодня это уже понимают многие. Но дальше возникает вопрос – можно и нужно ли пытаться реформировать эту власть? Можно ли через выборы и различные социальные проекты, осуществляемые сверху, возродить Россию? По Солженицыну получается – нет. Во-первых, потому, что эта «власть добровольно не допустит никакой смены себе, а понадобится – без колебаний применит для того и возвращенные, укрепленные многочисленные внутренние войска». А во-вторых, народ по своей сегодняшней физической, а главное, духовной немощи пока еще не способен сплотиться в гражданское общество, чтобы организовать власть, действующую в его интересах. Интересы, которые он сам еще не осознал.

Солженицын подчеркивает: «Напрасны надежды, что нынешняя власть или те, кто сменяют их через выборы, заплавленные денежными миллиардами – позаботятся о судьбе вымирающего народа. Этого не будет. Нет вредней, как цепляться за иллюзии, они отнимают у нас еще возможные верные шаги».

Казалось бы, ценящая Солженицына, доверяющая ему активная часть нашего народа могла бы воспринять его призыв «не цепляться за иллюзии», но, к сожалению, этого не происходит. Разделы публицистики даже наших самых лучших журналов заполнены статьями, содержащими предложения политических, экономических и других путей выхода России из кризиса, обсуждаются различные социальные проекты, прогнозы будущих выборов и т.д. и т.п. В обсуждении этих псевдопроблем, в деятельности многочисленных партий и блоков участвует значительная часть населения страны, участвует в надежде найти выход из бедственного положения. Но ведь это и есть «цепляние за иллюзии, отнимающие у нас еще возможные верные шаги» И как далеко это бесполезное делание от насущных забот и нужд народа.

Так что же, прекратить взаимодействие с властью?

– Нет, – отвечает Солженицын. – Необходима конструктивная критика антинародных действий власти и настойчивые требования, например, такие:

– остановить вымирание народа от нищеты, холода и голода;

– принять срочные эффективные меры против наркомании и пьянства;

– ликвидировать пещерные жилищные условия жизни значительной части населения;

– прекратить духовное растление народа средствами массовой информации, и, в первую очередь, телевидением.

И еще требовать устранения наших бесчисленных бед. Требовать без оглядки на оправдание власти, что денег, мол, нет.

Нельзя сказать, что наши СМИ не касаются этих проблем, что не звучат честные, смелые голоса. Все это есть. Но насколько же такие голоса редки и разрозненны, насколько слаба наша воля к объединению. Солженицын пишет: «Если бы мы были способны к истинному всеобъединению мирными средствами, но воистину всенародно выразить наш гнев так, чтобы власти в своем мраморном корыте задрожали и очнулись...» И добавляет: «В других странах такими массовыми выходами и поворачивают ход своей истории».

Тему «власть и народ» Солженицын заключает словами: «Никогда мы ничего не добьемся от властных благодетелей, прежде чем поверим, что мы сами – исполнители своей судьбы». Этот вывод – как бы переход к другой основной теме публицистики 90-х – теме возрождения России.

НАЦИЯ, ЛИЧНОСТЬ, ОБЩЕСТВО

В основе ее лежит один из главных мировоззренческих принципов Солженицына – «Основа человеческого бытия – духовность». Солженицын пишет в «Обустройстве»: «Источник силы или бессилия общества – духовный уровень жизни, а уж потом – уровень промышленности» и продолжает в «Обвале»: «Будущее наше и наших детей, и нашего народа – зависит первой и глубинней именно от нашего сознания, от нашего духа, а не от экономики». Этот принцип защищали все наши великие мыслители от Чаадаева до Толстого и авторов знаменитых «Вех», но их не слушали. Не слушают и сейчас. Сегодня мы читаем такое: «Если мы изменим экономику и политическую сферу, то это неизбежно приведет к изменению сознания большинства населения». Это высказывание Путина на пресс-конференции 18 июля 2001 г...

Итак, возрождение России по Солженицыну должно начинаться с возрождения духовных ценностей, к которым он относит нацию, личность, общество. Очень кратко содержание этого тезиса можно изложить так:

– Возрождение национальных ценностей создаст необходимую духовную среду, в которой станет возможным становление личностей, способных к творчеству и самоорганизации;

– Личности неизбежно объединятся в самоуправляемое гражданское общество;

– Гражданское общество само снизу сформирует власть и экономику, наиболее соответствующие его исторически сложившимся национальным особенностям;

– Все эти процессы должны идти не последовательно, а одновременно, дополняя и усиливая друг друга.

Рассмотрим сегодняшнее состояние нации, личности и общества, как его видит Александр Исаевич.

Начнем с нации. В современных словарях нация определяется как исторически сложившаяся, устойчивая общность людей, возникшая на базе общности языка, территории, религии, культуры, психологического склада и т.д. В этом определении особенно важны слова «устойчивая общность». Эта общность проявляется в «национальном чувстве» народа. Чем глубже это чувство, тем сильнее, здоровей и устойчивей нация. Подробно рассматривая отношение русских к событиям последнего десятилетия, Солженицын с горечью отмечает ослабление «национального чувства» в нашем народе, доходящее почти до полной его потери. Он отмечает равнодушие не только к своим корням и к своей собственной судьбе, но и к судьбе миллионов беженцев, брошенных в странах СНГ. «И это, – пишет Солженицын, – самый грозный признак падения нашего народа».

Причины потери «национального чувства» Солженицын видит в потере и сознательном подавлении национальных корней – религиозных, культурных, исторических, бытовых, языковых и т.д., начавшихся с Великого религиозного раскола XVII и особенно проявившихся в XX в.

В области культуры Солженицын особенно беспокоит наличие, по его определению, «разрывов культурного пространства в стране».

Это – возрастной разрыв, определяемый крайне плохой заботой о воспитании и культурном развитии детей и подростков. Это – географический разрыв, характеризующийся тем, что столица и провинция почти не связаны, не знают и не понимают друг друга. Это – исторический разрыв, состоящий в том, что у нас практически нет современного изложения истории России и особенно ее XX в. Это мировоззренческий разрыв, проявляющийся в непримиримой распре так называемых «демократов» и «патриотов».

Как устранить эти разрывы? Солженицын отвечает: «Через свободное движение слова, в основном печатного». И наша интеллигенция откликается на этот ответ-призыв. В последние годы все чаще появляются различные публикации по национальным проблемам России. На мой взгляд, событием явился выход в этом году в издательстве «Посев» сборника «Преemptственность и возрождение России». Но по-прежнему это «свободное движение слова» происходит лишь в нескольких крупных городах и почти не чувствуется в провинции. К сожалению, почти не используется мощный интеллектуальный потенциал русского зарубежья.

Среди самых насущных вопросов национальной культуры Солженицын выделяет вопрос о средней школе. Он пишет: «Перед сохранением русских как единого народа ныне выросло много препятственных условий. И первое среди них: судьба нашего юношества. Будет ли наша школа – средоточием русской куль-

туры? Обеспечит ли она ее преemptственность, живость исторической памяти и самоуважение народа?» И если «такую школу не создадим, если не выведем наших детей из опасностей бессвязного, темного сознания, пронизанного жгучими интересами языческой жестокости и наживной страсти любой ценой, – это и будет конец русского народа и русской истории... Реально идущий сегодня в российском образовании процесс направлен как раз обратно нашему спасению». Эта жесткая оценка дана Солженицыным в 98-м. С горечью приходится отмечать, что за прошедшие 3 года в нашей средней школе ничего не изменилось.

И, конечно же, возрождение России невозможно без возрождения Православия. Православия, прежде всего, как мироощущения, как исторической, культурной, душевной, бытийной основы нации. Солженицын пишет: «Православие, сохраняемое в наших сердцах, обычаях и поступках, укрепит тот духовный смысл, который объединяет русских выше соображений племенных». И еще: «... вне духовной укрепы от Православия нам на ноги не стать». Он отмечает, что сегодня наша Церковь еще не может в должной мере способствовать возрождению России, взяв на себя миссию духовного руководства страной. Не может потому, что слишком краток срок после тяжелых утрат периода империи и более чем полувекового истребления и разорения при коммунистах. Церкви еще предстоит решить ряд сложных внутренних и внешних проблем, для чего потребуются многие годы, и Солженицын призывает всех верующих, и особенно верующую интеллигенцию, помочь нашему народу и Церкви в деле возрождения православной духовности.

Можно с удовлетворением отметить, что все большее число печатных органов, все большее количество представителей общественности включается в процесс православного воспитания и образования нашего народа. Процесс этот идет не без издержек, так как одновременно нарастает сопротивление со стороны атеистов и представителей иных конфессий. Будет печально, если в нарастающем противостоянии православные не проявят максимума терпимости, мудрости и доброжелательности.

Применительно к теме национального возрождения Солженицын подробно рассматривает эволюцию русского характера и отмечает, что на протяжении веков он оставался почти неизменным. В нем устойчиво сочетались как положительные, так и отрицательные черты, однако в целом народ заслуживал такой, например, оценки, данной американским пастором Саймонсом в его выступлении перед сенатом США в 1917 г.: «Я нигде не встречал лучшего типа женщин или мужчин, чем в русских деревнях и даже среди рабочих». Повреждаться русский характер начал с конца XIX в., далее сильнейший удар по нему нанесли большевики, заставляя народ предавать ближних, лгать и притворяться, приучая к жестокости и бесчувствию. Стремительное и глубокое повреждение русского характера произошло в 90 гг под влиянием торжествующей ныне «рыночной» идеологии. Солженицын в «Обвале» пишет: «Русский характер сегодня весь закачался, на перевесе. И куда склонится?..» Но через пару десятков страниц мы чита-

ем: «За эти четыре года поездив по России, поглядев, послушав – заявляю хоть под клятвой: нет, наш Дух еще жив! и – в стержне своем – еще чист!» Солженицын верит, что Дух народа еще способен возродиться во всех своих проявлениях – вере, культуре, языке, характере. Это возрождение национального духа должно идти одновременно с превращением большей части народа из индивидуумов, которыми мы сегодня в большинстве являемся, в личности.

Духовное взаимодействие личности с национальной духовной средой осуществляется различными способами, основными из которых Солженицын называет дух личности, семью и труд. Но и здесь опять у нас, русских, все не благополучно. Возьмем семью. Из общего числа заключаемых браков половина распадается. Тысячи брошенных детей при живых родителях и не меньшее число брошенных стариков при благополучных детях. Пьянство и мат в большинстве семей. Да и труд – честный, творческий, бескорыстный – где он? Власти такой труд не нужен, это понятно, но трагично, что без такого труда обходится большая часть народа.

А дух? Истерзанный, почти лишенный своего божественного основания, еле теплящийся в виде остатков мощного, яркого духа наших предков.

Но пути иного, чем начинать с себя, у нас нет. Солженицын пишет: «Только мы сами, если имеем волю не сгинуть с планеты вовсе, должны своими силами подняться из нынешнего гибельного прозябания». Пока каждый из нас не обратится к самому себе, пока мы не перестанем лгать, воровать, сквернословить, пьянствовать, не держать слово, не уважать закон и права ближнего, пока не осознаем ответственность за свою семью, своих детей и родителей, не осознаем своих грехов и не покаемся в них; пока самоограничение и милосердие не станут принципами нашей жизни – нам не на что рассчитывать. Мы не спасем ни себя, ни Россию, а, как говорит Солженицын, «рассосемся как безличный этнический материал». С себя надо начинать! На это направлять все свои усилия, всю свою волю. И когда мы очистим, хотя бы немного, свою совесть и, главное, пойдем, как этого достигать, когда нам не будет стыдно за отношение к своей семье, за свой труд, вот тогда мы начнем превращаться в личности, и тогда у нас появится осознание проблем наших близких и нашей страны, и возникнет естественная потребность в самоорганизации в гражданское общество, которое управляется снизу местным самоуправлением, независимым от верховной власти.

Солженицын поясняет: «Повседневная реальная жизнь людей зависит – на четыре пятых или больше – не от общегосударственных событий, а от событий местных, и потому – от местного самоуправления, направляющего жизнь в округе. Именно так и регулируется жизнь в странах Запада: через эффективное местное самоуправление, где каждый может участвовать в решениях, определяющих его существование. И только такой порядок и есть демократия». Солженицын считает, что надо «начинать с терпеливого решения местных, частных проблем. Объединяться для этого по каждому возникающему поводу – бытовому, профессиональному, культурному в круге житейского интереса. Объеди-

няться в активные общественные, профессиональные, культурные группы. В любом месте и в любом малом числе работать над каждым краткосрочным или долгосрочным делом». Принципы и структуры местного самоуправления Солженицын подробно рассмотрел в «Обустройстве» еще в 1990 г.

Попутно отметим, что местное самоуправление, внедряемое сегодня властью, не имеет ничего общего с предлагаемым Солженицыным, так как оно фактически выполняет функции государственной власти на более низком уровне, многократно умножая при этом армию чиновников.

Экономика также должна развиваться не с крупного и даже не со среднего производства, а с мелкого и мельчайшего, не требующих значительных начальных капиталовложений и не связанных с развитой системой снабжения и сбыта. Минимальные условия для этих видов производств должна обеспечить система местного самоуправления.

По мере возникновения подлинного народовластия на нижнем уровне и подъема мелкого производства будет вырисовываться та политическая, экономическая и социальная система, которая наиболее соответствует нашему национальному характеру и нашим возможностям.

Путь к возрождению России будет трудным и долгим, растянется он, вероятно, на многие десятилетия. Солженицын считает, что «только для осознания всех утрат и всех болезней – нам нужны годы и годы».

«ВСЕ МЫ – И ЕСТЬ РОССИЯ»

Сегодня мы у последней черты. Еще немного времени нашего равнодушного и безвольного существования – и восстановить былое здоровье нации станет невозможно. Нужны срочные и энергичные действия по возрождению страны, и эти действия должны осуществляться самим народом, снизу. «Наше спасение – в нашем самодействии, возрождаемом снизу вверх», – пишет Солженицын в заключительной части «Обвала». И этот факт должен быть всесторонне осмыслен и подтвержден личным примером, словом и другими посильными действиями тех, кто разделяет эти мысли. С уверенностью можно сказать, что сейчас в стране нет более важной, но и более трудной задачи, чем эта. Ибо большая часть народа высказывается примерно следующим образом: «Все, о чем пишет Солженицын, вероятно, правильно, но все это более или менее известно. Мы и сами стремимся жить по нормам нравственности, о которых он пишет. Это стремление всегда было в России и всегда не осуществлялось. Жертвовать жизнью ради страны – на это мы всегда были готовы, может быть, готовы и сегодня, а вот быть личностями, уважать право и ближнего – этого не было и, если будет – то очень не скоро, поэтому надо еще что-то делать. Например, способствовать становлению среднего класса, который накормит и оденет народ, искоренит безработицу. Или попытаться выбрать мудрого и строгого президента, который наведет порядок в стране, или что-то другое...» Вот на эти и подобные им рассуждения и надо пытаться ответить делом, словом, всеми нашим силами. А пока отметим

только несколько принципиальных моментов, опираясь на вышесказанное:

1. Любое начинание в стране должно опираться на фундамент. И такой единственный фундамент – народ, самоорганизовавшийся в гражданское общество. А пока народ – толпа разрозненных индивидов, фундамента нет. Есть масса, подобная песку, а на песке невозможно построить ничего, кроме хижин и шалашей. В стране нет ни нормальной управляемой и подотчетной власти, ни нормальной политики и экономики.

2. Средний класс, если каким-то чудом невесть откуда появится, начнет увязать в этом песке и схватится за власть, чтобы как-то спастись. И президент попытается опереться на песок и тоже начнет тонуть и также схватится за власть чиновников, олигархии и мафии.

3. Превратить толпу в прочный фундамент – гражданское общество, можно только одним способом: через превращение большей части народа из индивидов в личности. А это превращение, в свою очередь, возможно только путем личных усилий каждого в одновремен-

но воссоздаваемой национальной среде.

4. Делать это надо срочно и энергично. Курящий или пьющий человек сам лучше других понимает вредность своих привычек, но отучиться от них может лишь меньшинство. Но если этому человеку станет ясно, что эти привычки ведут его к скорой гибели, процент исправлений резко возрастет. Вот подобного прояснения и надо добиваться.

5. Очевидно, что голодного и больного человека надо сначала вылечить, а потом призывать к активности и к укреплению его духовности. Поэтому от власти, у которой все ресурсы страны, надо требовать хотя бы минимальных условий для физического выживания народа, а выборы и разные «круглые столы доверия» оставить до лучших времен.

Итак, вместе с Александром Исаевичем «... не будем смиряться с тем, что от нас уже нечего ждать. Не будем и уповать, что прикатит какое-то Чудо и «само собою» нас спасет. Все мы – и есть Россия. Мы ее такой сделали, нам ее – и вытягивать»...

*Дмитрий Савин**

МЕСТНОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ И ОБУСТРОЙСТВО СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

ОПЫТ ИСТОРИЧЕСКОЙ РОССИИ

Проблема восстановления местного самоуправления в современной России обсуждается уже почти 12 лет, но похвалиться большими достижениями в этой области мы не можем. В чем же причины неудач? Убежден, что их суть в отрыве всех попыток в этом направлении как от почвы, реальных потребностей жизни, так и в небрежении собственным историческим опытом. Между тем, в последнем можно найти ответы на многие современные вопросы!

Хотя история возрождения местного самоуправления в России восходит к 1785 г., к жалованной грамоте Екатерины Великой городам, расцвет его все же связан с Великими Реформами 60 гг XIX в.

Потребность в самостоятельной и ответственной региональной и местной власти, способной решать задачи в интересах местного сообщества, отчасти освободить центральное правительство от груза сугубо местных проблем, с которым оно не могло эффективно справляться, существовала в России и раньше. Но только накопленный за предыдущий период опыт позволил тогда приступить к децентрализации на деле. Реализована она была в ходе двух важнейших реформ – земской и городской, когда городские и сельские сообщества получили право на самостоятельное решение определенных задач.

Создание самоуправлений происходило постепенно: очередные полномочия передавались им только по мере освоения ранее переданных. Важно подчеркнуть, что

одновременно с передачей новой группы полномочий самоуправлениям передавались и средства для их обеспечения.

При низких доходах населения налоговые поступления не могли обеспечить работу самоуправлений, поэтому источником поступлений в их бюджет стала капитализация собственности – сначала переданной центральным правительством, а потом и заработанной на ее основе. Сама мысль о создании самоуправлений, не обладающих собственностью и бюджетом, никому не могла прийти в голову.

При этом всем было понятно, что сама работа с собственностью – непростое умение, поэтому процесс освоения полномочий протекает медленно, государственная собственность передается самоуправлениям постепенно. Даже к 1917 г. половина территории России еще не имела самоуправления. Из такой поэтапной передачи полномочий вытекало и многообразие уставов самоуправлений. Одни самоуправления обладали очень широкими полномочиями, другие – весьма узкими, в отдельных вопросах.

Реализация реформы, контроль за ее проведением, обучение муниципальных и земских кадров, разработка методических материалов («управление по образцам») были возложены на МВД, уже обладавшее достаточными навыками такой работы. В отличие от современного, дореволюционное министерство включало в свой состав не только «силовую» полицию, но и полицию хозяйственную: социальное признание, строительную полицию, статистические службы и многое другое. Недаром именно пост министра внутренних дел совмещали обычно с постом председателя правительства.

* Дмитрий Анатольевич Савин, канд. физ.-мат. наук, председатель Политсовета Московской организации Российской Христианско-Демократической партии.

Представление интересов самоуправлений в центре и согласование их интересов также сохранялись за МВД. Оно же вело и постоянно отслеживало ход реформ, что позволяло оперативно вмешиваться в ситуацию, принимать нормативные акты, вносить изменения и дополнения в уже существующие.

Начавшийся при Александре II процесс децентрализации, ведущий в итоге к федерализации страны, не прервался и после его гибели – хотя и произошла некоторая централизация управления при Александре III. В царствование Николая II началась подготовка к новому этапу реформ.

СОВРЕМЕННАЯ НЕЗАВИДНАЯ СУДЬБА

По сравнению с историей местного самоуправления дореволюционной России, судьба его в современном государстве пока незавидна, она укладывается в уже ставшую привычной схему: сначала бурный восторг, безбрежные надежды, потом, после первых проблем – лихорадочные попытки сейчас же, сию минуту все наладить. В итоге – глубокое разочарование.

В конце 80-х – начале 90-х лозунг «Вся власть Советам» стал орудием борьбы против всевластия правящей партии. Выборы в местные советы прошли в острой борьбе между кандидатами – коммунисты и демократы соревновались за влияние на органы самоуправления, не скупясь на обещания. Во многих городах и поселениях на референдумах население голосовало за создание органов самоуправления. В больших городах, в первую очередь в Москве и Ленинграде, шла борьба за создание органов самоуправления на уровне районов. Этот период стал временем наибольшего распространения территориального общественного самоуправления – в одной Москве было зарегистрировано несколько сотен таких органов.

И что же мы имеем к 2002-му? В стране открыто обсуждаются проекты ликвидации местного самоуправления – их инициаторы, как правило, губернаторы. Центр принимает законы, подрывающие финансовую базу местного самоуправления (налоговый кодекс). Такие попытки предпринимались и на заре реформ, но тогда они встречали отпор; теперь же «народ безмолвствует».

Нередки референдумы, на которых люди отказываются от права создавать органы местного самоуправления, «передают их полномочия вышестоящим органам». Выборы в органы самоуправления с трудом собирают кворум. В Петербурге практически провалились выборы в районные органы самоуправления, в Москве во время довыборов советников районных управ явка была от 3 до 15%. Конференции учителей и врачей – той самой «земской» интеллигенции, которая должна была стать опорой местного самоуправления, принимают резолюции с требованием передать образование и здравоохранение в ведение субъектов федерации.

Почему же местное самоуправление постигла такая судьба? Тому есть много причин, и об основных из них мы постараемся сказать. Но начать хочется с общей проблемы: **почему так трудно идут реформы в современной России, нет ли какого-то непреодолимого порока в самой их основе?**

НЕОБХОДИМОСТЬ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ИЗМЕРЕНИЯ

Возможно, главный недостаток реформ в том, что они идут сами по себе, а человек живет сам по себе. Власти оперируют крупными масштабами, триллионами рублей, процентами инфляции, принимают законы, но рядовому человеку в этом громадном деле нет места. Все происходит помимо него, без учета его мнения, он чувствует себя помещенным в громадный обрабатывающий станок, который должен обстрогать его, превратив в «человека будущего». Человека очередной раз призывают принести жертву ради «светлого будущего», не спрашивая его мнения. Только раньше это будущее было коммунистическим, теперь стало капиталистическим.

Но человек – не сырье для экспериментов. Он всеми силами стремится помешать обращаться с собой как с вещью, оказывает – осознанно и неосознанно – сопротивление тем мерам руководства страны, которые ему враждебны, не соблюдает законы, смысла которых не понимает, пренебрегает возложенными на него обязанностями, в которых видит только лишнее бремя. Реформы продолжили традицию экспериментов над людьми – в этом причина разочарования сограждан.

Наш народ пережил много кампаний: по внедрению кукурузы, укрупнению колхозов, борьбе с пьянством и научился выживать в ходе их проведения. Такими же кампаниями стали для людей восстановление местного самоуправления, приватизация, фермеризация, поддержка отечественного производителя (как и последние – борьба с беспризорностью среди детей и физкультуризация). Выработались правила поведения во время очередной кампании: в спор с начальством не вступать (сила солону ломит), самому не напрягаться (погоди выполнять – отменят), не относиться к кампании серьезно. Поэтому кампании легко начинаются, быстро разворачиваются и так же легко сворачиваются, не оставляя после себя следов.

Иной бывает судьба начинаний, в которых народ видит основательное, полезное дело, а не очередную моду. Они оставляют глубокий след, укореняясь в самой жизни и привычках людей, и искоренить их можно только с большим трудом, жестокими насильственными мерами, разрушая органическую ткань народной жизни.

Доверие людей – главный ресурс реформы. В начале перестройки люди готовы были участвовать в преобразованиях, даже терпя лишения. Сегодня доверие народа исчерпано. Нельзя вечно ждать, вечно жить на вокзале в ожидании приходящего поезда.

Россия нуждается в обустройстве, в обращении к потребностям жизни. Все, что оторвано от этого обустройства, от потребностей жизни, будет отвергнуто народом, останется очередным благим пожеланием. Надо спуститься из заоблачных высот, в которых витают реформаторы, на землю, потому что реформы делаются не ради реформ. **Реформы не могут быть целью, они всего лишь средство, орудие для правильного обустройства жизни. Надо перестать реформироваться и начать жить.**

Помня о высших ценностях, мы должны сосредоточить силы на спокойном, продуманном и размеренном хозяйственном делании. Обустройство России есть задача христианского творчества, участие в котором может принять каждый, и никто не имеет право от нее уклониться.

Отсюда вопрос – какое место в этом обустройстве принадлежит местному самоуправлению? Для того чтобы ответить на него, следует понять, что такое местное самоуправление, каковы его задачи и возможности, какие проблемы можно решить с его помощью, а какие – нет.

Беда в том, что никто и не старался объяснить людям, что такое местное самоуправление. Недавно в одном из областных центров России опрос выявил – о местном самоуправлении что-то слышали всего 0.5% опрошенных. Наши политики уподобились средневековым алхимикам, которые искали «панацею» – лекарство, исцеляющее от всех болезней. Но ведь и лекарства разные, и болезни разные, и люди тоже разные. Даже от одинаковой болезни разным людям прописывают разные лекарства. То же справедливо и для болезней общества: надо хорошо знать и болезнь, и больного, и возможные средства, и применять их не случайно, а со знанием дела. Вместо этого вопрос о местном самоуправлении превратили в предмет спора, в котором самое главное – настоять на своем, свалив все неудачи в лечении на происки оппонентов.

ТРИ ЭТАЖА СООБЩЕСТВ

Постараемся прояснить, что же собой представляет современное местное самоуправление, или, точнее, местное общественное управление.

Человек рождается, живет и умирает не в одиночестве, а среди людей. Родившись, он становится наследником созданной до него материальной и духовной культуры, учится языку, принадлежит к определенному народу. Вырастая, он вступает и в другие отношения с окружающими людьми, образуя сообщества. Каждое из них имеет свои цели и задачи. Созданные людьми сообщества, не покушаясь полностью на свободу человека, должны обладать средствами и возможностями для выполнения своих задач, что накладывает на свободу человека определенные ограничения.

Сообщества образуют иерархию расположенных друг над другом этажей.

Первый этаж гражданские структуры: семья, хозяйственные товарищества, предприятия, общественные организации.

Эти сообщества называются гражданскими потому, что граждане сами, по своей воле, становятся их членами. Никто не может быть принужден к вступлению в такое сообщество и может выйти из него. Гражданские сообщества сами решают, чем заниматься, а чем нет, и ограничены в деятельности только обязанностью не нарушать законы.

Два следующих этажа образуют **публичные сообщества**. Органы местного самоуправления, так же как и органы государственной власти, создаются в обязательном порядке решением государства. Никто не спрашивает гражданина, хочет ли он исполнять госу-

дарственные законы и обязательные постановления местного самоуправления, оказавшись на соответствующей территории, он обязан их исполнять.

Второй этаж – местное самоуправление, которое объединяет **всех** жителей, проживающих на данной территории.

Для чего создается местное самоуправление? Часто в наши дни говорится, что местное самоуправление необходимо для того, чтобы заботиться о каждом гражданине, «дойти до каждого». Для сограждан, оставленных наедине со своими проблемами, такое обещание звучит очень привлекательно, не зря его к месту и не к месту повторяют кандидаты на ту или иную властную должность. И, тем не менее, в этом обещании позаботиться о каждом, столь знакомом нашим согражданам, за 70 лет советской власти привыкшим к плотной опеке со стороны государства и правящей партии, содержится глубокое заблуждение.

Местное самоуправление, равно как и государство, не имеет права заботиться о каждом гражданине, потому что такая забота означала бы вмешательство в частную жизнь человека, нарушение тех прав и свобод, которые ему гарантированы конституцией. Наоборот, забота о делах местных и делах государственных, содержание на свои налоги органов власти, участие в их формировании, контроль и оценка их деятельности – обязанность каждого гражданина. Не государство содержит граждан, а граждане содержат государство, поэтому и получают право что-то требовать от него. Заботиться о каждом обещают только тоталитарные режимы – и всегда обманывают, отбирая у людей не только свободу, но и все плоды их труда, и раздавая малую часть из них обратно под видом заботы о своих гражданах.

Из этого правила есть два важных исключения: вмешательство в дела человека допускается или тогда, когда он сам обратится за помощью, или тогда, когда он вследствие различных обстоятельств опускается настолько, что над ним приходится установить опеку или попечительство, т. е. открыто признать его неспособным заботиться о себе и передать эту заботу кому-то другому.

Местное самоуправление возникает по иной причине: у людей, живущих вместе, некоторые общие задачи и интересы. Для их выражения требуется определенное ограничение свободы самих жителей, исполнение ими определенных норм правопорядка, строительных, санитарных, противопожарных и многих других.

Для решения общих задач и защиты интересов и создаются органы местного самоуправления. Создаются с согласия государства, в рамках его законов и под его контролем. Этим современное местное самоуправление отличается от городов-государств (Афин, Флоренции, Великого Новгорода), которые были суверенны и сами решали все свои вопросы, вплоть до внешней политики. Над современным самоуправлением зримо и незримо нависает государство, определяющее пределы его самостоятельности. Более того, оно **возлагает на местное самоуправление ряд обязанностей, отказываться от исполнения которых то не в праве.**

Наконец, **третий этаж** образует государство, объединяющее весь народ и решающее общенациональные задачи.

Итак, общество, признающее достоинство и свободу граждан, построено как бы снизу вверх. Гражданам предоставляется свобода в выборе жизненного пути и решении своих проблем, если они не нарушают закон или не обратились к обществу за помощью. Но возможностей и сил самих граждан может оказаться недостаточно для решения их проблем. Многие из них не под силу одному человеку именно потому, что возникают только при совместной жизни граждан и касаются всего сообщества в целом. В этих случаях на помощь гражданам и должны последовательно приходиться «вышележащие этажи» общества и государства. Если возможностей человека недостаточно, то подключаются гражданские структуры – сначала семья, затем местное самоуправление, а уж если и его возможности оказываются недостаточными, то государство.

При этом **задача вышележащих этажей в первую очередь в том, чтобы создать благоприятные условия для деятельности нижних** – обеспечить «условия безопасности и благосостояния», а не вмешиваться в деятельность граждан.

Но почему государство само не занимается решением всех вопросов, в том числе и местных? Ведь, создав органы местного самоуправления, оно вынуждено поделиться с ними частью власти, оставить в их распоряжении часть доходов, собираемых на их территории. Не исключены и конфликты между государством и органами местного самоуправления.

Местное самоуправление создается потому, что оно может разгрузить государство от решения множества местных задач. То, что на месте решается за один миг, для государства требует длительной бюрократической процедуры. Бюрократический аппарат разрастается, а эффективность падает.

Поэтому государство идет на децентрализацию – т.е. создает органы, наделенные правом в ряде дел принимать самостоятельные решения. Это – не всегда органы местного самоуправления. Иногда создаются органы местного государственного управления – то есть автономные органы, руководители которых назначаются государством.

Но такая мера обычно оказывается недостаточной. Децентрализация не может обеспечить реальной самостоятельности местных органов власти, сохраняя их бюрократическую зависимость от центра. Все претензии к работе местных органов государственной власти переадресовываются непосредственно государству – кто их назначил, тот за них и отвечает.

Поэтому государство делает следующий шаг: дает возможность местным жителям влиять на формирование органов местного управления путем превращения их в органы местного общественного управления. За государством сохраняется контроль и право в критических случаях вмешиваться в работу самоуправления.

Необходимо отметить и серьезный сдвиг во взаимоотношениях между государством и местным самоуправлением, произошедший за последние десятилетия. В начале XIX в. самоуправления вели с государством жесткую борьбу за свое выживание, за самостоятельность и независимость, к концу XIX – началу XX в.

местное самоуправление заняло прочные позиции в системе органов власти, к концу же XX в. оно широко используется государством как «агент», участвующий в исполнении собственно государственных программ.

Сложнее ответить на вопрос, **почему местное самоуправление в современной России переживает глубокий кризис и что нужно сделать для его преодоления?**

ВЫХОДЫ ИЗ ТУПИКА

Напрашивается ответ: для этого следует принять законы, которые правильно установили бы права и обязанности местного самоуправления, способы формирования его руководящих органов и его место в системе государства. Государство должно занять самую активную позицию по возрождению местного самоуправления и его поддержке, иначе при слабости общественных сил ничего достигнуть не удастся.

В этом ответе содержится значительная доля истины. Действительно, за 70 лет советской власти были разрушены все органические основы жизни людей – нет такой сферы жизни, которая не была бы отравлена казенщиной и формализмом. В СССР существовала и партия (единственная), и профсоюзы, и пародия на местное самоуправление в виде советов – но все это только по воле партийной верхушки, под ее руководством и для реализации ее целей. Подчинена была воле правящей партии вся культурная жизнь страны и система образования. Лишь семья, хоть и понесла урон от вмешательства со стороны, например, парткомов, как-то сохраняла свою жизнеспособность. Из всего этого наши сограждане вынесли только опыт недоверия и отвращения ко всякой общественной деятельности.

Надо удивляться не слабости гражданского общества в современной России, а тому, что в стране еще теплится хоть какая-то самостоятельная деятельность людей. Попытка решить все проблемы разом, просто даровав людям свободы и надеясь, что все разрешится само собой, была безуспешной потому, что **ни одно государственное учреждение не может быть выше готовности народа к его применению, и в наибольшей степени это касается самоуправления.**

Выше мы уже говорили, что при слабости «нижних» этажей общества государству придется брать на себя обязанности гражданских структур и местного самоуправления, место которых оно заняло. **Без активного содействия государства, монополизировавшего ранее всю жизнь в стране, ни о каком возрождении местного самоуправления говорить не приходится.** Восстановление самоуправления в России должно сопровождаться серьезной культурной и духовной работой общества, основательной подготовкой к ответственности, которую непременно несет с собой свобода, без которой она превращается в произвол и самоуправство.

Однако подготовка эта не может ограничиваться мерами лишь государственным. Государство может создать благоприятные условия для возрождения самоуправления, но не может заменить деятельности самих граждан.

Мы связали возникновение местного самоуправления с потребностями совместной жизни людей. Но это только предпосылка их действительно общей жизни.

Можно всю жизнь прожить среди людей, но ни разу не задуматься о своих ближних, их заботах и нуждах, быть чуждым их радостям и тяготам. Почему одни семьи счастливы, а другие нет? Счастливы те, в которых люди готовы чем-то пожертвовать ради семьи, рассматривают семью как ценность, которую нужно беречь, а не только как средство удовлетворения своих желаний. Точно то же верно для местной общины и государства.

Люди живут вместе с другими и в тюрьме, и ожидая на вокзале прихода поезда, и в самом поезде, но это не делает их сообществом, общиной (хотя и у них есть совместные интересы – например, чтобы поезд достиг места назначения). В общине, кроме жизни внешней, чисто материальной, должна быть и иная, внутренняя, духовная жизнь, не только совместные интересы, но и совместная привязанность. Нельзя добровольно жертвовать для того, что ты не **любишь**. Если люди равнодушны к своей малой родине, не стоит рассчитывать, что они будут тратить силы и время на ее обустройство.

В этом отношении советская власть оставила не лучшее наследие. Девиз «мой адрес не дом и не улица, мой адрес Советский Союз» реально воплотился в жизнь запустением русского села и малых городов России, массовым оттоком населения из родных мест. **С восстановления местной общины должно начаться восстановление местного самоуправления.**

Но утрата малой родины – не единственная проблема на пути возрождения самоуправления. Наши сограждане так привыкли жить под опекой государства, что часто не могут понять самых простых вопросов, которые были ясны любому крестьянину в России в начале XX в. Трудно объяснить, что такое муниципальный бюджет тем, кто никогда не вел собственного домашнего. Или что такое муниципальное хозяйство тем, кто никогда не имел хозяйства собственного. В советских или профсоюзных органах можно было научиться лишь правильно распределять ресурсы, получаемые сверху. А ведь местному самоуправлению надо в первую очередь средства **зарабатывать**. Поэтому обучаться навыкам общинного хозяйствования в современной России придется параллельно с обучением навыкам хозяйствования частного.

Таким образом, возрождение местного самоуправления в России возможно только при слиянии двух потоков реформы: реформы сверху, проводимой государством, и реформы снизу, подготавливаемой усилиями самих граждан по восстановлению условий совместной жизни.

Что же нужно делать, и чего нельзя делать ни в коем случае, чтобы муниципальная реформа двигалась вперед? В рамках одной статьи можно наметить лишь некоторые общие подходы, исходя из того, что **участники муниципальной реформы граждане, государство и сами муниципалитеты, а точнее говоря, активисты муниципального движения.**

Труднее всего активизировать участие в реформе граждан. Нельзя приказывать любить свою малую родину, – в арсенале остаются просвещение, личный пример по восстановлению доверия граждан к органам власти (в том числе и местной власти), поощрение разумных

инициатив и другие подобные меры, относящиеся скорее к духовной и нравственной сфере.

Пожелания к государству можно сформулировать более четко – следует не только принять законы, необходимые для становления местного самоуправления, найти терпение не менять их каждый день, но вести постоянную работу по содействию восстановлению местного самоуправления, рассчитанную на десятилетия. В сфере базового законодательства дела обстоят не так плохо: если проанализировать законы о местном самоуправлении, можно отметить громадный шаг вперед от советской модели, созданной для функционирования в системе единого централизованного хозяйства, к современному представлению о муниципалитетах, действующих в рамках многоукладной экономики со множеством самостоятельных хозяйств. Конечно, в федеральном законе «Об общих принципах местного самоуправления в Российской Федерации» немало недостатков, но в целом он создает вполне достаточные предпосылки для восстановления самоуправления. Даже наличие в законе отклонений от «поселенческого принципа», допускающих создание самоуправления в рамках районов, а также возможность иерархии, соподчинения одних муниципалитетов другим, можно рассматривать как временную меру, вызванную реалиями современной России.

Но развитие сопутствующего законодательства (налогового, бюджетного, жилищного, социального и т. д.) показывает, что в государстве в настоящее время не существует ясного понимания, зачем стране местное самоуправление. В результате большинство принимаемых законов в той или иной мере ущемляют возможности муниципалитетов, мешают им встать на ноги, создают атмосферу неуверенности.

Нет у нас и органа, который отвечал бы за муниципальную реформу – в отличие от дореволюционной России, где за проведение земской и городской реформ отвечало МВД.

Таким образом, от государства требуется сформулировать **программу муниципализации России и обеспечить ее выполнение как на уровне проведения необходимых законов, так и на уровне мер исполнительной власти, не относясь к этой программе как к очередной кратковременной кампании.**

И, наконец, есть проблема, решить которую должно само муниципальное движение, – **профессионализация муниципальной деятельности.** Без квалифицированного слоя муниципальных работников никакая муниципальная реформа не пойдет. Успех земской и городской реформ в России второй половины XIX в. был связан именно с участием в работе земских и городских органов людей, профессионально связавших себя с местным самоуправлением. Именно они работали в управах, издавали (в том числе и за свои деньги) журналы и книги, в складчину посылали за границу своих коллег изучать современный опыт.

И все же, как не были бы важны эти факторы, самым важным остается проблема возрождения субъекта местного самоуправления – местного сообщества людей, любящих свою малую родину и готовых взять на себя ее обустройство, – **возрождение местной общины.**

Из первых рук

От редакции. Наши читатели в письмах часто задают вопросы о вновь возникающих в стране партиях и движениях, в частности, людей особенно интересуют Российская партия труда и движение «Либеральная Россия». В этом номере мы публикуем без комментариев статьи об этих организациях, отражающие мнения их участников или симпатизирующих им лиц.

*Алексей Черных**

О ПРИОРИТЕТАХ РОССИЙСКОЙ ПАРТИИ ТРУДА

12 января 2002 г. в Москве, в Центральном Доме туриста, состоялся учредительный съезд Российской партии труда (РПТ). Присутствовал 201 делегат от 55 субъектов РФ. Основной социальный состав этой партии – активисты свободных профсоюзов («Защита труда», «СОЦПРОФ», Российский профсоюз докеров, Межрегиональное объединение профсоюзов «Солидарность», другие профобъединения, не входящие в ФНПР), имеющие опыт защиты трудовых прав наемных работников на протяжении последних 10 лет. На съезде была поддержана идеология солидаризма как долговременная программная линия вновь образованной партии.

Развернулась также дискуссия вокруг основного социального противоречия российского общества: между интересами региональной бюрократии и собственников и интересами наемных работников. Был сделан вывод о том, что огромную негативную роль в «перестроечных» процессах сыграли неэффективные собственники и менеджеры.

Было подтверждено, что сущность основного социального противоречия – противоречие между господствующим классом (бизнес-бюрократия) и лицами наемного труда, несущими основную тяжесть социально-экономических издержек либерально-монетаристского курса.

К источникам бизнес-бюрократии участники дискуссии отнесли:

- а) номенклатуру советского периода, сменившую «Капитал» на капитал;
- б) дельцов теневой экономики (кооператоров, банкиров, руководителей коммерческих фирм);
- в) промежуточные слои (т. н. средний класс – лица с доходами от \$400-500 до \$1000 на человека в месяц; таких, по данным журнала «Эксперт», в России не более 5-7%);

Лицами наемного труда делегаты съезда РПТ считают:

- а) бюджетников 18 разрядов единой тарифной сетки;
- б) государственных служащих (разряды АБВ), наемных работников частных, а также государственных предприятий, перешедших на рыночные отношения;
- в) наемных работников частных (иностраных) банков и посреднических организаций, получающих долю прибыли;

* Делегат Учредительного съезда Российской партии труда, представитель межрегионального профобъединения «Солидарность».

г) наемных работников приватизированных АО, ООО и т.д.

Различия в оплате труда руководителей и квалифицированных рабочих выросли с 300-500% в начале 90 г. до 10.000% и более сегодня. Эта дифференциация имеет тенденцию к неограниченному росту, что еще больше будет способствовать нарастанию основного социального противоречия в нашем обществе.

Политические интересы бизнес-бюрократии и среднего класса выражают: «Единство» – «Отечество», СПС, «Яблоко».

На выражение в политической сфере интересов наемных работников претендуют: КПРФ (авторитет которой в регионах катастрофически падает) и РПТ.

Было также отмечено, что последствия вступления во Всемирную торговую организацию будут отрицательными, т.к. неконкурентоспособная продукция и услуги будут способствовать массовой безработице.

По мнению участников дискуссии, основная особенность нынешнего положения в стране – стихийный протест.

Провозглашенный Путиным курс на «просвещенный либерализм» (в противовес предыдущему дикому либерализму 1991 – 2000 гг) означает укрепление властной вертикали (российского государства) и вступает в противоречие с его же социально-экономической политикой, направленной на ослабление роли государства как регулятора социально-экономической жизни общества.

Политический курс РПТ предполагает сочетание рыночных отношений с планомерностью развития экономики и расширением социальных функций государства. Основные социальные противоречия могут разрешаться: на основе сбалансированной социально-экономической политики государства и эффективности деятельности новых собственников и менеджеров в условиях неолиберального курса правительства. Для достижения этой цели необходимо решение двух задач: 1) изменение политической стратегии государства – от политики выживания к политике развития общества; 2) становление элементов коммуитаризма и гражданского общества.

РПТ считает необходимым:

1. Возобновление ренты от эксплуатации природных богатств для реализации социальных программ в стране, а не для потребления частными собственниками перерабатывающих отраслей. Для этого необходима деприватизация ТЭК и его инфраструктуры в интересах общества.

2. Установление оплаты услуг ЖКХ в соответствии

с оплатой стоимости рабочей силы, а не на основе затратной, неэффективной экономики.

Первоочередные шаги РПТ:

1. Приостановка реформы ЖКХ в том виде, как происходит сейчас в регионах (ежемесячное повышение цен на коммунальные услуги).

2. Борьба за увеличение доли зарплаты в структуре себестоимости по производству товаров и услуг с 5-7% (сейчас) до 15-25% в перспективе.

3. Выработка профсоюзной линии в отношениях с органами судебной, исполнительной власти и работодателями в связи с принятием нового трудового кодекса.

4. Открытие общественных приемных при отделениях партии, создание и укрепление профсоюзной инфраструктуры в регионах.

5. Защита «серой экономики», в которой занято до

50% населения страны, т.к. это дает людям дополнительный доход.

Друзья РПТ – все политические партии и движения, в основе программных задач которых – политика здравого смысла. Основы такой политики: сильное правовое государство; диктатура закона для всех и каждого; судебная реформа; поддержка эффективного собственника и менеджера; роль государства как субъекта в трудовых отношениях не должна перекладываться на собственника и менеджера, для чего необходимо создать соответствующую эффективную нормативную базу.

Одним из источников своего электората РПТ считает рядовых членов КПРФ из лиц наемного труда.

Политические оппоненты РПТ: союз «Единства» и «Отечества»; СПС; региональные и федеральные руководители КПРФ.

*Михаил Молоствов**

ПОЧЕМУ ЗАЩИТНИК ВОЛЬНОСТЕЙ И ПРАВ НЕ В СОЮЗЕ ПРАВЫХ

Ироническое выражение «защитник вольностей и прав», заимствованное у Пушкина, сегодня применимо и к О.О. Миронову, уполномоченному по правам человека в Российской Федерации, лицу вполне официальному, и ко всем гражданам – от Абрамкина до Якунина, озабоченным тем, как так называемые правоохранительные органы и силовые структуры относятся к нам с вами. И надо признать, что отношение это никак нельзя назвать нормальным.

Только что ты выступал на Гражданском форуме, как Пасько, и вдруг выясняется, что ты – японский шпион. Кто такой Паша-Цветомузыка? Жертва преступления или преступник? А министр Аксененко? По словам Касьянова, он достойный преемник графа Клейнмихеля и наркома Кагановича, а по определению генпрокуратуры – подозреваемый в злоупотреблении служебным положением, если не прямой растратчик казённых средств. Что же говорить о малых сих, например, о прохожем, случайно встретившем в метро милиционера? Паспорт, на беду, оставлен дома, а физиономия слегка напоминает «лицо кавказской национальности»...

Вполне понятно, что правозащитное движение, возникшее ещё в СССР, продолжает существовать и при его правопреемнике, Российском государстве. Тогда это движение было нелегальным, сегодня к нему относятся иронически. Отчего это вы, правозащитники, – спрашивают часто, – больше беспокоитесь о преступниках, чем о таких, как мы, страдающих от разгула преступности? Не потому ли, что для вас места отбывания наказания – не terra incognita, а дом родной?

Нравственные аргументы не в моде...

Можно, конечно, заметить, что пенитенциарная система, уподобленная яме, куда сбрасывают осуждённых

и подлежащих суду, по меньшей мере так же общественно опасна, как испорченная канализационная система больших городов. Палочка Коха, к примеру, о двух концах. Она бьёт по заключённым, но не милует и надзирателей. И вольные граждане – от бомжей до новых русских – подвержены её ударам. А кто сказал, что жестокость менее заразна, чем туберкулёз?

Вслед за блатным жаргоном общество последовательно инфицируется нравами, взращёнными в переполненных камерах изоляторов, произволом, царящим в лагерях, где уже не ясно, что страшнее – диктатура закона или воровской закон.

Мне, в бытность мою членом верховного совета РФ, выпала честь участвовать в торжественном акте: на одном из барачных Пермского лагеря была установлена памятная доска с надписью: «Отсюда уходили на волю последние политические заключённые коммунистического режима».

Боюсь, что сегодня такие слова не только не были бы одобрены верховной властью, но и вызвали бы смущение внизу. С одной стороны, зачем обижать г. Миронова О.О. и его родную оппозиционную партию, с другой – кто поручится, что среди миллиона нынешних эзков нет посаженных по политическим мотивам?

Вся Россия – terra incognita. И в прямом смысле, ибо никто не знает, живём ли мы уже при демократии или ещё? И в переносном, поскольку уголовные нравы распространяются в евразийском пространстве, как ТБЦ.

Правозащитное движение называли ещё демократическим движением. И на самом деле, те, кому были дороги права человека, видели будущее России в демократии. Ровно двадцать лет назад «Хроника текущих событий» сообщила о том, что известный историк Гейфтер демонстративно вернул КПСС свой партийный билет (прятать такого рода документы, перекрестив их, будут десять лет спустя). Почему Михаил Гейфтер тогда

* Молоствов Михаил Михайлович, бывший политзаключённый, депутат Верховного Совета РФ 1990-1993 гг., депутат ГД РФ 1993-1996 гг.

заявил о своём выходе из партии? Потому что эта партия препятствовала поискам и благословляла репрессии против ищущих. Так 6 апреля 1982 г. будет арестован ученик Гефтера Глеб Павловский.

Надеюсь, сегодня он не нуждается в представлении. Но тогда и его посчитали демократом (ст. 190-1 УК РСФСР).

Бывает же так, что в судьбе одного человека отражается судьба целой страны...

«Я был марксистом, – рассказывает о себе Павловский, – но никогда не был социалистом».

«Как же это понимать?» – спросите вы. Элементарно. Павловский верил, что не идеи, а «деньги – товар – деньги» правят миром, но при этом ни с кем не собирався делиться.

Партия, властвовавшая в нашей стране, во всяком случае тогда, когда её покинул учитель Павловского, тоже ценила всё материальное, ни в грош не ставила идеи и не хотела ни с кем делить собственность и власть.

Увы, смертны не только люди, но и партии. Внезапно смертны, и такого рода внезапность называется революцией. В августе 1991 г. от коммунистического режима в России остались только памятные доски. Во всяком случае, так казалось нам, назвавшим себя демократами.

Какие демократы, такая и демократия. Быть может, одним из первых именно он, Павловский, открыл для себя, что за борьбой партий, групп и личных амбиций по-прежнему стоят корыстные интересы. Историк по профессии, из политических деятелей прошлого он ценил Бонапарта, а в ближайшем будущем искал того, кто способен у нас сыграть похожую роль. Себя Павловский готовил в гримёры и костюмеры российского Цезаря.

С конца 80-х защитник вольностей и прав с надеждой смотрел на Польшу. Но как наша церковь не способна была выдвинуть кого-нибудь похожего на кардинала Войтылу, так и распадавшаяся КПСС вместо эмбриона социал-демократии оставила после себя на Руси метастазы национал-социализма.

Какая партия могла последовательно противостоять «вечно бывшим» и дать России правительство реформаторов? Многим из нас казалось: есть такая партия, потом уже она обрела название – «Демократический выбор России».

Один из её основателей, Е.Т. Гайдар, вошёл в историю как тот, кто поднял вертикаль власти (Ельцина Б.Н.) с рельс популизма и дал зелёный свет экономическим преобразованиям. За ним А.Б. Чубайс и другие авторы дорогостоящей книжки «Приватизация по-русски» практически вывели нашу экономику из государственно-капиталистического тупика. Куда? На перекрёсток, с которого, как говорили, рукой подать до магистрали общемирового развития.

Там, впереди, и малый бизнес, и средний класс, и гражданское общество...

Увы, пока экономический базис России – государственно-монополистический капитализм. Этого не отрицает и Б.Е. Немцов, лидер СПС – партии, унаследовавшей от ДВР и джентльменский набор либеральных ценностей, и опасную близость к вертикали власти, имеющей, конечно, собственный интерес.

Уже во время I чеченской войны и в ГД, и в местных

партийных организациях (в Петербурге, например) поговаривали о том, что «правозащитный синдром» мешает реформаторам влиять на правительство и президента.

Симптоматичен выход в свет книги г. Улюкаева «Правый поворот». Её автор – талантливый экономист, убеждённый, к сожалению, что прав тот и только тот, кто готов поддержать любую власть. Мысль Улюкаева конгениальна «марксизму» Глеба Павловского. Пиарщик организует имидж Её Величества, а коммерции советники обеспечивают устойчивость вертикали. В такой обстановке защитник вольностей и прав оказывается кругом неправым.

Не может он исповедовать государственную (имперскую) точку зрения на Чечню. История с «Известиями», борьба хозяйствующих субъектов за НТВ, наезд на ТВ-6, очевидно внеэкономический, процессы, затеваемые спецслужбами, – всё это раздражает правозащитников, а правозащитники, в свою очередь, раздражают тех, кто всегда прав. Ещё большее размежевание между демократами старого образца и новорусской либеральной элитой намечается в социальной сфере.

Вот характерный случай. Из Москвы в Петербург приезжает представительница руководства СПС, экзотическая дама, приятная во всех отношениях. Среди принимавших её с подобающим размахом (ведь «Она этого достойна») оказался один народный артист, известный и любимый всеми на российских просторах. И он подложил ложку дёгтя в бочку мёда. По простоте душевной – во время встречного торжества!

Сказал народный, что не следует забывать о бедных людях, а самим нам вести себя скромнее, не шиковать. Что было, что было!

Дама, приятная во всех отношениях, взорвалась. Так взрывался Бородин – до поездки в Штаты и Швейцарию, когда его не хвалили за вызолоченный Кремль. Так негодовал Лужков, когда не кланялись ему в пояс за Храм Христа Спасителя, царскую мачту Церетели и фейерверки по всякому поводу.

Оглушённый взрывом, народный артист покинул элитную тусовку и Союз Правых.

А в самой столице не только правозащитники покидают партию, в которой уже давно были белыми воронами. Покидают также С.Н. Юшенков, В.В. Похмелкин, Б.А. Золотухин, В.И. Головлёв и другие – кто налево, кто направо, спешат вон из рядов СПС.

«Партия укрепляет себя через раскол».

Г.А. Томчин, сегодняшний руководитель питерской организации СПС, мечтавший ещё «Демократический выбор» превратить в Партию Крупного Капитала, может радоваться: с уходом авторитетных лиц освобождаются места для тех, кто делает деньги.

Строго говоря, партия Крупного Капитала, конечно, – псевдоним, и псевдоним в старой традиции. Когда на рубеже XIX и XX вв. появилась Российская с. д. рабочая партия, она состояла не из рабочих. И партия Народной свободы к народу имела такое же отношение, как маленький Томчин к Крупному Капиталу. Политик в России всегда – не то, что он есть, а то, чем он хочет быть.

И всё же эсдеки и кадеты и любая другая партия выбирали себе псевдонимы, способные привлечь к ним, а не оттолкнуть от них избирателя.

Объявив себя партией Крупного Капитала, или, мягче – не по Томчину – партией Состоятельных и Обеспеченных, Союз Правых заранее обессиливает себя перед грядущими выборами. В Санкт-Петербурге он едва ли наберёт 3-5% голосов, ибо большинство питерцев – это «маргиналы», «люмпены», «городские сумасшедшие» – как их ни обзывай, но ни в коей мере не представители Крупного Капитала.

Я даже подозреваю, что в так называемых цивилизованных странах Запада не существует ни одной политической организации, которая решилась бы назвать себя не то что партией денежного мешка, а даже Союзом Правых Сил, не предложив страждущим и обремененным многообещающих социальных программ, не демонстрируя заботу, пусть показную, о тех, кто ещё находится за чертой бедности.

Нельзя рассчитывать на электорат, отмежевываясь от него.

Но, быть может, самые правые из союза тех, кто всегда прав, в душе уже поставили крест на выборности как таковой? Сенат у нас не выбирается, а как работает! Миронов был ниспослан на место Строева как новый председатель колхоза на место старого в добрые кол-

хозные времена. Губернаторов ещё прямо не назначают, но выбирают так, чтобы до минимума свести волеизъявление обывателей и максимально удовлетворить пожелания Центра. И из нашего города на Неве, откуда прежде в Москву ехали избранные демократы, теперь бьёт неиссякаемый источник спецназначенцев.

Поставим вопрос так: быть может, эта тенденция подбора кадров больше соответствует духу времени? Или, говоря на языке, внятном таким марксистам, как Павловский, государственно-монополистическому базису удобнее в качестве надстройки иметь не демократические институты, а иерархию спецназначенцев?

Разве, положа руку на сердце, все мы не были предназначены на роль пролетариев, когда бывших комсомольских активистов назначали олигархами?

Защитники вольностей и прав не могут согласиться с тем, что делается у нас и в государственных сферах вообще, и в партийных организациях в частности. Участникам бывшего некогда демократического движения нечего делать в союзе тех, кто и номинально и фактически отказался от демократического выбора ради того, чтобы быть правым в глазах беспартийных и коммунистов, образующих властную вертикаль.

ОБОРОНА, ВПК, КОНВЕРСИЯ

В предыдущем номере «Посева» мы затронули тему прежних советских праздников в современном российском календаре. Речь шла о т. н. «Дне защитников Отечества». Мы продолжаем разговор – тем более, что поднятые в статье С. Маркедонова вопросы касаются не только дня 23 февраля, но и всех оставшихся от коммунистов «красных» дат.

*Сергей Маркедонов**

ПРАЗДНИК КРАСНОЙ АРМИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

«С чего начинается государство?» Сама постановка вопроса банальна. Когда мы говорим о государстве, то подразумеваем управленческий аппарат, армию и полицию. Между тем совершенно очевидно, что бюрократия III рейха или сталинского СССР будет существенно отличаться от административно-управленческих структур демократических стран Европы и США. Любые органы власти, управления и подавления создаются под определенные цели, имеют конкретные задачи и руководствуются набором некоторых ценностей. Без них армия, милиция и спецслужбы превращаются в сообщество вооруженных граждан, кормящихся за счет общества. Если государство хочет быть чем-то большим, чем корпорацией «кормленцев», оно должно иметь собственный «символ веры». В роли такого светского «символа веры» выступают государственная символика и провозглашенные государством праздники. Государственные праздники – не повод лишний раз поднять бокал, как полагают иные пролетарии умственного и физического труда. Это – формы позиционирования государства во времени и простран-

стве. Это – ответы государства на извечные вопросы: «Кто мы? Откуда? Куда идем?» Это – ответы чиновного люда на вопрос: «Ради чего мы служим?» Государственные праздники – это выраженные символически высшие ценности и приоритеты власти. «Скажи мне, кто Твой друг, и я скажу, кто Ты», – гласит народная мудрость. Перефразируя известную пословицу, получаем формулу: «Скажи мне, какие символы и праздники у государства, и я скажу, что это за государство».

К сожалению, в послесоветской России отношение к праздникам и символам строится на основе марксистского постулата «Бытие определяет сознание». «Давайте заниматься экономикой, а не политикой! Давайте думать о развитии производства и социальной защите населения! Главное не разрушать памятники Ленину, а накормить бедных! Давайте бороться не с коммунизмом, а с нищетой!» Подобные призывы определяют сегодня политическую моду. Скольким депутатам, губернаторам и мэрам предвыборный слоган «Я не политик, а хозяйственник» помог занять заветное кресло. Что ж, быть здоровым и богатым действительно лучше, чем бедным и больным. Ни кто не спорит с тем, что стране нужно и развитое производство, и стабильная экономика. Только вот забывают «крепкие хозяйственники»,

* Кандидат исторических наук, заведующий отделом проблем межнациональных отношений Института политического и военного анализа

что производство можно «поднимать» по-разному. Можно предоставить максимальную экономическую свободу рук предпринимателям, устранив мелочную регламентацию и излишнюю опеку со стороны многочисленных чиновников, а можно вести великие стройки, загнав половину страны в концлагеря, а вторую половину прикрепив к земле как крепостных. Можно осуществлять научные прорывы, устраивая конкурсы грантов и тендеры на приобретение научно-технических проектов, а можно посадить строптивых ученых в «шарашки» под бдительный надзор, дабы избежать «утечки мозгов». Социальная защита населения может основываться на реальных, а не популистских гарантиях государства, носить адресный характер, а может обеспечиваться полной занятостью населения по методам, описанным выше. И в том, и в другом случае может наступить подъем производства и желанная стабильность. Только методы и, самое главное, «цена вопроса» будут диаметрально противоположно отличаться. В сегодняшней России необходим подъем производства на основе мобилизационной или рыночной модели экономики? Социальная стабильность должна достигаться путем максимальной свободы или максимальной несвободы? Ответить на этот вопрос только с помощью примитивных схем «крепких хозяйственников» невозможно. Для того, чтобы реализовать тот или иной преобразовательный проект, необходимо обращение к истории, выстраивание преемственности, определение тех идеалов, к которым мы стремимся, и того наследства, от которого мы отказываемся. Для этого не годятся разговоры типа: «Надо взять все хорошее, что было при царе, социализме и в последние десять лет и двигаться вперед». Прежде чем выступать с подобным тезисом, извольте уточнить, что конкретно хорошего вы собираетесь взять от «Руси советской».

Чествование защитников отечества обязательно для государства независимо от его политического строя и формы правления. Защита родины - не просто почетная миссия. Любое государство начинается с границ, а границы защищают люди в погонах. Без армии невозможно существование государства как института. Но не праздный вопрос: «Какой день считать главным и определяющим для защитников России?» От ответа на это вопрос зависит то, какой мы хотим видеть нашу армию, какие приоритеты и ценности должны отстаивать российские военнослужащие. Если сегодня мы видим главной нашей внешнеполитической целью мировую революцию и защиту коммунистической идеологии, то день 23 февраля - наш праздник. Задумываются ли инициаторы празднования дня 23 февраля на государственном уровне, а что же они собственно отмечают. 23 февраля 1918 г. созданная декретом от 15 января Красная армия впервые столкнулась с внешним врагом под Нарвой и Псковом. Сделав все для того, чтобы разрушить «старую армию» и «превратить войну империалистическую в войну гражданскую», октябрьские триумфаторы именно в феврале 1918 г. приняли условия Брестского мира, по которому Россия потеряла около 890 тыс. кв. км. своей территории. Февральские дни 1918 г. стали днями национального позора для России, а словосочетание «Брестский мир» стало синонимом поражения. Празднование дня защитника отечества 23 фев-

раля - признание того, что история российской армии начинается только с «красного периода». Это - забвение русских военных традиций, существовавших до октябрьского переворота и брестской катастрофы и сохранившихся в кругах русской военной эмиграции. Бесспорно, день 23 февраля - праздник Красной армии. Но защищала ли она отечество в «восемнадцатом грозном году» - вопрос дискуссионный. Признавая единственными защитниками родины красноармейцев, мы тем самым отказываем в праве быть патриотами белым генералам и офицерам, оставшимися верными присяге и воинскому долгу.

Если же мы отказываемся от революционного способа преобразования государства и общества, выступаем за эволюционный путь, преемственность поколений и традиций и видим нашу армию не инструментом правящей партии и коммунистической идеологии, то очевидно, что отмечать День 23 февраля на государственном уровне недопустимо. И разговоры высших чиновников о том, что 23 февраля мы будем чествовать не революционных матросов, а защитников России, ничего не меняют. За свою историю Россия одержала немало блистательных военных побед, и любой день этих «викторий» мог бы стать днем ее защитников. Если для власти и в самом деле важны традиции и преемственность, то почему российских военных надо чествовать в день рождения Красной армии, созданной не столько для защиты рубежей родины, сколько для братоубийственной гражданской войны.

Хотелось бы особо подчеркнуть. Отказ от старых военных праздников вовсе не означает того, что государство отворачивается от людей в погонах. Но необходимо четко осознавать, что если государство отказалось от советской модели и взялось за осуществление модернизационного проекта, то сохранение при новых целях и задачах госстроительства старой армии, старой символики и старых праздников будет весьма неуклюжей попыткой скрестить ужа с ежом.

Отказываясь делать выбор в пользу новых праздников и сохраняя старые по принципу чеховского героя «кабы чего не вышло», наша власть и мы все отказываемся не только от собственной истории, но и от собственной идентичности. Из уст российских политиков разного уровня можно услышать сетования по поводу того, что, де, плохо понимают Россию-матушку за границей. А как изволите ее понимать, если она одновременно ходит в мавзолей и с интересом рассматривает труп «вождя мирового пролетариата» и помпезно хоронит останки семьи последнего Государя, убитой благодаря стараниям «самого человеческого человека», если она ходит в церковь и в то же время отмечает праздник «Октябрьской революции», вождь которой провозгласил религию «видом духовной сивухи», а «идею всякого боженьки труположством». У сегодняшней России есть праздники, доставшиеся ей в наследство от Руси православной (Рождество, Светлое Христово Воскресение) и от Руси советской (первомай, день октябрьской революции, 23 февраля), но нет собственных праздников за исключением невнятного дня независимости. Вот и пойми умом страну, которая молится Богу и мамоне, и ставит памятник Христу на улице имени Иуды...

Игорь Вошинин*

СОЛИДАРИЗМ И ФИЛОСОФИЯ**

ФРАНЦУЗСКИЙ СОЛИДАРИЗМ И ФИЛОСОФИЯ

Солидаризм не был задуман как философская система. Основной целью солидаристов всегда была и остается перестройка общества на базе научного метода и учения о солидарности. Однако уже первый французский солидарист П. Леру¹ свой первый крупный труд «О человечестве ...» начинает со следующих слов, которые мы приводим в сокращенном переводе:

«Когда мы устаем путешествовать по лабиринтам прошлого, когда мы вдоволь пораздумаем о значении настоящего, мы начинаем чувствовать, что нас тянет в царство будущего. Душа наша говорит: вот прошлое, я его понимаю, но прошлое – это не я. Настоящее тоже не по мне. Я отдаю себе отчет, почему оно меня не удовлетворяет и не соблазняет. Но будущее, будет ли оно мим? Доживу ли я до того времени, когда равенство и справедливость будут царствовать между людьми? Какое отношение, повторяет она, беспрестанно существует между мной и этим будущим, между человечеством и мной?»

Душа наша, словно Архимед, ищет точку опоры. Но ничто конечное не может нам ее дать, да ничто конечное не могло бы дать и Архимеду его точку опоры, которую он хотел возложить рычаг, чтобы заставить действовать свою силу. И потому мы должны покинуть область политики и истории, чтобы в другом месте, в философии искать эту точку опоры, которая вам необходима».

Не будучи философом, Леру, однако, довольно ясно выражает свои философские настроения и, как мы увидим дальше, они будут повторяться во все новых вариациях у более поздних солидаристов. Основная идея их – связь между человеком и внешним миром, между человеком и человечеством. Связь эта представляется Леру не просто внешней, основанной на фактах повседневной жизни, но и относящейся к самому существу вещей.

«То, что человек называет своей жизнью, – говорит он, – не принадлежит ему полностью и не пребывает только в нем: она в нем и вне его; она частично пребывает в других людях и в мире, который его окружает... Для того чтобы он существовал и чувствовал себя существующим, необходимо, чтобы некоторое количество существ было сгруппировано вокруг него и гармони-

зировано определенным образом, чтобы то «Я», которое его составляет, воплощаясь в эти объединенные с ним существа, находило бы себя всегда вовне и представлялось бы ему во все моменты его существования».

Более поздние французские солидаристы считали своим философским наставником Шарля Ренувье², автора многочисленных философских трудов, которого принято относить к неокантианской школе («неокритицизм»). Будучи самым крупным французским философом конца XIX в., Ренувье оказал значительное влияние на дальнейший ход развития как французской, так и американской философии (в частности, на Джемса³). Хотя Ренувье и был последователем Канта, он отбросил ряд основных кантовских идей – веру в конкретное существование «вещи в себе», объявив ее чистой абстракцией, а также учение об «антиномиях». Будучи противником гегельянства, Ренувье, однако, строит свое учение о категориях, пользуясь диалектическим методом. Ренувье считает категории основными законами человеческого восприятия.

«Только о человеческом восприятии мы можем говорить с уверенностью. В нем нам даны некоторые категории, а также материя опыта. Категории определяют формы этой материи, правила нашего восприятия».

Но категории Ренувье не совпадают с категориями Канта. Это – категории отношения, позиции, последовательности, качества, становления, причинности, состояния и персональное. Каждой категории соответствует триада форм восприятия. Так, основной категории отношения соответствует триада: отличие, тождество, определенность; категории персональное соответствует триада: я, не-я, сознание. К своим категориям Ренувье приходит не путем чистого умозрения, но через критический анализ опыта. В них, однако, априорность и эмпирика сливаются воедино без того, чтобы мы могли что-либо сделать по этому поводу, так как всякий анализ, который мы предпринимаем, уже предполагает их как данное.

Особый интерес представляет для нас категория персональности, или личности, из нее Ренувье выводит свое учение о персонализме. Ренувье – основатель современного персонализма, хотя его идеи и доходят до современного сознания главным образом через вторые и третьи руки, за исключением, конечно, Франции.

У Ренувье нет ничего фатального; прогресс не обязателен, как у Гегеля; всякий шаг человечества сопряжен с риском. Но зато есть свобода, во всяком случае, у человека. Ж. Валь так характеризует учение Ренувье о свободе: «Надо выбирать, выбирать свободно – за свободу, выбирать в антиномиях Канта подходящие тезисы, и, вопреки как материалистам, так и последователям Спинозы, воздвигать философию личности. В мире Ренувье есть возможности и есть свобода; есть спрашиваемость, которую надо реализовать».

* Вошинин Игорь Владимирович (1906-1976). Родился в Петербурге. В 1924 г. окончил русскую гимназию в Белграде, в 1931 – Белградский университет. В Союз вступил вскоре по его основанию, участвовал в идеологическом творчестве. Опубликовал в «Посеве» много статей по истории и идеологии солидаризма.

**Эта статья была впервые опубликована в журнале «Посев» № 5, 6 за 1966 г. Затем, начиная с 1969 г., была перепечатана несколько раз в брошюре И. Вошинина «Солидаризм» (Франкфурт-на-Майне, «Посев», 1969 и более поздние годы). Настоящая публикация приводится в редакции 2002 г.

Другим признанным философом французского солидаризма был Альфред Фуйе⁴. В поисках свободы в мире, где как будто царит детерминизм, Фуйе выдвигает теорию идей-сил. В эпоху вульгарного материализма и примитивного механицизма, Фуйе, как и Ренувье, борется за идею личности и свободы. Он утверждает реальное существование сознания, которое через идеи силы принимает активное участие в жизни мира. Философия Фуйе есть «философия надежды». Мир есть «огромное общество в стадии формирования». Основа мира ментальна (духовна), и ментальное не только способно, но и должно развиваться. Материально-механический мир – только способ представлять истинный мир в пространстве и времени, как бы символ истинного мира. Материальная эволюция – лишь отражение эволюции ментальной. Ментальные состояния называются идеями. Их рождение может быть объяснено научно, как этого хотят детерминисты, но они приносят свободу, когда они начинают действовать. Сила идей – в их ментальном характере. Они способны влиять на индивидуальные сознания и их трансформировать. Вот почему всегда важны общественные идеалы, способные преобразовать социальную среду. Особое положение среди идей занимает идея свободы. Само существование её показательно, а её сила – значительна. Свою философию Фуйе считал синтезом натурализма и идеализма. По современной терминологии она находится где-то на грани между отвлеченным и конкретным идеал-реализмом.

Его приемный сын Ж.М. Гюйо⁵, поэт и философ, выводит из этой доктрины учение о том, что идеи-силы являются выражением присущего личности стремления к жизненной экспансии и «универсальной симпатии».

Нельзя пройти и мимо философской поэзии Сюлли-Прюдома⁶, которая так часто цитируется основателем французского юридического солидаризма Леоном Буржуа. Так, например, желая пояснить, в чем заключаются основные философские взгляды французского солидаризма, Буржуа говорит:

«Закон солидарности универсален, малейшие механические изменения структуры далее бесконечно малого тела отражаются на всей совокупности механических комбинаций мира».

Буржуа приводит следующие строки Сюлли-Прюдома: «Бьется сердце мое для добра // И кругом рождает созвучия. // Все, что есть во мне лучшего, – // Только слабое дает колебание, // Но расходится в вечность оно...»

НЕМЕЦКИЙ СОЛИДАРИЗМ И ФИЛОСОФИЯ

Германия после I мировой войны переживала тяжелый материальный и моральный кризис. Изношенный экономический аппарат не был способен удовлетворить основные потребности населения; вера в либерализм, которая составляла основу мировоззрения старшего поколения, была в корне поколеблена, и послевоенное поколение стало искать новые пути. Радикальные элементы находили их в коммунизме и национал-социализме; здравомыслящие люди от такого решения

проблемы, естественно, отшатывались. Некоторые интеллигенты обратили взгляд на солидаризм. Однако, принимая социальные и экономические идеи солидаризма, они решительно отбросили философские основы французского варианта этого учения. Лидерами немецкого солидаризма стали экономист Генрих Пеш и социолог Густав Гундлах, оба – известные ученые, университетские профессора, но оба – католики-иезуиты. Это обстоятельство, с одной стороны, сузило контингент немецких солидаристов до круга католической интеллигенции, а с другой стороны, предопределило философские основы нового движения.

Пеш, Гундлах и другие немецкие солидаристы, будучи католиками, восприняли тезисы неотомистской философии; однако она не содержит элементов, из которых солидаризм был бы легко выводим. В ней нет и намека на какую-либо внутреннюю связь между отдельными живыми или неживыми объектами нашего мира. Основой всего существующего признается «первичная материя». Только она едина и однообразна, но она лишена каких-либо качеств и способностей, кроме одной – быть способной к восприятию «формы». Воспринимая «форму», она превращается в отдельные объекты – камни, растения, животных и людей. Бог – чистая «форма» без материального субстрата.

Отдельные объекты существуют обособленно. Они ничем не связаны друг с другом, хотя между ними и есть взаимодействие, так как они принадлежат к одному и тому же миру. Есть между предметами реального мира, однако, некоторая общность потому, что они движутся в одном направлении – к совершенствованию, поскольку это позволено каждому из них по мере его способностей к развитию. Но это и всё, никаких внутренних сил, связывающих их воедино, не существует. Идеи всемирного онтологического единства или социального организма – результат пантеистического мировоззрения и, как таковые, недопустимы.

Тем не менее, немецкие солидаристы не отрицают социальной природы человека, а наоборот, считают ее первичной особенностью личности, подходящей для того, чтобы быть положенной в основу такого учения, как солидаризм. Однако и социальная природа человека, и само общество существуют не сами по себе, а только как функции природной направленности личности к высшим целям.

РУССКИЙ СОЛИДАРИЗМ И ФИЛОСОФИЯ

Франция считается родиной большинства политических и социальных идей конца XVIII и начала XIX в. Эти идеи находили подражателей и последователей в других странах; однако во многих случаях эти идеи перерабатывались за границей в зависимости от местных условий. Часто при этом оставалась лишь тематика, лишь сама постановка вопроса. Вопрос о солидарности, в то время сводившийся в основном к тому, как и чем связан человек с обществом, широко разбирался во французской литературе второй четверти XIX в. Не только Леру и его ученики, среди которых были популярная писательница Ж. Санд и отец социологии Огюст Конт⁷, но и все утописты обсуждали этот вопрос.

Эта литература была хорошо известна в России, составляя вместе с немецкой философией главный предмет обсуждения образованного общества.

А.С. Хомяков⁸, один из первых русских философов, был основателем учения о соборности, т.е. о сочетании свободы и единства группы личностей, объединенных общей любовью к абсолютным ценностям. Хомяков отрицательно относился к рационалистической линии западноевропейской философии своего времени, т.е. к философии Фихте и Гегеля. Он считал, что они приписывают реальному миру абстрактные правила человеческого разума, ограничивая тем самым наши возможности познания. В противоположность этому руководящая идея у Хомякова – конкретность и цельность реального мира. Философ считает, что все человеческие способности должны быть совместно использованы для познания реального мира – разум, органы чувств, эстетические ощущения, любовь, совесть, интуиция. Лишь так возможно получить живое знание реальности. Оно раскрывает нам динамический характер реального мира, в основании которого лежат «силы», имеющие металоогический характер. На низших ступенях развития силы производят материальный мир, на высших – свободную волю людей, сопряженную с разумом. Хомяков полагал, что эти идеи он вывел на основании изучения церковных писателей первых веков христианства, чьи сочинения он один из первых в России стал изучать с точки зрения содержащихся в них философских идей.

Прежде чем перейти к современному русскому солидаризму, следует еще упомянуть о философских идеях проф. Н.М. Коркунова⁹ – предшественника французских солидаристов Дюги и Ориу.

Современный русский солидаризм естественно связан со всем процессом развития русской философии, а для нее, независимо от направления, хотя и с некоторыми исключениями, характерна некоторая прасолидаристическая атмосфера, выражающаяся в принятии идеи всеобщей мировой связи, существующей не только между людьми и их обществами, но и вообще среди всех предметов одушевленного и неодушевленного мира. Так, Владимир Соловьев¹⁰ учил, что вещи не могут существовать отдельно от «всего», а только со всем и во всем. Познающий субъект внутренне связан со всем, что существует, через Абсолют. Лишь вследствие такой связи возможно реальное познание внешнего мира.

В XX веке эта идея получила дальнейшее развитие у Н.О. Лосского¹¹ и С.Л. Франка¹². Лосский учил, что «все имманентно всему», т.е. что все элементы субстанции, – или, по Лосскому, «субстанциональные деятели», – «частично единосущны: все они, как носители тождественных формальных принципов своей деятельности, сращены в одно целое. Потому они так интимно связаны друг с другом, что состояние каждого из них существует не только для него, но бессознательно существует и для всех других деятелей». Учение Н. Лосского в основном касается теории познания, где он развивает свое учение об интуиции.

С.Л. Франк дополнил учение Лосского изучением онтологических условий, которые делают интуицию

возможной. Франк объясняет возможность интуиции тем, что каждый субстанциональный элемент укоренен в Абсолюте и потому до всякого нашего познания его он уже находится с нами в непосредственном контакте – соединенный с нами не сознанием, но через само наше существо.

Русские политические течения XX в., консервативные или радикальные, по существу своему предреволюционны и, как таковые, опирались на узкую партийность, разделенность. Вот почему они и не могли воспринять объединяющую, связывающую, синтезирующую тенденцию русской философии и находятся в отрыве от нее. Русский солидаризм как явление главным образом пореволюционное сумел, наоборот, дать этой тенденции социальную формулировку. Солидаризм – не философское учение, но во всякой стране он, так или иначе, связан с местной философской спецификой.

С.А. Левицкий¹³, доктор философии и член организации российских солидаристов (НТС), взял на себя задачу изучения связи между философией и солидаризмом. В своем основном труде «Основы органического мировоззрения» (1947) он развивает идею об иерархическом, органическом строении мира, проникнутом бессознательной солидарностью, становящейся сознательной на высших ступенях развития.

«Так как, – говорит Левицкий, – каждое органическое целое представляет собой иерархически упорядоченный союз множества целых низшего порядка и само включено в цельность высшего порядка, то можно сказать, что принцип солидарности заключен уже в самом строении органического целого. Без этой инстинктивной солидарности внутри данного организма этот организм распался бы. Органические части организма объединены между собой солидарным служением целому. Эта внутрииндивидуальная солидарность настолько первична, что, вероятно, будет с трудом усвоена умами, слишком привыкшими к механистическим шаблонам мысли. Однако она составляет первофеномен жизни». Особенно важно, что Левицкий рассматривает солидарность не как явление статического мира, а как фактор эволюционного процесса. Это придает его учению динамический характер.

Из краткого обзора видно, что и французский, и немецкий, и русский солидаризм тесно связан с развитием местной философии. Отметим также, что всякая философская теория, с которой так или иначе связан солидаризм в любой стране, содержит учение о целенаправленном развитии если не всего мира, то, по крайней мере, человеческого общества. Французские солидаристы всегда оптимистически верили в теорию прогресса, хотя и принимали предостережение Ренувье о том, что ничто не гарантировано абсолютно в этом мире. Анализ учения о прогрессе немецкого солидаризма был сделан швейцарцем Гэли в его «Социологии солидаризма» (1943). Что касается русского солидаризма, то идея развития мира была подробно разработана С.А. Левицким.

¹ Леру Пьер (1797 – 1871) – французский мыслитель, создатель одной из социальных теорий христианского социализма. Его взгляды получили широкую известность во Франции и за ее пределами в 30-40 гг. XIX в. Основные работы Леру: «Опыт о равенстве» (1838), «О человечестве, его принципах и его будущем» (2 тт., 1840).

² Ренувье Шарль (1815 – 1903) – французский философ, глава школы неокритицизма.

³ Джемс Уильям (1842 – 1910) – крупный американский философ и психолог, один из создателей концепции «потока сознания».

⁴ Фуйе Альфред (1838 – 1912) – французский философ-солидарист, автор основополагающего солидаристического труда «Критика новейших систем морали» (1883, русск. пер. 1898).

⁵ Гюйо Жан Мари (1854-88) – французский философ и социолог. Его работы оказали заметное влияние на Анри Бергсона, Эмиля Дюркгейма и др. мыслителей. Основные работы Гюйо, переведенные на русский язык: «История и критика современных английских учений о нравственности» (1879, пер. 1898), «Нравственность без обязательства и без санкции» (1885, русск. пер. 1923), «Иррелигиозность будущего» (1887, русск. пер. 1908).

⁶ Сюлли-Прюдом (Прюдом, Рене Франсуа Арман) (1839 – 1907) – французский поэт, автор философских поэм «Судьбы» (1872) и «Справедливость» (1878), а также теоретических сочинений «Философский анализ сознания» (1896) и «Психология свободного выбора» (1906). На русском языке изданы сборники «Сюлли-Прюдом в переводах Андреевского, Анненского, Апухтина...» (СПб., 1911) и «Избранные стихотворения» (М., 1913).

⁷ Конт Огюст (1798-1857) – французский философ, основатель позитивизма; создатель социологии. В 1830-42 гг. издал шеститомный «Курс позитивной философии», в 1851-54 гг. – четырехтомную «Систему позитивной политики, или Трактат по социологии, устанавливающий религию человечества».

⁸ Хомяков Алексей Степанович (1804-60) – русский религиозный философ, богослов, поэт, публицист; славянофил. Основные издания последних лет: 1. Церковь одна. – М., Государственная публичная историческая библиотека, 1991. 2. Сочинения в 2-х томах. Т.1. Работы по историософии. – М., Московский философский фонд, 1994. («Семирамида» (отрывок), историософская публицистика). Т.2. Работы по богословию. – М., Московский философский фонд, 1994.

⁹ Коркунов Николай Михайлович (1853 – 1904) – русский юрист, специалист по государственному праву. Выступая против учения естественно-правовой школы о вечных и неизменных нормах права, он рассматривал право как подверженное изменениям общественное явление. Основные произведения Коркунова: «Русское государствен-

ное право» (2т., 1892-93), «Международное право» (1886), «История философии права» (1896).

¹⁰ Соловьев Владимир Сергеевич (1853-1900) – русский философ и богослов, поэт, публицист. Основные издания последних лет: 1. Сочинения в 2-х тт. Т.1. Философская публицистика. – М., Правда, 1989 (Приложение к ж-лу «Вопросы философии»). (Философская публицистика. Национальный вопрос в России (с приложениями). 2. Стихотворения, эстетика, литературная критика. – М., Книга, 1990. 3. Философия искусства и литературная критика. – М., Искусство, 1991. (Разделы: Красота как преобразующая сила. Нравственная миссия художника. Статьи о русских поэтах.). 4. Полное собрание сочинений и писем в 20-ти т. Сочинения в 15-ти тт. Т.1 (1873-1876). – М., Наука, 2000. Т.2 (1875-1877). – М., Наука, 2000. Т.3 (1877-1881). – М., Наука, 2001.

¹¹ Лосский Николай Онуприевич (1870 – 1965) – русский философ. Основные издания последних лет: 1. Воспоминания. Жизнь и философский путь. // Вопросы философии, 1991, 10-12. 2. Избранное. – М., Правда, 1991 (Приложение к «Вопросам философии»). («Обоснование интуитивизма», «Мир как органическое целое», «Свобода воли»). 3. Условия абсолютного добра. – М., Издательство политической литературы, 1991. («Условия абсолютного добра», «Характер русского народа»). 4. Бог и мировое зло. – М., Республика, 1994. («Достоевский и его христианское миропонимание», «Ценность и бытие», «Бог и мировое зло»). 5. Чувственная, интеллектуальная и мистическая интуиция. – М., Республика, 1995. («Типы мировоззрений», «Чувственная, интеллектуальная и мистическая интуиция», «Идеал-реализм»). 6. Мир как осуществление красоты. – М., Прогресс-Традиция, 1998. 7. История русской философии. – М., Сварог и К., 2000.

¹² Франк Семен Львович (1877 – 1950) – русский философ. Основные издания последних лет: 1. Сочинения. – М., Правда, 1990. («Непостижимое», «Крушение кумиров», три статьи). 2. Духовные основы общества. – М., Республика, 1992. («Духовные основы общества», «Смысл жизни», «С нами Бог», «Свет во тьме», «Русское мировоззрение». С приложением библиографии С.Л. Франка). 3. Русское мировоззрение. – СПб., Наука, 1996. (Сборник статей). 4. Реальность и человек. – СПб, РХГИ, 1997. 5. Непрочитанное.../Статьи, письма, воспоминания. – М., Московская школа политических исследований, 2001. (Статьи. Письма. Философский дневник. Воспоминания о П.Б. Струве).

¹³ Левицкий Сергей Александрович (1908-1983) – русский философ. Основные издания последних лет: 1. Сочинения. Т.1. – М., Канон, 1995. («Трагедия свободы», статьи разных лет). Т.2. Очерки по истории русской философии. – М., Канон, 1996. 2. Основы органического мировоззрения. – Готовится к переизданию в издательстве «Посев».

ГДЕ МОЖНО КУПИТЬ «ПОСЕВ» В ДВУХ СТОЛИЦАХ

В Москве журнал «ПОСЕВ» всегда можно приобрести на киоске «Экспресс-хроника» на Пушкинской площади (станции метро «Пушкинская», «Чеховская», «Тверская»); в книжных магазинах «Эйдос» в Старосадском пер., 9, «Гилея» на ул. Б. Садовой, 4, «AD MARGINEM» в 1-м Новокузнецком пер., 5/7, «Графоман» в 1-м Крутицком п-ке, 3, «Мир печати» на Сухаревской пл., 16/18, а также в государственной библиотеке на Воздвиженке, 3/5.

В Петербурге наш журнал продается в книжном салоне Санкт-Петербургского университета в здании филологического факультета на Университетской набережной, 11 (станция метро «Василеостровская») и в книжном магазине «Летний сад» на Большом проспекте Петроградской стороны, 82 (станция метро «Петроградская»), а также в филиале этого магазина на Невском пр., 3 (станции метро «Невский проспект» и «Гостиный двор»).

Доклады на 45-й конференции «Посева»*

Рената Гальцева

О НЫНЕШНЕЙ ДИСПОЗИЦИИ ИДЕЙ

НЕСКОЛЬКО ВСТУПИТЕЛЬНЫХ СЛОВ

В последнее десятилетие Россия совершает два движения, как Земля, следующая вокруг своей оси и вокруг Солнца, хотя есть и другие менее ощутимые движения, которые она совершает вместе с солнечной системой в галактике и вместе с галактикой во Вселенной. Россия выходит из тоталитарного семидесятилетия и включается в те же перемены, которые новы и для самого мира. На этой почве в нашей общественной мысли происходит смешение симптомов текущего момента с последствиями прежнего исторического этапа. Идеологи прогресса все новые неблагоприятные черты сегодняшнего антропоса приписывают воздействию на человеческую природу советского прошлого, его донной мути, поднявшейся на поверхность в условиях свободы: сегодняшний субъект - это всего лишь полностью обнаружившая себя подноготная «совка». Патриоты советской эпохи, напротив, дефекты, рожденные Октябрем, переписывают на счет Августа 91-го.

Образовался клубок, и для того чтобы его распутать и выстроить адекватные причинно-следственные связи, надо отдать отчет в том, какой новый ветер (и совсем не обязательно освежающий) ворвался в Россию на смену старому из вновь открытого окна в Европу. Мы имеем дело с неизвестным феноменом – неолиберализмом, или пропагандой свобод *sans gevages*, но не хотим замечать ее плодов. Таково свойство глобальной идеологии - видеть только то, что ей нужно. К примеру, губительную эскалацию юношеской преступности, немотивированных убийств и разного рода извращений, расцветших именно за последние десять лет, услужливые фактотумы передового мировоззрения спешат объяснить – вопреки здравому смыслу – гнетом былого тоталитарного строя, в то время как перед нами вполне красноречивое текущее, и оно диктует неукоснительную логику: если все позволено, то нечего удивляться итогам. Если повозку на склоне (символ всего нашего бытия) не толкать вверх, то она будет катиться вниз; а если ее еще подталкивать туда, то она тут же окажется на дне. Но о принятии превентивных мер не может быть и речи, передовое общественное мнение, олицетворяемое четвертой властью и движущееся под лозунгом «Либерализм – единственный путь для всего человечества»**, сочтет такое поползновение рецидивом тоталитарного сознания и покушением на свободу слова. И при всей учащенной сегодня цитируемости Достоевского и Пушкина, никто не посмел вспомнить ни знаменитых обличительных слов, с которыми обратился наш властитель дум к тогдашним СМИ: «Вы и раз-

вращаете молодежь ради либерального вида ваших газет», ни завещания великого поэта и мыслителя (свободолюбивого поэта, а не чиновника!) блюсти «цензуру», которая «есть установление благодетельное, а не притеснительное; она есть верный страж благоденствия частного и государственного».

Не положено вспоминать и о человеческом «достоинстве» – вопреки тому, что это понятие стоит на видном месте в либеральном катехизисе – «Декларации прав человека», где в §1 сказано: «Все люди рождаются свободными и равными в своем достоинстве и правах». А и Б сидели на трубе, но Б пропало. И это естественно, ибо вместе им не сойтись: или вы *абсолютно* свободны и вам закон не писан, или вы чтите, кроме своей свободы, своих прав, нечто, превышающее вас и, сообразуя свое поведение с ним, вы обретаете достоинство.

И к какому бы из насущных вопросов мы ни обратили свой взор, он будет упираться в ту же непроясненную проблему новой идеологии.

Вот клубок политологических тем о «среднем классе» и «гражданском обществе», бурно дебатированных ныне в России как о явлениях совершенно неотложных для нее.

Но достижимы ли эти цели на путях, которые предначертывает им прогрессивная российская мысль? Установление гражданского общества напрямую связывается с утверждением опять же принципа прав человека. Но этот взгляд в высшей степени сомнителен. Почему-то, а скорее, понятно почему, из виду упускается тот факт, что как раз объявленного равенства в защите прав человека либеральная идеология и не соблюдает; что она не беспристрастна по отношению к разным правам, а глубоко дискриминационна. Если вдуматься, она пропагандирует *расширение* прав, а не *сохранение* их; она защищает *наступательные* права, а не имеющиеся в наличии, традиционные. Но утверждение новых прав оборачивается утеснением старых: если вас не ограничивают в «громкости», то кого-то ограничивают в «тишине»; если вам предоставляется жить в обществе «продвинутой» морали, то кто-то принужден жить в аномальном обществе.

Поощрение империалистической личности с ее неумными притязаниями оказывается угнетением неприязнательной, «смирной» личности, а тем самым и всего «молчаливого большинства». Приходится констатировать, что под выигрышным знаменем «прав и свобод» реализуется психология революционного индивидуализма, а вовсе не правовое сознание. Однако эта истина, оставаясь невербализованной и даже неосознанной, не может рассеять туман, сгустившийся над всеми рекомендациями неолибералов.

Одной из нездоровых их надежд на устройство российского общества остается усиленная апелляция к «диа-

* Материалы выступлений на секции «Россия в меняющемся мире». ИНИОН РАН, 14 декабря 2001 г.

** Название рабочей программы новой либеральной партии.

логу» как лекарству от всех бед, способному наладить и взаимоотношение власти с общественными представителями, т.е. с самими этими либералами. Но предложение – не годное со всех точек зрения. Во-первых, в силу сопутствующего этому маркированному для либерального дискурса понятию, «диалогу», идеологического обертона, который сводит его к процессу неостановимого говорения без расчета на результат. Во-вторых, народ в этой схеме подменен прогрессивными, критически мыслящими личностями.

Передовое мышление не любит истории. Между тем, гражданское общество – не изобретение новейших времен и представлялось оно «в эпоху самодержавия» более демократично. Речь шла о непосредственной встрече царя с народом («землей»), о восстановлении утраченной органической связи между ними. И в рассуждениях славянофилов это выглядело не более утопично, чем в сегодняшних. Тяготеющий над помазанником долг отзываться на глас народа, включая моральную и мистическую составляющие, вовсе не уступит обязательствам, тяготеющим над избранной ныне властью.

Далее, обсуждается лишь одна сторона функционирования гражданского общества: установление обратной связи, т.е. обязанность властей реагировать на требования снизу, ведь власть для сегодняшнего либерала – это враждебная сила, которую нужно принудить к ответу. Однако гражданское общество – не собрание насельников некоей территории, а сообщество сограждан, т.е. лиц, сознающих, по слову С.Л. Франка, «свое служение» и воспитывающих в себе гражданские доблести. Но об этой стороне дела ничего не слышно.

Еще один и насущный, и вековечный вопрос – Россия и Запад, тоже искаженный беспочвенными интерпретациями. Каким образом страна, уже тысячелетие как вписанная в двухтысячелетнюю цивилизацию, отесняется сегодня на ее обочину не только и не столько официозом западных стран, сколько идеологами прогрессивного общественного мнения?

А дело в том, что Россия не так легко вписывается в секулярную траекторию политкорректности.

А вот глобальная катастрофа, черный сентябрь, по-марксистски интерпретируется как противоречие между голодными и сытыми, что может быть весомым мотивом для противостояния «Север-Юг», развитых и «развивающихся» стран, но не для объяснения нового Армагеддона, в котором ressentiment, зависть и обида, бедных может служить лишь горючим материалом, но не воспламенителем. Нельзя же, в самом деле, совершенно игнорировать лозунги и знамена, идеи и цели, ради которых люди готовы отдать, и отдают, свою жизнь?! А дело в том, что западный мир перестал понимать идеальную мотивацию, пусть и отрицательную. Как дорого обошлась Бушу его угроза «крестовым походом», как восстали на него все силы политкорректности. Новую войну назвали «международным терроризмом», но это не более чем лейбл; терроризмов было много. Корректное с формальной точки зрения, со стороны способов борьбы именование пусто по существу и является эвфемизмом.

Какая же война идет, религиозная или цивилизационная? Не та и не другая, в то же время и та и другая. Ради-

кальные исламисты ведут войну религиозную, западный мир – цивилизационную. Потому что нет такой идеи или веры, за которую он готов умереть, «несокрушимая свобода» – это все-таки победительная риторика. Мы часто слышим: «У террористов нет национальности». Да, но у них есть вера, пусть и в чудовищном обличье.

Но это не все и даже не главное. А главное – это политизация или, точнее, идеологизация ислама, который благодаря экстремистским элементам фундаментализма с его заветами священной войны с неверными и райского блаженства за гробом воинов джихада оказался подходящим приютом и новым трамплином для того самого призрака, который вечно бродит по Европе, но забредает и в Азию, и на другие континенты. Таким образом, в лице этого «международного терроризма» Западу предстало его собственное порождение: революционная идея завоевания и преобразования мира, в данном варианте – в «справедливое общество» правоверных. Схлестнулись две утопии: либеральная атеистическая безбедного, бесконфликтного существования после «конца истории» по Фукуяме, и революционно-эсхатологическая, вселившаяся в исламистский фундаментализм.

Сегодняшние попытки философствующих историков и публицистов провести аналогию между священной войной мусульман и религиозными войнами в христианском мире не выдерживают критики. Те движения были осуждены церковью как сектанско-еретические, а эти отзываются волной симпатизанства по всему мусульманскому миру. В конце концов вопрос сводится к тому, слышим ли мы из уст муфтията слова официального осуждения нового джихада или не слышим?

Проводятся и аналогии между сегодняшними установками вдохновителей священной исламской войны с «цивилизованным миром», погрязшем в пороках, и позицией библейских пророков. Но те обличали нечестивое состояние своего народа и предсказывали ему бедствия в случае, если он не сойдет с греховной стези, а не призывали к расправе над ним, не присваивали себе божественных прерогатив (есть ведь разница между суждениями: «Бог их накажет» и «Им нет места на земле»).

При всех попытках сопоставления религий надо помнить о коренной разнице между «религией спасения», «царство» которой «не от мира сего», и религиозной *утопией*, насильственного – огнем и мечом – распространения «истинной веры».

Невозможно встать на сторону злодейских убийств, совершаемых во имя утопических целей, но невозможно и не прийти в ужас от состояния нашей европейской, западной цивилизации (где на второй день после нью-йоркской катастрофы там же, в Нью-Йорке, появилась компьютерная игра в эту катастрофу). Ее духовное истощение и дезертирство из христианского мира камуфлируется экспансионистской идеологией «прав и свобод».

Каково же положение человека, который ощущает себя принадлежащим к двухтысячелетней цивилизации, к христианско-классической культуре? Встав в этой войне миров на сторону западной цивилизации (а другого выбора нет), он чувствует себя очень неудобно в мире, которому нечего терять, кроме своих удобств.

Владимир Ошеров

СРЕДНИЙ КЛАСС: КАЧЕСТВА И КОРНИ

Презирать и клеймить погоню за барышом – дело не новое, имеющее долгую, почтенную историю. С каких только позиций не охаивали коммерсантов, приобретателей, шейлоков – с аристократических, романтических, леворадикальных, марксистских, религиозно-нравственных. Частный бизнес, как мы хорошо знаем, даже объявляли уголовным преступлением. Но сейчас опасность того, что коммерцию сочтут аморальной или ненаучной, полностью миновала после впечатляющего фиаско до боли знакомой нам централизованной экономики. Разумеется, страсть к имущественному равенству, к перераспределению собственности, способному осчастливить весь род людской, отнюдь не угасла и никогда не угаснет. На этот счет сомневаться не приходится: всегда найдутся те, кто считает, что богатство в чужих руках – вопиющая несправедливость, и что никто не имеет права жить лучше, чем они сами. Сколь древние, столь и неистребимые страсти...

Как бы то ни было, с тем, что частное предпринимательство есть основной и наиболее продуктивный род экономической деятельности, уже никто не спорит. Но кое-кому это кажется недостаточным: высказываются мнения о том, что любые ограничения экономической деятельности неуместны, вредны, чуть ли не аморальны. Особенно ограничения со стороны государства – хотя ни одна цивилизованная страна не может обойтись без таких ограничений, даже цитадель капитализма Соединенные Штаты Америки. Это ничуть не смущает рыночных экстремистов. Для них альтернативой свободному рынку может быть только маразм кубинской или северокорейской экономики; других вариантов быть не может. Волновые рыночные отношения, свободные от государственного вмешательства, назойливо рекламируются ими в качестве универсальной панацеи, единственного реального пути к процветанию.

Понятия об утопии принято связывать со всевозможными гностическими и социалистическими учениями, апогеем которых стал марксизм. На самом же деле, существуют утописты прямо противоположной идеологической окраски, свято уверовавшие (подрашивается, что бескорыстно) в то, что подавляющее большинство, если не все участвующие в частной экономической деятельности, люди потрясающего здравого смысла, а то и честности, и что функционирование подлинно свободной рыночной системы поэтому должно быть само собой разумным, справедливым и в итоге приводящим к вышеуказанному всеобщему процветанию. Хотя эта воистину религиозная вера, полностью противостоящая христианскому пониманию человеческой природы, к сожалению, не нашла никакого подтверждения в реальной жизни, особенно российской, но у новой утопии нашлось множество сторонников именно в России. Это можно объяснить, помимо чисто корыстных побуждений, некими свойствами национального характера, склонного к метаниям из одной крайности в другую – от низин коммунизма сразу к вершинам *laissez-faire*.

Кажется, ничего неожиданного или оригинального в

вышеприведенных наблюдениях нет: о ходе и характере рыночных реформ исписаны тонны бумаги, да и свойства русского характера разобраны весьма давно и досконально. Но беда в том, что к утопизму, так сказать, экономическому прибавился и новый утопизм политического свойства. Совсем недавно, на съезде представителей мелкого и среднего бизнеса, проходившем в Москве, вновь прозвучала странная, на наш взгляд, мысль о том, что частный бизнес, ко всему прочему, как бы обладает некоей чудотворной воспитательной силой. Он, оказывается, производит на свет новый для России тип человека – граждан так называемого среднего класса, который, как никакой другой, по мнению сторонников данной теории, способствует развитию и укреплению в стране демократического строя – строя, венчающего собой прогресс цивилизации. Мысль о сугубо частнособственническом происхождении среднего класса, и вообще, *homo democraticus*, в который раз была принята собравшимися без каких-либо дебатов в качестве аксиомы и даже озвучена, насколько я понимаю, в президентском обращении к делегатам съезда. Чуть позже, по другому поводу, совершенно идентичное мнение высказал и наш министр экономики г-н Герман Греф. Короче говоря, теория стала общим местом. При всем уважении к президенту, к членам его кабинета и к представителям бизнеса, я позволю себе не согласиться.

Стоит вспомнить о том, что в горбачевские времена нас настоятельно призывали «учиться демократии», т.е. предполагался некий процесс освоения и воспитания. Это, видимо, показалось слишком долгим делом, и при Ельцине сочли, что куда эффективнее и, главное, быстрее наделить значительную группу граждан собственностью и – *voilà!* – готов средний класс, опора демократии! При этом набившая оскомину легенда об «ужасах» раннего капитализма, его «фазы первоначального накопления», легенда, возникшая в среде марксистского, социалистического толка и уже давно разоблаченная неопровержимыми данными статистики, была странным образом дополнена сугубо либеральной идеей благотворности свободного рынка, верой в магические свойства «невидимой руки», пророками которой считаются Локк и Адам Смит. Такой несколько экзотической комбинацией, судя по всему, и руководствовались наши приснопамятные «завлабы».

Что же касается теории о происхождении среднего класса, то это – вывернутая наизнанку, но опять-таки марксистская идея, ставящая экономические факторы на первое место. Помимо всего прочего, марксистская трактовка среднего класса базировалась на сугубо негативном к нему отношении, как носителю «буржуазного сознания». И мечталось тогда, что переход к социалистической экономике породит новый, высший тип человека и гражданина. Этой логике как раз и следовали Ленин и большевики, когда, желая установить полный политический контроль над обществом, столь планомерно преследовали и изничтожали частных собственников и крестьян, особенно зажиточных. Но опасения большевиков были совершенно напрасны, и этими сво-

ими действиями (в числе других) они как раз и начали рыть себе и своим грандиозным планам могилу.

Предпринимателей – крестьян в том числе – не очень-то интересуют (в отличие от интеллигенции) политические свободы, к примеру, свобода слова или собраний, или избирательное право – как таковые. Для них важно, чтобы никто не мешал им заниматься своим делом, по возможности продуктивно и прибыльно. Предпринимательство никаких специфически демократических или гражданских качеств не прививает, хотя для более-менее нормального функционирования хозяйственной системы требует определенного уровня честности и законопослушности, но не какой-то конкретной политической ориентации. Подчеркну слово «требует». Воспитывает же эти качества (честность, законопослушность) – не факт обладания собственностью, а совсем другие факторы социального, культурного и религиозного порядка.

Предпринимательство, как известно, прекрасно уживалось с самыми одиозными формами деспотии и при этом неуклонно росло и процветало. Дельцы и коммерсанты – если только не ущемлялись их экономические интересы – оставались одним из самых верноподданных и стабильных классов любого общества – рабовладельческого, феодального, капиталистического, любых политических режимов – республиканских, аристократических и монархических. Другое дело, что рост численности и обладание все большим богатством стали почвой для политических амбиций. Современная демократия как набор определенных «правил игры» стала для предпринимательского класса не целью, а средством завоевания большей доли участия во властных структурах старых режимов, инструментом дележа в свою пользу пирога власти, до того в значительной мере принадлежавшего монархии и аристократии. И совсем не случайно новый правящий класс после прихода к власти не очень-то спешил поделиться этой самой властью с представителями низших классов. Такое наметилось только в двадцатом веке, да и то под давлением растущего рабочего движения и надвигавшейся угрозы большевизма и фашизма.

Тут уместно будет спросить: а о какой демократии здесь идет речь? Вопрос не праздный, ибо само слово настолько истаскано и дискредитировано, что в наше время не обойтись без уточнений. Разумеется, речь идет о политическом плюрализме, о сосуществовании и соревновании различных точек зрения, различных идеологий, групп, организаций, партий, попеременно приводящих к кормилу власти тех, кто наиболее достоин обладать и пользоваться ею в интересах всего общества.

Какие же личные и коллективные качества нужны избирателям и тем, кого они выбирают, для того, чтобы вся система служила делу общего благополучия и мира? Да те же самые, что и для нормального функционирования экономики: честность, бескорыстие, неподкупность. Конечно, всегда будут нужны ограничительные законы и органы контроля, но чтобы эти контрольные меры не угрожали самому существованию демократии, нужна способность к самоограничению.

В стремлении к равенству нельзя скатиться к принудительной уравниловке, надо отдавать себе отчет в том, что полного имущественного равенства нет и быть не может, нельзя поощрять зависть и тенденции к перераспределению.

Нужно постоянно уравнивать интересы отдельных граждан и групп с интересами всего общества. Без способности к самоограничению это невозможно. Защита прав меньшинств не должна превращаться в пресмыкательство перед меньшинствами, в раздачу незаслуженных привилегий по групповым признакам. Основа любой демократии – личная ответственность каждого члена общества. Всеобщее равенство перед законом – да. Привилегии – нет.

Воля большинства не должна приводить к власти демагогов и хапуг. Если хапуг не ограничить, они так и будут хапать. Либо внешние ограничения, чреватые ущемлением свободы, либо умение ограничить самих себя...

Воля большинства не должна вести к опошлению культуры, к засилью третьесортной, похабной массовой культуры. Нельзя отдать все на откуп рынку, на откуп дельцам от культуры. Должны существовать рычаги воспитания общественного вкуса. Нерегулируемый рынок в данном случае ведет к неуклонной деградации. Здесь – задача для интеллектуальной элиты общества, задача, когда-то выполнявшаяся аристократией. Обществу нужен духовный и интеллектуальный авангард, который не пойдет на компромиссы ради материальных благ и привилегий. Снова мы видим потребность в людях чести и долга, способных ограничить самих себя. Может ли частный бизнес сам по себе воспитывать такие качества в людях, особенно молодых?

Насколько мне известно, никто пока не описал механизмы, путем которых овладение собственностью, как таковое, может в одночасье трансформировать вчерашнюю совковую личность в убежденного демократа. Стал богатым – и сразу уверовал во блага представительного правления, честные выборы, многопартийность, разделение властей, права человека и прочая, и прочая? Опыт последних десяти лет, ознаменованный появлением на российской сцене фигуры «нового русского», свидетельствует скорее о прямо противоположном.

Одно из немногих реальных завоеваний на демократическом фронте, с моей точки зрения, состоит в том, что все больше граждан России начало освобождаться от политического влияния средств массовой информации, стало мыслить и действовать независимо, согласно простейшим велениям здравого смысла. Но это завоевание – никак не следствие приобретения частной собственности, а просто плод горького опыта.

И есть в распоряжении любого, интересующегося реальной историей, пример многовекового, непрерывного, но вполне ощутимого от поколения к поколению процесса формирования гражданского сознания в массе населения, в различных его группах, с их традициями, нравственностью, укорененной в христианстве, понятиями о добре, чести, долге, приличиях. На этой христианской основе и возникали хартии вольностей, конституции, билли о правах и прочие инструменты будущей европейской и американской демократии. Собственность если и играла какую-то роль, то только наряду с массой других элементов – культурных, социальных, религиозных, правовых. И занимало это, повторяю, века.

Интересно в связи с этим вспомнить, что писал видный американский культуролог Ирвинг Кристол о соблюдении правил игры при демократии. Он уже давно указывал на то, что в современной американской политологии доминирует, как он выражается, процедурная

и механическая трактовка демократии, «в смысле индивидов, движимых своекорыстием, но сознающих, что для собственной же пользы им лучше следовать правилам игры. «Хотя и утверждается, – пишет Кристол, – что принцип восходит к отцам-основателям, но сам по себе в отрыве от республиканской морали, он приводит... к саморазрушительному парадоксу. Ведь именно тогда, когда все следуют правилам игры, можно предельно ясно, с точностью математической теоремы доказать, что индивидам и всевозможным организованным группам становится выгоднее всего не следовать правилам игры, а просто воспользоваться тем, что все остальные их соблюдают. И то, что происходит сейчас в Америке, полностью подтверждает, что такие индивиды и группы существуют, и они готовы действовать соответственно».

Если, согласно Кристолу, даже в Америке находится сколько угодно людей и групп, не желающих соблюдать правила игры, а пользующихся тем, что их соблюдают другие, то что же говорить о России, где до сих пор, вместо того, чтобы всеми возможными мерами воспитывать нравственность, ее дружными усилиями разрушают, при этом неустанно твердя о том, что нужно лишь установить рыночную экономику и поощрять мелких и средних бизнесменов?

Разумеется, человек, обладающий собственностью, хочет иметь какие-то гарантии того, что он сможет распоряжаться ею по своему усмотрению и не лишится ее просто по прихоти какого-либо властителя или правящей группы. Но такие гарантии мы находим в обычаях и законодательстве самых древних времен, за тысячи лет до того, как возникла капиталистическая система хозяйствования и демократическая система правления. Произвол никогда никому не нравился, но от такой неприязни до демократического сознания еще очень далеко.

Факт экономической свободы, т.е. свободы распоряжаться своей собственностью, не может не способствовать определенному ощущению личной независимости – особенно когда обладаешь значительным состоянием. Но и это ощущение вряд ли можно отнести к числу качеств, необходимых для функционирования полноценного демократического строя и стабильной рыночной экономики, способствующей не только обогащению небольшого меньшинства, но и благополучию всего общества в целом. Эти качества, которые отцами-основателями Америки назывались «республиканскими добродетелями», воспитываются семьей, церковью, школой, даже армией и государством – если только те действительно исполняют свои функции добросовестно, с сознанием – как выразились бы в прежние времена – своего долга перед Господом.

Средний класс со всеми его реальными и желаемыми качествами становится опорой демократии не просто потому, что при демократическом строе признается и охраняется право частной собственности, и «буржую это выгодно», а потому, что у этого буржуа еще до всякой демократии уже воспитано определенное отношение к собственности, как и общехристианские понятия о справедливости, долге и о необходимости соблюдения законов. Это отношение, это понимание собственности основано на том, что в тварном мире все принадлежит Богу (включая нас самих и нашу собственность), и что только по Его благоволению мы можем вкушать

плоды владения собственностью, благоволению, обусловленному неисповедимой волей Божией и нашим собственным образом жизни.

Часто слышишь об «инстинкте собственника». Это действительно нечто врожденное, и не случайно у ряда протестантских богословов 17-18 веков сформулирована триада неотъемлемых, естественных, от Бога, прав человека – право на жизнь, свободу и собственность (в «Декларации Независимости» деист Томас Джефферсон подменил «собственность» на сомнительное «стремление к счастью»). Но в высшем смысле собственность нам не принадлежит. Мы ею пользуемся лишь по милости Бога. И когда чувство собственности останется только инстинктом приобретателя, без восприятия извне уважения к чужой собственности, без понимания божественной санкционированности этой собственности, без заботы о благе окружающих – последствия такого отношения никакой демократии способствовать не будут.

Если оставить собственнические инстинкты на произвол судьбы, если действительно дать возможность своекорыстию и индивидуализму свободно царить в надежде, что суммарные усилия миллионов индивидуальных эгоизмов в итоге дадут справедливое, свободное и процветающее общество, то мы неизбежно оказываемся перед необходимостью либо социализма, либо диктатуры правого толка, но отнюдь не стабильной демократии. Либо человек учится владеть собой и своими инстинктами, либо возникает нужда в жесткой власти.

Сомнительной представляется и популярная идея о том, что полноценная демократия достижима только при достаточно высоком уровне жизни, что только тогда люди становятся нравственно пригодными для демократии. Достоевский в «Братьях Карамазовых» утверждал, что идея эта: «Накорми, тогда и спрашивай с них добродетели!», т.е. что люди могут быть нравственными, только будучи сытыми – идея антихристова. Как пишет тот же Ирвинг Кристол, это «действительно стало в видоизмененной форме кардинальным, но и совершенно обыденным тезисом современной политической жизни. Измененная формулировка такова: «Сначала дай людям благополучие, тогда и спрашивай с них добродетели».

«Как бы мы ни относились, – пишет Кристол, – к исходной идее Достоевского, но эта исправленная версия с точки зрения иудео-христианской традиции есть, несомненно, богохульство. Кроме того, в свете американской политической традиции это злонамеренная и обреченная на неудачу доктрина – обреченная потому, что провозглашающие ее, очевидно, утратили всякое понимание того, что такое добродетель, религиозная или политическая». И, тем не менее, доктрина стала почти общепринятой.

Другой аспект собственности – способ ее приобретения. Обогащение, согласно христианскому пониманию, должно быть результатом честного труда, а не нарушений закона, махинаций или просто грабежа. Трудовая этика должна предшествовать обретению собственности, благосостояния, а не наоборот, и история подтверждает это. Общеизвестно, что в развитии капитализма более всего преуспели протестантские страны – Англия, США, Германия, Швеция. Примечательно, что Макс Вебер отмечал у предпринимателей-протестантов соче-

тание желания преуспеть в деловой сфере с полным равнодушием к тому, чтобы «получить удовольствие» от накопленных тяжелым трудом капиталов.

Иными словами, потребление, которое в наше время считается двигателем экономического развития, никакой роли в бурном развитии раннего капитализма не играло. Рост производства и капитала без заметного роста потребления? Современному человеку такое покажется невероятным, но именно так и было. Прибыли вкладывались в дальнейшее развитие предприятия, в благотворительность, а не прожигались. То же отношение можно проследить и среди русских предпринимателей-старообрядцев; недаром им сопутствовал такой материальный успех. Рябушинские, Морозовы, Щукины, богатейшие купеческие фамилии России – все из старообрядцев. И начинали они свою деятельность не с накопительства и не с роскоши.

Кристалл пишет: «Многие уже обратили внимание на то, что этика производства (так называемая протестантская этика) постепенно сменяется этикой потребления, и критики утверждают, что буржуазное общество массового благополучия по самой сути своей радикально отличается от того буржуазного общества, где сравнительная бедность автоматически порождала строгую самодисциплину.

Такое объяснение тем более убедительно, что оно перекликается в чисто научном смысле с мудростью веков, говорящей нам о возвращающем влиянии материального процветания на общественный порядок».

Сегодня мы видим все больше признаков тотального превращения современной индустриальной цивилизации в потребительскую. Никогда еще так открыто не заявлялось о том, что состояние экономики чуть ли не целиком зависит от потребительского спроса, и что ее не спасет уже ни повышение производительности труда, ни технология, ни взаимовыгодная торговля. Соответственно, вся культура, особенно СМИ, реклама полностью нацелены на стимулирование спроса всеми доступными методами. Это массовое обольщение к подлинной демократии не имеет никакого отношения. Наоборот, оно лишает людей способности к ответственному, самостоятельному принятию решений, без которого демократия невозможна.

Басни же насчет «грабительского капитализма», насчет якобы неизбежного периода первоначального накопления и криминальности – не только монумент невежеству, но и свидетельство эффективности и долговечия марксистского промывания мозгов. Что же касается попытки целенаправленного и форсированного сотворения среднего класса в России, то при всей наивности, утопичности и безнравственности этого мероприятия, оно имеет исторические прецеденты. Не говоря уж о большевиках, «нового человека» пытался соорудить скоростными методами еще Петр Великий. Результатом был уход дворянства от национальных корней, языка, веры в сторону «просвещенного» вольнодумства. Но барское самодурство, холопство, пренебрежение к закону остались такими же, как прежде. В каком-то смысле они с нами и по сей день. По этому поводу можно сокрушаться сколько угодно, но нельзя историю подгонять кнутом, нельзя произвольно вырывать из нее «листы и главы», как это пытались делать Петр, большевики и наши новейшие реформаторы.

Любая культура, любое общество во все века формируют свои специфические меры защиты от проявлений человеческого несовершенства чтобы жизнь, при всей ее неустроенности, все же была терпимой. Допетровская Русь не была исключением. Домостроевские традиции быта, семейных и социальных отношений, органически связанные с православием, церковностью, самодержавием, не давали полуязыческим импульсам разрушать постепенно развивавшиеся формы общественного устройства. Они служили защитным механизмом против стихийного варварства. При Петре и его преемниках эти традиции были разрушены среди верхних слоев русского общества, заменены сугубо внешними европейскими манерами. Но недаром же князь Щербатов писал о «повреждении нравов» в России. Учетливость и этикет прикрывали растущий цинизм и распущенность. Щербатову вторил по-своему долго живший в России Жозеф де Местро, говоря, что молодая Россия начинается с того, чем заканчивает старая Европа, – худшими чертами нравственного декаданса. «У нас цивилизация началась с разврата», – писал в записных книжках Достоевский. Мы сейчас являемся свидетелями аналогичного повреждения нравов, особенно среди молодежи.

Константин Леонтьев сказал когда-то, что русский человек может быть святым, но не может быть честным. Леонтьеву можно верить: сказано это было с отменкой гордости. Разумеется, воровать в России начали не вчера и не десять лет назад. Воровали все, кому не лень – бояре, дворяне, не говоря уж о простом народе. Тут на Европу сваливать нечего. Советская власть разве что усугубила положение, поскольку сама оказалась главным грабителем. Потому и воровали со спокойной совестью даже в годы страшного террора, а уж чего можно было ожидать в условиях развала всякой власти? Стоит напомнить и о том, что бесчестность среднего «*homo sovieticus*» в сочетании с конформизмом, двоемыслием и цинизмом – суть следствия не только ущемления свободы, но и принудительной бездуховности, и подавления религии, а не каких-то специфических имущественных отношений.

И прошедшие десять лет явились, прямо скажем, еще одним и страшноватым напоминанием о словах Леонтьева, резко контрастирующим с прекраснотными надеждами на то, что простое распространение мелкого и среднего бизнеса способно создать средний класс со всеми его качествами, способствующими укреплению демократии.

Это мне вспомнилось, когда я слушал недавно интервью г-на Березовского радиостанции «Свобода». Наряду со стандартными претензиями к теперешнему кремлевскому руководству, Березовский удовлетворенно констатировал, что «главная цель реформ – создание рыночной экономики в России – достигнута». Услышав это, я прозрел! Оказывается, главной целью было не благополучие России и народов, ее населяющих, не свобода, не демократия, а именно создание рыночной экономики. Поистине великая и достойная цель, особенно учитывая то, как обогатились благодаря этому «созданию» те, кто так рьяно его добивался. И хотя г-н Березовский, разумеется, говорил и о демократии, и о среднем классе, но личные качества, позволившие ему и иже с ним преуспеть в жизни, никак не могли быть результатом действия рыночной экономики.

Эти качества, надо полагать, сложились еще при советской власти. Тогда все понятно, кроме одного: может ли подобный нравственный пример послужить делу демократии? Об этом г-н Березовский умолчал. Насчет же рыночной экономики тоже не все ясно. Несомненно, рынков и торговых точек – несметное количество. Но подлинно рыночная, конкурентная экономика едва на-

чинает выбираться из-под глыб монополий, криминального бизнеса, «крышевания» и коррупции.

И подумалось: а вдруг это и есть те самые условия, в которых настоящий, сознательный средний класс действительно возникнет в России наперекор всему, в знак протеста, в силу простого отвращения к происходящему...

Прот. Алексей Гостев

ЗАДАЧИ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В УСЛОВИЯХ СЕКУЛЯРИЗАЦИИ ХРИСТИАНСКОГО МИРА

На рубеже третьего тысячелетия после Рождества Христова перед Русской Церковью стоит множество важнейших задач. Необходимо продолжать возрождение церковной жизни после гонений и разрушений советского времени. Речь идет о восстановлении и строительстве храмов и монастырей, увеличении количества духовных школ, развитии церковной науки, катехизации, книгоиздании и т.д. Открыта возможность для самого разнообразного социального служения, направления которого намечены в недавно появившейся социальной доктрине РПЦ.

Если с точки зрения строительно-реставрационной уже сегодня достигнуты ощутимые результаты, то в прочих сферах добиться успеха оказывается значительно сложнее. Очевидно, что пока что мы движемся по пути возрождения моделей церковной жизни в том виде, в котором они сложились в советское время. Идеалом остается дореволюционная синодальная эпоха, особенно в плане внешней благоустроенности и официоза (то же, в чем состоит главная заслуга этого периода истории РПЦ, т.е. традиции духовности и церковная наука, пока не поддается воспроизведению). Возникает, однако, вопрос: будет ли Церковь в синодально-советском облике в полной мере соответствовать своему призванию в условиях новой российской реальности, а также в общем контексте современности, ставящем перед христианами всего мира новые проблемы и бросающим новые вызовы?

В каком мире мы оказались на рубеже третьего тысячелетия? К кому обращена проповедь Церкви, на какую почву сеются семена христианского благовестия? Приходится констатировать, что процесс секуляризации на современном этапе привел мир к самой настоящей дехристианизации. Если ценности гуманизма, еще недавно казавшиеся столь незыблемыми, были, по сути дела, не чем иным, как секуляризованными, т.е. вырванными из контекста ценностями христианскими, то дальнейшая секуляризация привела к кризису самого гуманизма, к выветриванию христианских первооснов и дегуманизации.

Современным христианам все чаще приходится становиться на защиту гуманизма, с которым некогда от-

ношения были почти что антагонистическими.

Что касается процесса секуляризации как такового, сущность его состоит в высвобождении всех сфер человеческого бытия (государственной, культурной, личной) от обусловленности христианской системой ценностей, в том варианте, который сформировался в эпоху Средневековья. Практически на протяжении тысячелетия народы, так или иначе принадлежавшие Римской ойкумене, пытались осуществить грандиозную попытку создания христианской цивилизации. Непреходящей заслугой этой эпохи было создание христианской культуры, подлинное воцерковление многих ценностей языческого мира и создание новых, самобытных. Именно в этот период христианство в принципе воплотилось в человеческой истории, вне зависимости от конкретных форм своего дальнейшего присутствия.

Вместе с тем, можно ли считать Средневековье идеальным и единственно возможным осуществлением христианства, а последующую секуляризацию – апостасией и деградацией? На этот вопрос должно со всей определенностью ответить отрицательно. Негативной стороной христианизации, осуществленной в Средние века, было использование принуждения и репрессий при утверждении христианских ценностей, абсолютизация моделей и форм этой христианизации, неорганическое соединение в некоторых случаях христианских и языческих начал (что вполне может быть приемлемо для цивилизации, но не во благо для Христианской Церкви). Именно в этом заключаются причины последовавшей секуляризации, т.е. высвобождения всех сфер бытия от вышеуказанных моделей.

Несмотря на то, что долгое время секуляризацию, как явление, было принято с точки зрения христианской оценивать отрицательно, нельзя не признать и положительных последствий этого процесса. Огромные достижения были сделаны в развитии науки, культуры, медицины, производства; в то же время неизмеримо возросла доступность этих достижений вне зависимости от классовых, этнических и иных факторов; утверждались и расширялись права и свободы личности, был подвергнут осуждению и преодолевался тоталитаризм; невозможным стало применение насилия в области ре-

лигиозных и иных убеждений, в частности, насильственное утверждение ценностей христианства, а также абсолютизация конкретных форм христианского присутствия в мире. В секуляризованном мире были поставлены новые вопросы в сфере общественного бытия и общественного сознания. Если ответы на эти вопросы не всегда оказывались удовлетворительными с христианской точки зрения, то сам факт их появления стал стимулом для христианской мысли. (Другое дело, что замкнутость в панцире средневековых категорий нередко мешала христианскому интеллектуальному и культурному творчеству, приводила к некритическому использованию достижений гуманистической культуры).

Несмотря на перечисленные позитивные факторы, секуляризация как на ранних, а в особенности и на последующих стадиях своего развития, была и остается процессом небезопасным, а подчас и пагубным не только для христианства, но для порожденного ею гуманизма. Человек, лишенный вертикального измерения, оказался сомнительной мерой вещей. Секуляризация привела к обожествлению научно-технического прогресса, насаждению теоретического (оказавшегося маложизнеспособным) и практического материализма, торжеству буржуазного преуспевания и одновременно протесту против оно, выливающегося зачастую в тиранию либо экстремизм, к опошлению, тиражированию и уравниению особенно в области культуры, породив феномен культуры массовой.

Все больше отрываясь от своих христианских корней по мере углубляющейся секуляризации, гуманизм в XX столетии вступил в эпоху кризиса, ведущего его к глубоким изменениям и перерождению. Ударом по гуманизму оказались чудовищные тоталитарные системы, благополучно ушедшие в небытие к концу столетия, а также актуальные и по сей день вспышки экстремизма и терроризма, порождающие чреватую немалыми издержками контртеррористическую борьбу.

Ценности гуманизма постепенно девальвируются, что приводит к общей дегуманизации нашего уже вполне постхристианского мира. На современном этапе приметами времени становятся культ рынка и потребления, финансового расчета и эффективности, засилье рекламы, стандартизация и автоматизация жизни, нарастание контрастов между богатыми и бедными регионами планеты, а также между коренным населением развитых стран и теми, кто устремился в эти страны в поисках лучшей жизни из бывших колоний и стран третьего мира. В мировоззренческом плане постулируется принципиальный плюрализм в порядке борьбы с тоталитаризмом, и по-своему не менее тоталитарный. Нравственную картину современности можно было бы охарактеризовать как моральный прагматизм, практически потерявший связь с христианскими или иными религиозными первоисточниками, что приводит к пересмотру таких фундаментальных ценностей, как семья, представлений о материнстве и отцовстве, полярности мужского и женского начал. Из области культуры, где воцарилась зима постмодернизма (находящегося, впрочем, на излете и чреватого, очевидно, новыми «измами»), изгнаны сами представления о совести и кра-

соте. Неудивительно, что в условиях духовной опустошенности, произведенной секуляризацией, происходит возврат к язычеству, растет интерес к исламу, появляются суррогатные секты, известные как «новые религиозные движения», многие из которых оказываются откровенно изуверскими.

Катастрофическое положение, сложившееся в области экологии, является закономерным отражением вышеуказанных процессов в жизни людей. Подобно тому, как в свое время грехопадение человека привело к отпадению от Бога всего космоса, Им сотворенного, бывшего изначально благим, но обреченным с того момента «совокупно стенать и мучиться» вместе с людьми.

Картина достижений современного европейского секуляризма дополняется развернувшимся с особой интенсивностью в последние годы процессом глобализации, т.е. распространением этих достижений, как в экономическом и социальном, так и в культурном плане, на мир в целом. Являясь объективным результатом исторического развития, глобализм ведет к стандартизации жизни народов, в той или иной степени нарушая традиционный уклад многих уголков планеты. Реакцией на это нередко оказываются вспышки насилия и терроризма, усиление фундаменталистских настроений.

Важнейшим фактором, сделавшим возможной глобализацию, стал переворот в области электронных и коммуникативных технологий. Прагматическую роль его для многих областей человеческой деятельности трудно переоценить. Вместе с тем, количество и легкость доступность информации неизбежно отражаются на ее качестве. Виртуальное всезнание и вседозволенность, игра, обретающая статус образа жизни, иллюзорность электронного общения – таков неполный перечень издержек этих достижений прогресса, тиражируемых и распространяемых в глобальном масштабе.

В каком же положении оказались христиане на рубеже третьего тысячелетия после Рождества Христова? Наша ситуация начинает приближаться к ситуации христиан первых столетий, находившихся в условиях прямо или косвенно враждебного и чуждого им мира. Прямые гонения, хотя рецидивы их и имели место в еще совсем недавнем прошлом, уступают в наши дни место безразличию и тлетворному проникновению духа века сего в христианское сознание. В качестве примера последнего можно привести такие современные «богословские» теологемы (принадлежащие, кстати, далеко не только протестантским авторам), как «христианский плюрализм» или концепция «космического Христа», предполагающая т.н. «расширительную христианологию, распространяющую *термин* Христос на те религии, которые сознательно или бессознательно стремятся к *тому, что* мы христиане называем Христом».

Церкви в странах, народы которых традиционно считались христианскими, из соображений представительских сохраняют иногда *де-юре* иногда *де-факто* некий социальный статус, подобно государственной атрибутике, флагам, значкам и т.п. Положение их напоминает фасад здания, который поддерживают в приличном состоянии, но в котором давно размещается совсем другая организация, чем в прежние времена.

На современном этапе секуляризации становится очевидным, что весь положительный потенциал моделей христианского присутствия в мире, которые сложились в Средние века и изживались в последующее время вплоть до XX века, окончательно исчерпан. Церковь пребывает в мире, воплощается в истории, но в то же время возвещает Царство Божие «не от мира сего». Никакая земная цивилизация, никакая культура, пусть даже столь значительная, как Средневековая, не могут быть его окончательным и адекватным выражением. Чтобы приблизиться к осознанию этой истины, христианам необходим нелегкий и длительный путь. Лишь опыт секулярной пустыни постхристианского мира постепенно приносит прозрение и отрезвление.

Императивом для христиан в третьем тысячелетии должно стать возвращение к первоистокам, к ценностям древней неразделенной Церкви, необходимо вновь обрести себя, не расточая, естественно, весь положительный накопленный веками опыт. Важно научиться отделять подлинное Предание Церкви от исторических преданий и напластований, многие из которых некогда были актуальными и плодотворными, но сегодня препятствуют благовестию и свидетельству. Означает ли это, что христианские церкви должны превратиться в эсхатологические общины, живущие ожиданием Парусии и отвращающиеся от враждебного и чуждого им мира? Этот интегральный вариант в корне не соответствует Евангелию и реальному облику первохристианских общин. Эсхатологическое сознание не противоречит церковной киригме и делу преображения мира. Оно помогает лишь избегать чрезмерной вовлеченности в решение государственных, социальных и иных задач, чему исторически была отдана немалая дань и что неизбежно отразилось на историческом пути и облике Церкви. Являть образ Царства «не от мира сего», являть образ жертвенной любви и неформального единства, образ служения ближним, т.е. всем тем, кто сознательно или неосознанно нуждается в этом, как в области милосердия, так и в культурной и прочих сферах, пребывая в гуще поисков современности и преодолевая ее изнутри.

Какими в свете вышеизложенного видятся пути возрождения жизни Русской Православной Церкви? Чтобы попытаться ответить на этот вопрос, необходимо, хотя бы кратко, остановиться на некоторых аспектах российской истории, а конкретнее на особенностях процесса секуляризации, весьма осложненного и своеобразного в российском контексте. Собственно говоря, секуляризация у нас, начавшись позднее, чем на Западе, завершалась вплоть до самого недавнего времени. Активно она стала осуществляться, начиная с эпохи петровских реформ. Они привели к пересмотру унаследованной от Византии теократии, но полностью теократические принципы не были отменены. Государство, которое построил, или говоря современным языком, перестроил Петр, было тоталитарным, полицейским, но при этом сохраняло признаки теократии. Византийская симфония, скрещенная с протестантским абсолютизмом, представляла собою гибрид, неизбежно чреватый разрушением. Катаклизмы начала XX столетия, казалось, камня на камне не оставили от вековых тра-

дий российской государственности. После большевистского переворота было провозглашено отделение Церкви от государства и развернута ожесточенная борьба, как с христианством, так и с религиозностью в принципе. Однако подлинной секуляризации и утверждения ценностей гуманизма не произошло. На руинах сохранявшей многие теократические черты империи возникло монструозное образование, ставшее своего рода карикатурой симфонии. Это был уже не гибрид чуждых и не органически спаянных между собою начал теократии и абсолютизма, но некий голем, слепленный по образцу низвергнутого самодержавия и одушевленный псевдокоммунистической идеологией, заместившей в пародийной симфонии вакантное место Церкви.

Секуляризация, по сути дела, стала завершаться в России только к концу XX века, и при том не под знаком высвобождения всех сфер жизни от влияния христианских ценностей, в этой области уже немало достигли большевики, но в качестве освобождения от тенет тоталитаризма, как в социальном, так и в идейном отношении. Подобную секуляризацию Русская Церковь должна только приветствовать. Лишь сегодня для нее по-настоящему завершился константиновский период, характеризовавшийся симфонией с христианской империей, а затем с жуткой пародией на нее в виде тоталитарного государства. Впервые, если не считать краткий миг после Февральской революции, Церковь в России оказалась в условиях беспрецедентной свободы. Именно сейчас можно и должно взять верный ориентир в деле возрождения церковной жизни, учитывая, что возвращение России в цивилизованный мир неизбежно сопряжено с тем, что мутные потоки уже не отечественного, но западного и глобального секуляризма извне и изнутри хлынули на обезвоженную в христианском отношении российскую почву.

Императив возвращения к первоосновам, необходимость обрести себя, при этом сохраняя подлинные ценности, накопленные за тысячелетие, прошедшее с момента крещения Руси, учет как положительного, так и отрицательного опыта истории, при чем не только отечественной, но и общехристианской, – все эти обстоятельства подсказывают невозможность реставрации синодальных и светских форм и моделей церковного бытия. Тем более пародийными выглядят интегральные попытки вернуться ко временам допетровским. «Святая Русь» должна быть для нас ориентиром в подвиге святости, но не возвращением Домостроя в подвоненной редакции.

Итак, какими видятся конкретные направления церковного возрождения в контексте нашей постсоветской и общей постхристианской современности? Прежде всего, необходимо обрести дыхание вселенскости, подлинный христианский универсализм, лишь декларативно присутствующий в нашей церковной жизни. В первую очередь, это означает возрождение соборности, как во внутрицерковном, так и в межцерковном измерениях, ведь вселенскость и есть кафоличность, т.е. соборность. Даже единство Православных Церквей на сегодняшний день остается весьма условной величиной, умаляемой хитросплетениями юрис-

дикционных разногласий. В такой ситуации сокращаются возможности и православного свидетельства в экуменическом движении, и совместное противостояние духу секуляризма, и взаимообогащение опытом в различных сферах служения.

Тем более соборность необходима в жизни внутрицерковной. Чтобы голос Церкви убедительно звучал в постхристианском мире, важно на деле являть пример иных межчеловеческих отношений: пример осуществления власти любви, как взаимного жертвенного служения и соподчинения; пример подлинно соборного принятия решений и их реализации, преодолевающих и монархический авторитаризм, и управляемый диктат большинства демократий.

Должна быть восстановлена древняя соборная практика поставления и служения епископов и пресвитеров, должен звучать голос мирян, в том числе и светских богословов, и многое, многое другое. Конкретные пути восстановления церковной соборности были намечены еще на историческом соборе 1917 – 1918 г., на котором, как всем известно, был возрожден в Русской Церкви и институт патриаршества. В силу различных исторических обстоятельств по большому счету оказалось реализовано только это постановление собора. Другие его решения до сих пор как исполнить, так и отменить (за несозывом аналогичного по представительности и аутентичности нового) не удалось. Движение в этом направлении, естественно с учетом новых реалий российской и международной действительности, представляется сегодня крайне желательным и плодотворным.

Углубление процесса секуляризации приводит, как уже говорилось, к кризису ценностей гуманизма, к дегуманизации. На повестке дня, как для христиан всего мира, так и для Русской Православной Церкви, стоит необходимость сформулировать гуманизм христианский, мерой вещей в системе ценностей которого должен быть не просто человек, но Богочеловек Иисус Христос. В особенности эта проблема является актуальной в России, среди бескрайних просторов которой, так легко оказаться под копытами чудо-тройки нашей российской государственности или быть раздавленным в жерновах революций и прочих катаклизмов. Долг Церкви провозглашать ценность конкретной человеческой личности, ограждая ее как от посягательств коллектива (а в наше время и от воздействия обезличивающего влияния общества потребления и виртуального гипноза электронных технологий), так и от крайностей индивидуализма, оборачивающихся в неолиберальной интерпретации пафосом свободы от истины, совести, красоты и даже Богом данного пола.

Важнейшим этапом возрождения Русской Церкви должно быть возрождение ее литургической жизни. Русское богословие XX века подарило миру т.н. евхаристическую эклезологию, т.е. учение о Церкви с точки зрения Евхаристии, однако оно нуждается в дальнейшем развитии и, главное, в практическом осуществлении. Вопросы литургической жизни обсуждались на соборе 1917 – 1918 г., однако решения по ним собор принять не успел. Недавно вышла в свет замечательная книга прот. Н. Балашева, посвященная литургическим

дискуссиям в Русской Церкви начала XX века и обсуждениям литургических проблем на соборных совещаниях. Из нее явствует, насколько актуальной была эта проблематика для Церкви еще в начале прошлого столетия. Литургия есть таинство Церкви, есть Пасха и Пятидесятница, длящиеся в благодатном Предании церковной жизни. Необходимо приводить служение литургии в соответствие с ее внутренним смыслом, а устройство Церкви – в соответствие с литургией. Евхаристическое общение должно быть отправной точкой в богословии и в социальном и иных служениях.

Только евхаристические собрания, а не формальные приходы могут быть очагами любви, совместного творчества, социального и иных служений членов Церкви. Что мешает этому в области современной литургической практики? Соборность, радость и полнота литургии мало совместимы с общим зауспокойным тоном наших богослужений, с закрытыми царскими вратами, тайным, т.е. про себя, предстоятелем, чтением самых главных, самых назидательных молитв. Таким образом, умаляется и миссионерская, просветительская роль литургии. Мы хотим преображения, просвещения мира, а сами закрываем врата и не слышим призывание Святого Духа «на нас и на хотящие освятитесь дары». Конечно же, само по себе отверстие врат и гласное чтение евхаристического канона автоматически ничего не решают. Необходим подвиг подготовки к литургии, необходимо подчеркивать ее центральное место в жизни Церкви, очищать ее от чисто внешней торжественности, акцентировать значение причащения не только как акта индивидуального освящения, но его соборный, эклезiologicalкий смысл. Наконец, что особенно важно, это продолжение литургии после литургии, жизнь и творчество в соответствии с причащением, а также эсхатологическое ее измерение как явления «будущего Царства» и свидетельство гражданства в «небесном отечестве».

Все вышеприведенные аспекты церковного возрождения в свете противостояния духу секуляризации предполагают неизбежно и возрождение отечественного богословия, переживающего в России после всех катаклизмов XX столетия не лучшие времена. Без живого богословия невозможно дать ответы на вызовы современности, невозможно верно определить пути социального и иных служений Церкви в условиях современности. Недавно утвержденную социальную доктрину РПЦ не раз и справедливо упрекали именно за недостаточность богословского обоснования. Речь, конечно же, не идет о пересмотре догматов Церкви, но о том, чтобы научиться излагать их в экзистенциальных категориях, руководствоваться духом святых отцов не в каталогизации, а в творческом продолжении их умозрений, отвечая на новые вопросы и новые вызовы. Областью особого попечения богословов бесспорно должно быть христианское осмысление культурных процессов, ведь культура есть пространство нашего мышления, наш язык и наша среда. Здесь, как нигде, важен дар «различения духов», дар экзорцизма, исцеления и даже воскрешения. Церковь должна не просто иметь свое мнение и доводить его до всеобщего сведения, но вдохновлять, быть творческой закваской в культурном делании.

Людмила Оболенская-Флам

КНИГИ В РОССИЮ

500 ящиков книг, собранных в Америке комитетом «Книги для России», прибыли недавно в Москву. Их адресат: Библиотека-Фонд «Русское Зарубежье» (ул. Нижняя Радищевская, 2). Отсюда дубли будут распределены и по другим библиотекам России.

Это не первая партия книг и периодики, доставляемая комитетом из США в Россию; за четыре с половиной года его существования в Москву были переправлены десятки тысяч публикаций. Основная масса их – выходящие за рубежом книги, журналы и газеты на русском языке, а также некоторые неопубликованные рукописи и архивные материалы, рисующие быт, духовные устремления и культурную жизнь всех волн российской эмиграции. Есть также публикации и на английском языке – исследования западных ученых, посвященные России и Советскому Союзу, как, например, полный комплект ежеквартального журнала *Slavic Review*, выпускаемого Американской Ассоциацией Славистов.

Книги поступают отовсюду. Так, в этой последней партии в Россию прибыли присланные с Аляски старинные книги, хранившиеся в семинарии имени Св. Германа на о. Кадьяк. Более шестисот книг было прислано недавно со склада издательства «Заря» в Канаде. Среди них обращают на себя внимание три названия, посвященные РОА: «Первая дивизия РОА» Артемьева, «Облик генерала Власова» протоиерея о. Александра Киселева и «Записки священника РОА» о. Д. Константинова. Тут же и ценные для историков публикации материалов СБОНРА (Союза Борьбы За Освобождение Народов России) 1947-1962. Сергей Зауэр, долготелый директор издательства «Заря», прислал также 30 экземпляров книги Ю. Мацкевича «Катынь», первого исследования массового убийства польских офицеров советскими карательными органами. Надо с благодарностью отметить, что издательство «Заря» уже в который раз присоединяет свои книги к материалам, поступающим от других жертвователей.

При составлении списков и упаковке предназначенных для России книг всплывают интереснейшие материалы. Если не считать присланного с Аляски комплекта Церковных Ведомостей 1888-1917 гг. (когда-то доставленных Святейшим Синодом в аляскинскую епархию, они совершили теперь обратное путешествие в Россию), то самая ранняя книга – исследование юриста Исаака А. Гурвича «Переселения крестьян в Сибирь», вышедшая в Москве в 1888 г. Эмигрировав вскоре после этого из России в США, Гурвич завоевал себе признание на новой земле как специалист в области статистики, а дочь его приобрела известность как одна из первых женщин-журналисток в Америке и автор книги о жене зулусского царька. Недавно эта книга была переиздана с предисловием внучки Гурвича, американской писательницы Фейт Джексон. Она и передала для России редкий экземпляр работы своего деда, посвященный русской деревне. Кроме того, Фейт Джексон подарила принадлежавшую ее бабушке школьную тетрадь, которую та при-

везла с собой из России. В ней переписанная от руки «Крейцера соната» Толстого (дореволюционный самиздат?!). Среди прочих книг, полученных из того же источника, – одно из самых ранних пособий по русской истории и литературе на английском языке, составленное кн. Сергеем Волконским (*Prince Serge Wolkonsky. Pictures of Russian History and of Russian Literature from its Origins through Tolstoy*. Norwood Press, 1888).

Говоря о ранних эмигрантах из России, нельзя не упомянуть Петра Дементьева, основавшего в конце XIX в. город Сэйнт-Питерсбург во Флориде. Едва ли Дементьев, или Деменс, как этот предприниматель стал называться в Америке, мог предполагать, что основанный им город – ностальгическое название в сочетании с субтропическим климатом – станет в будущем магнитом для русских пансионеров в Америке, что здесь возникнет несколько православных церквей, свой клуб и начнется русская общественная жизнь. Призыв нашего комитета «Книги для России» присылать вышедшие в эмиграции книги встретил во Флориде широкий отклик. Среди поступивших от русских флоридцев книг, наряду с большим разнообразием публикаций многих лет, обнаружилось и несколько экземпляров красочной биографии Петра Дементьева.

Некоторые книги сами идут в руки, другие нужно выискивать. Так, случайно стало известно про сарай в Чураевке, где якобы были свалены книги писателя Георгия Гребенщикова, основателя этого поселения в штате Коннектикут и автора многотомной эпопеи из жизни сибиряков «Братья Чураевы». Когда-то в период между двумя войнами Чураевка тоже была излюбленным местом русских. Некоторые обзаводились там домом или дачкой, другие наезжали из Нью-Йорка. По сей день стоит там русская церквушка, но русских в Чураевке сейчас – раздва и обчелся. Сам писатель давно умер, а дом его продан, но вот же кто-то рассказал, будто в сарае все еще находятся русские книги. Стали наводить справки. Оказалось, недавно один из последних русских насельников Чураевки заметил, как при очередной смене владельцев у дома Гребенщикова сваливают на выброс книги. Кое-что уже было увезено на свалку, остальное удалось спасти. Но куда девать эти книги? Об их существовании узнал член Конгресса Русских Американцев проф. Е.А. Александров, живущий в штате Коннектикут, а к нему с запросом обратился один из членов комитета «Книги для России». Так были найдены концы этого кладеза книг, которые сейчас из американской Чураевки доставлены в Россию. Тут не только произведения самого Гребенщикова, начиная с тех, что в двадцатых годах сперва выходили в Риге, а потом в США, но и книги других авторов. Надо отметить, что в Чураевке была своя типография. Это было единственное свободное русское издательство, действовавшее во время Второй мировой войны.

Издательству в Чураевке помогал деньгами известный изобретатель и авиаинженер Игорь Сикорский. От сына его, Игоря Игоревича, живущего в США, тоже были получены кое-какие принадлежавшие отцу материалы, в том числе небольшая брошюра на английском

* Председатель комитета «Книги для России» (США).

языке: размышления Сикорского о молитве «Отче наш». Будучи человеком верующим (на его средства была построена поныне действующая православная церковь в г. Стрэдфорд, шт. Коннектикут), Сикорский, однако, подошел к Молитве Господней не с позиций традиционного богословия, а скорее как ученый. Он исходит из предпосылки, что подобно тому, как электронная техника позволяет по одному проводу одновременно передавать целый пучок информации, в краткую молитву, которую Христос завещал своим Ученикам, вложены глубочайшие слои значения. Молитва, по убеждению Сикорского, определяет наше место в созданном Господом Богом космическом пространстве и является руководством для достижения человеком духовного рождения в процессе земного его существования. Пионер воздухоплавания считал, что «законы небесной механики дают нам понять, что совершается в сферах высшего мира, который превышает нашу материальную действительность».

Брошюра Сикорского (The Message of The Lord's Prayer) вышла в Нью-Йорке в 1944 г. и, насколько известно, на русский переведена не была, но ее можно найти в Москве в Библиотеке-Фонде «Русское Зарубежье».

От Сикорского логичен переход к Александре Толстой. У них были добрые отношения, и Сикорский поддерживал Толстую, когда та в 1939 г. основала в Нью-Йорке организацию помощи беженцам – Толстовский Фонд. Эта женщина могучей энергии создала не только большую гуманитарную организацию, но также написала несколько книг. «Отец», как говорит название, посвящена Льву Толстому, а «Дочь» – книга автобиографическая. Последняя, вышедшая при ее жизни книга, «Проблески во тьме», была задумана еще в 1918-1919 гг. в Ново-Спасском лагере, куда Толстая попала после Лубянки и откуда первые главы рукописи передавала на свободу в бутылке от молока. Была она приговорена к трем годам заключения по обвинению в контрреволюционной деятельности, точнее, как соучастник так называемого Тактического центра. На самом деле Александра Львовна к заговору никакого отношения не имела, но предоставила участникам Центра свою квартиру в правлении Общества изучения Толстого в Москве. «На суде, когда прокурор Короленко спросил, за что Вы приговорены, я ему ответила, за то, что ставила самовар. Это было единственное мое участие», – вспоминала много лет спустя Александра Львовна у себя на Толстовской Ферме под Нью-Йорком. И привела каламбур, написанный одним ее приятелем:

*Смиряйте свой гражданский жар
В стране, где смелую девицу
Сажают в тесную темницу
За то, что ставит самовар.*

А.Л. Толстая скончалась в 1979 г. в возрасте 96 лет, сохранив до самых последних дней ясный ум и отзывчивое сердце, а созданная ею организация существует по сей день. Деятельность ее распространяется и на Россию, а в самом Толстовском Центре в г. Наяк, штат Нью-Йорк, имеются уникальная библиотека и архив, причем большое количество дублей было пожертвовано оттуда для отправки в Россию.

В начале шестидесятых годов в Нью-Йорке появились альманахи «Воздушные пути». Он сразу обратил на себя внимание интереснейшей подборкой материала. Редактору, Р.Н. Гринбергу удавалось какими-то путя-

ми получать рукописи из Советского Союза. Там, в частности, впервые увидела свет «Поэма без героя» Ахматовой. Альманах ставил своей задачей перекинуть мост между литературными силами России и эмиграции, объединить их в общем русле. Однако просуществовал альманах недолго. Он выходил небольшим тиражом (кажется, в основном, на средства самого Гринберга) и сегодня «Воздушные пути» – библиографическая редкость. Поэтому особую радость доставляет, когда вдруг откуда-то приходят один или два его экземпляра, а то и целый комплект! Недавно кем-то был прислан третий номер «Воздушных путей». В нем несколько – по тем временам – неопубликованных стихотворений Ахматовой и Ходасевича и три новеллы Бабеля. В том же номере письма из Парижа Надежды Александровны Теффи, адресованные в Нью-Йорк Андрею Седых, редактору газеты «Новое русское слово». В предисловии к ним Седых называет Теффи «большой русской писательницей гоголевской традиции, у которой слезы в конечном итоге всегда преобладают над смехом... Юмор был только средством, которым пользовалась она, чтобы подчеркнуть убожество, тупое самодовольство, ханжество ограниченных людей». Седых справедливо отмечает, что вместе с тем ее подход к людям был полон снисхождения: «Теффи понимала и даже как-то ценила человеческие слабости».

Последние годы жизни писательницы были тяжелые: нужда, болезни, одиночество..., но и об этом она писала с юмором, с теплой заботой о других парижских писателях, которым тоже в послевоенные годы было нелегко. Всего у Андрея Седых было 67 писем от Теффи (интересно, где они сейчас?). Из них в альманахе помещена небольшая доля и то в отрывках. Последнее письмо написано незадолго до смерти. В нем Теффи жалуется, что давно не имела от Седых вестей («Иногда перестаешь верить в существование Америки. Вот хочу проверить, не наврал ли Колумб»), а дальше идет: «Все мои сверстники умирают, а я вот все чего-то живу. Словно сижу на приеме у дантиста, он вызывает пациентов, явно путая очереди, а мне неловко сказать, и сижу усталая и злая...» «Ждать на приеме у дантиста, – заключает Седых, – ей пришлось недолго. Надежда Александровна Теффи скончалась в 4 часа дня 6 октября 1952 года».

Упомянув Андрея Седых, бывшего секретаря Ивана Бунина, редактора и журналиста, нельзя обойти молчанием и его книги, которые тоже пошли в Россию, в том числе его книга очерков «Далекие, близкие». В ней он вспоминает о многих незаурядных людях, с которыми ему доводилось дружить и общаться: Бунин, Бальмонт, Рахманинов, Ремизов, Шаляпин, Мандельштам... Мандельштаму Седых приписывал то обстоятельство, что он, Седых, не стал поэтом. Однажды они ночевали в Коктебеле у Волошина, и Седых решил прочесть Мандельштаму несколько своих стихотворений. Мандельштам, помолчав, изрек: «Что ж, почти Надсон». Как говорил Седых, это замечание навсегда отбило у него охоту писать стихи.

Андрей Седых почти до самой смерти был главным редактором «Нового русского слова», старейшей ежедневной русской газеты, бесперебойно выходящей в Нью-Йорке по сей день. В прошлом году ей исполнилось 90 лет. Были там и другие выдающиеся сотрудники. Вспоминается Анатолий Даров. Он написал первую по-

трясающе правдивую и жуткую книгу о блокаде Ленинграда. Она так и называется «Блокада». Ее ротаторное издание на дешевой бумаге в зеленой обложке вышло вскоре после войны в Мюнхене. Считалось большой удачей книгу приобрести, одолжить или зачитать. Теперь ее нигде не сыскать, но, приехав в Америку, Даров выпустил дополненное издание, и сейчас один экземпляр из этого тиража был отправлен в Россию.

Или вот еще один сотрудник «Нового русского слова», Владимир Осипович Гессен. Его автобиографическая книга называется «В борьбе за жизнь (Записки эмигранта) Петербург-Берлин-Париж-Нью-Йорк». Отец В.О. Гессена был в России политическим сподвижником В.Д. Набокова, отца писателя Владимира Набокова и видного деятеля партии Конституционных демократов. Их близкие отношения продолжались и в Берлине, где О. Гессен был старшим редактором газеты «Руль», выходившей при участии В.Д. Набокова. В книге воспоминаний Владимира Гессена, относящихся к берлинскому периоду, описывается убийство В.Д. Набокова, свидетелем которого Гессен оказался. Это произошло в 1922 г. когда в Берлин из Парижа приехал П.Н. Милоков, чтобы выступить там с докладом по случаю пятой годовщины Февральской революции. Гессен пишет:

«Как полагается всякому русскому начинанию в эмиграции, доклад начался с большим опозданием. В зале не было ни одного не занятого стула. Вдоль стен стояли люди, не получившие сидячих мест. Докладчика выслушали с большим вниманием. Окончив говорить, Милоков предупредил аудиторию, что после 15-минутного перерыва будет отвечать на вопросы, предложил подавать их в письменном виде и стал сходить с трибуны. И в этот же момент раздался выстрел. На трибуне стоял человек, размахивавший револьвером и кричавший: «Мечь за царицу Александру Федоровну. Мечь за царскую семью!»... Выкрикивая эти слова, он продолжал стрелять куда попало. Обеспокоенный за судьбу отца, я вскочил со своего места... Я кое-как пробрался вперед и увидел, что стреляют не один, а два человека. Один стоял на трибуне, другой стоял в проходе. И издали я увидел высокую фигуру Набокова, боровшегося с одним из убийц. Видел, как он свалил преступника на землю и как другой стрелял ему в спину почти в упор».

Рыцарский поступок Набокова неоднократно отмечался в печати. Он был тем более благородным, что в эмиграции, как пишет Гессен, отношения Набокова и Милокова испортились, их примирение состоялось именно тогда, когда Милоков приехал в Берлин, чуть ли ни накануне доклада.

Убийцами Набокова были два офицера царской армии, Шабельский-Борк и Таборицкий. Гессен присутствовал на их процессе: «Держали они себя на суде очень нагло и были приговорены к 20 годам каторги. В тюрьме они сидели недолго. Через несколько лет были помилованы президентом Гиндсбургом и играли затем большую роль при Гитлере, изображали «вождей» русской эмиграции», – писал Гессен.

Второе место по старшинству после «Нового русского слова» в Америке занимает «Новый журнал». Этот толстый литературный журнал, основанный после того, как в оккупированном Париже прекратили свое существование «Современные записки», выходит в Нью-Йорке с 1942 г. Журнал был основан писателями М. Алдано-

вым и М. Цетлиным, и вот уже более полувека в нем печатаются лучшие литературные силы эмиграции, а сейчас и авторы, живущие в России. Большое количество тиража «Нового журнала», которое редакция передает для отправки в Москву, позволяет ему оттуда проникать и в другие библиотеки страны.

А в 1977 г. в городе Филадельфия начал выходить альманах «Перекрестки», основанный на скромные средства ее редактора Валентины Синкевич и небольшой группы поэтов и художников. Позже, когда там всё больше стали печататься поэты третьей волны, альманах был переименован во «Встречи», сделавшись истинным форумом для поэтов всех поколений и волн эмиграции, от самых ранних до недавних эмигрантов. Например, в последнем номере (2000 год) напечатаны стихи той же Теффи, помещенные 1921 годом. Стихи написаны в ином ключе, чем ее юмористические рассказы. Как отмечает в краткой предпосылке к стихам Валентина Синкевич, именно в поэзии Теффи выражены мистические и религиозные настроения писательницы и тяга ее к символизму:

*Он ночью приплывет на черных парусах
Серебряный корабль с пурпурною каймою!
Но люди не поймут, что он приплыл за мною
И скажут – «Вот луна играет на волнах».
Как черный серафим три парные крыла,
Он вскинет паруса над звездной тишиною!
Но люди не поймут, что он уплыл со мною
И скажут – «Вот она сегодня умерла».*

И для контраста, из того же номера «Встреч», стихотворение, датированное 9 мая 2000. Оно принадлежит Виктору Урину, эмигрировавшему на запад в 1977 г. Называется «К 55-летию победы»:

*Хочу позвать невидимую руку
безрукому солдату –
и в ответ
с улыбкой, сквозь болезненную муку,
он мне протянет то, чего давно уж нет.
Так совесть свои клятвы не сдержала,
так зря теряют силы в мятеже,
так ампутированная держава
болит во мне, хоть нет ее уже.*

Постепенно «Встречи» стали проникать в Россию, а вместе с ними становилось известно и имя их бессменного редактора, поэта Валентины Синкевич. В последней партии книг, отправленных в Москву, имеются пожертвованные ею экземпляры альманаха разных лет.

Комитет «Книги для России» благодарен и еще одному творческому очагу – Русской Академической Группе в США, предоставившей комплект своих «Записок» для Библиотеки-Фонда «Русское Зарубежье» в Москве. История этой группы относится к послевоенному периоду в Германии, когда в Мюнхене под эгидой организации западных союзников по делам беженцев, УНРРА, был создан университет для перемещенных лиц. Когда же началось переселение за океан, почти весь его преподавательский состав прибыл в Соединенные Штаты, где была создана Ассоциация американских и иностранных ученых, в рамках которой и возникла русская секция, получившая название Русской Академической Группы. Деятельность ее вначале сводилась к отдельным лекциям, затем последовали научные семинары, а начиная с 1967 года, стали выходить «Записки Русской Академической Группы в США», толстый ежегодник, в котором

публикуются научные статьи и исследования членов этой группы.

В пятидесятых годах в Нью-Йорке было основано Издательство им. Чехова, выпустившее целую библиотеку ценной литературы на русском языке. Издательство давно закрылось, но книги его поступают для отправки в Россию по сей день. Ему, как и издательству ИМКА-Пресс в Париже, а также издательству «Посев» во Франкфурте, мы обязаны подавляющему большинству опубликованных на Западе книг со времени Второй мировой войны.

Приятно, когда вдруг приходят книги, написанные старыми знакомыми. Многих уже нет в живых. Вот книги Александра Казанцева «Третья сила» о роли Национально-Трудового Союза во время войны и Сергея Фрелиха «Генерал Власов» (перевод с немецкого). Обе книги как бы дополняют друг друга, рисуя деятельность людей, преисполненных идеализма и мужества, действовавших в условиях нацистской Германии ради шанса спасения России от большевиков.

Вспоминается высокая фигура в клобуке архиепископа Иоанна Сан-Францисского, в миру кн. Шаховского. Большой удачей была возможность переправить из Калифорнии в Россию оставшиеся после его смерти книги: воспоминания, аналитические статьи, стихи, которые он писал под псевдонимом «Странник», а также отдельные брошюры на богословские темы и тексты многих бесед, которые он в течение сорока лет по субботам передавал по «Голосу Америки».

Посмертно в 1977 году в Германии вышла книга еще одного хорошего знакомого – комментатора радиостанции «Свобода» Виктора Франка. Сын религиозного философа, Семена Франка, он сам был человеком глубокой веры и большой эрудиции. Обладал он и несомненным литературным даром; занимался художественным переводом и писал критические статьи на литературные темы. Книга называется «По сути дела» – под этой рубрикой Франк вел свои радиопередачи. Сборник состоит из подборки его бесед, в которых и сегодня просматривается пронзительный ум автора. Беседа от 10 октября 1971 г., к примеру, начинается следующим образом:

«Природа не терпит пустоты. Не терпит ее и человеческое сознание. Когда умирает одна вера, ее место занимают другие верования. Вера в марксизм-ленинизм, в грядущую мировую революцию, в пришествие коммунизма на всем свете выдохлась. И вот в сознании людей – я говорю о положении в Советском Союзе – возникают или возрождаются другие идеологии. К ним стоит присмотреться».

Далее Франк останавливается на дошедшем до Запада *Манифесте русских патриотов*, названном *Слово нации*, в котором речь шла об угрозе «биологического вырождения.» При этом, как заметил Франк, авторы манифеста сокрушались о том, что Гитлер допустил ошибку, руководствуясь в борьбе с вырождением не столько расовыми признаками, сколько узконациональным эгоизмом. «Иными словами, – говорил Франк – если бы Гитлер ограничился истреблением евреев, цыган и прочих *небелых* рас, а также дефективных детей, то его программа была бы для авторов Манифеста вполне приемлемой».

Отметив примитивный уровень этого документа. Франк приходит к заключению, что «от славянофилов авторы переняли романтическую идеализацию понятия на-

рода; от фашистов и коммунистов – мысль об абсолютном примате централизованного государства над правами личности. Как совместить органическую жизнь народа с чиновничьим деспотизмом, этого авторы *Слова нации* не объясняют, да и вряд ли они об этом задумывались».

«Стоит ли принимать этот документ всерьез?» – задает вопрос Франк и отвечает:

«Да, стоит, ибо это симптом страшного падения политической мысли, к которому привели десятилетия, истекшие после 1917 г. Если почитать произведения некоторых старых – дореволюционных и эмигрантских – писателей, задумавшихся о будущем России, если сравнить их с уровнем *Манифеста русских патриотов*, то можно прийти в отчаянье. Страна больна, тяжело больна. Излечить ее шарлатанскими приемами невозможно. Нужен длительный, трудный процесс исцеления. Как и когда она выздоровеет, нам не дано знать, но *Манифест русских патриотов* – во всяком случае не метод излечения. Это предложение – к счастью, иллюзорное – исцелить холеру сыпным тифом», – говорил Виктор Франк незадолго до смерти в одной из своих последних бесед на радиостанции «Свобода».

Франк, Казанцев, Седых, Александра Толстая, Фрелих, Роман Гуль и многие другие, с которыми сводила судьба, были для меня людьми старшего поколения. А вот небольшая книжечка, посвященная светлой памяти бывшего однокашника по послевоенной гимназии в Германии – Алеше, Алексею Владимировичу Поремскому, погибшему в результате дорожной катастрофы в 1960 г., когда ему не было еще тридцати лет. Сын одного из основателей и главных руководителей НТС, Владимира Дмитриевича Поремского, Алеша, хоть и родился вне России, рано включился в работу этой организации и был ее многообещающим идеологом, о чем свидетельствовали его статьи в «Посеве», «Гранях», «Наших днях» или сборнике «О солидаризме», который он составил и подготовил к печати в издательстве «Посев». Кое-что из этого вошло в сборник-памятку, свидетельство глубины его убеждений, многогранности ума и интересов и неуклонной устремленности к России.

Эта редкая теперь книжечка вышла в издательстве «Посев». Вообще же говоря, при укомплектовывании ящиков, идущих с книгами в Россию, поражаешься количеству книг, которые со времени Второй мировой войны вышли из типографии этого издательства. Поначалу там печатались главным образом книги авторов, оказавшихся после войны за пределами Советского Союза, позже всё чаще стали появляться книги «тамиздата». Часть из них разными неофициальными путями попадала за железный занавес, другие расходились среди русских читателей на Западе. И вот теперь, зачастую побывав во многих руках, иногда сменив нескольких владельцев, эти книги – в числе других – кружными путями возвращаются на родину их авторов.

Те документы, архивы и публикации, которые удаётся в США собрать комитету «Книги для России», естественно, лишь малая доля культурного наследия российской диаспоры. Многие утеряно безвозвратно, а многое еще хранится в разных семьях, при церковных домах, клубах и в частных коллекциях. Задача комитета состоит в том, чтобы как можно больше этого материала сохранилось и сделалось достоянием читателей и исследователей в России.

Василий Цветков

КТО БУДЕТ СЛЕДУЮЩИМ?

ПАМЯТИ ИГОРЯ ТАЛЬКОВА

4.11.1956 – 6.10.1991.

«Россия – боль моей души...»

1991-й... 10-летние юбилеи: выборы первого президента РФ, августовский путч, развал КПСС, развал СССР, трехцветный российский флаг снова над Кремлем. Но, вспоминая эти даты, вспомним еще об одной: 10 лет прошло после убийства Игоря Талькова...

Так всегда бывает – чем ярче, органичнее талант, тем больше внимания привлекает он к себе. Увы, но несправедливо забытое многими имя певца становится еще одним поводом для сведения политических счетов. Не умолкают споры о том, «на чьей стороне он был бы» в октябре 1993-го, в 1996-м, в 2000-м? Как он относился бы к Гайдару, к Чубайсу, к Ельцину, к Путину? Творчество Талькова, подчас совершенно необоснованно, «прихватывается» то ультраправыми, то ультралевыми, то национал-большевиками, то ура-патриотами, то просто искателями «легких денег», готовыми «делать» их на всем, даже на памяти погибших.

Оставив в стороне эти политологические гадания «на кофейной гуще», задумаемся о другом. Сейчас уже нет сомнения в том, что Игорь Тальков стал последним российским «социальным поэтом» XX в. Линия, начатая А. Галичем, Б. Окуджавой, В. Высоцким, прервалась 10 лет назад. За истекшие 10 лет в России не появилось *ни одного настоящего* поэта, певца, композитора, равного Талькову по силе именно «социальных» песен (коммуно-дубовые аля Пахмутова «Наш дом Россия – твой дом Россия – у нас другого дома нет», слащаво-приторные о «русской душе», о «неласковой Руси», «пионерски-звенячие» о «Москва – золотые купола» – не в счет). Тальков развалил «Берлинскую стену» «совковой» эстрады, сделал это резко, жестко, *непримиримо*.

Тальков пел, как принято говорить, «на пределе». Пел сердцем, надорванным, надломленным. Не боясь ничего, открыто шел вперед. «Мы зубами вгрызались в цепи, мы ногтями впивались в лед, прорывали стальные сети / И взлетали, нас били в лет...» (Метаморфоза-2).

Его судьба более чем показательна. Сын репрессированных, познакомившихся в ГУЛАГе родителей (его брат – Владимир там и родился). Не имел права жить в Москве, а в 1975-м, на площади в Туле «высказался» о Брежневе. От «срока» с огромным трудом удалось спасти. Но вплоть до 1987-го, до своих первых «Чистых прудов», Талькову не давали публично выступать.

Затем стремительный взлет. 1987-91. Вспомним, что для многих в *то время* значили его песни. «КПСС – СС». Уже одно это словосочетание говорило за себя. Тальков стал первым в СССР певцом Белой России, Национальной России, изменив слащаво-приторный образ «поручика Голицына» на образ «расстрелянного генерала».

Игорь Тальков был «слишком» свободным, «слишком» непримиримым, и, хотя бы уже поэтому, был обречен. Власть, «система» не любит, не переносит тех, кем нельзя управлять. Востребованы всегда «тихие», «предсказуемые», «СВОИ». Тальков был и остался «собой», одиноким бойцом. Он не вписывался ни в закосневшие устои старой, ни в номенклатурные раскладки новой власти. В этой ситуации трагический финал не заставил себя долго ждать...

Правда, «кое-кто» недвусмысленно заявит – Галич умер от «замыкания в электропроводке», Высоцкий от «богемной жизни», Цой «погиб в автокатастрофе», а Талькова «убили в банальной разборке». Этот «кое-кто» никогда не ошибается, потому что точно знает, на ком кровь убитых, и точно знает, кто будет следующим. Этот «кое-кто» и про идеи НТС, зовущие к возрождению страны, говорил: «Да Вы не можете даже представить, что будет, если они это здесь сумеют открыто сказать». Игорь сумел... По-моему...

Будем помнить о Талькове. Будем помнить и о тех погибших чувствах искренности, надежды и веры, которыми жили в тот короткий период 1987-91-го... Будем помнить хотя бы для того, чтобы знать – свободу не приносят по заказу, ее завоевывают, ее защищают даже ценой собственной жизни.

РОССИЯ

-1-

Листая старую тетрадь
Расстрелянного генерала,
Я тщетно силился понять,
Как ты могла себя отдать
На растерзание вандалам.
Из мрачной глубины веков
Ты поднималась исполином,
Твой Петербург мирил врагов
Высокой доблестью полков
В век золотой Екатерины.
Россия...

Священной музыкой времён
Над златоглавою Москвою
Струился колокольный звон,
Но, даже самый тихий, он
Кому-то не давал покоя.
А золотые купола
Кому-то чёрный глаз слепили:
Ты раздражала силы зла
И, видно, так их доняла,
Что ослепить тебя решили.
Россия...

Разверзлись с треском небеса,
И с визгом ринулись оттуда,
Срубая головы церквям
И слава красного царя,
Новоявленные иуды.
Тебя связали кумачом
И опустили на колени,
Сверкнул топор над палачом,
А приговор тебе прочёл
Кровавый царь - великий... гений.
Россия...

Листая старую тетрадь
Расстрелянного генерала,
Я тщетно силился понять,
Как ты могла себя отдать
На растерзание вандалам.
О, генеральская тетрадь,
Забитой правды возрожденье,
Как тяжело тебя читать
Обманутому поколенью.
Россия!!!

-2-

Товарищ Ленин, как у Вас дела в аду?
Вы там на сковородке иль на троне?
Готовитесь ли к страшному суду
Или надеетесь, что дьявол выдаст бронь Вам?

Нет, брони Вам, товарищ, не видать.
Господь не допускает компромиссов.
И мы хотим успеть Вам всё сказать,
Пока Ваш дух не воплотился в крысу.

Мы - подкидыши, стервы эпохи,
Чудом выжившие под забором,
Отсекавшим от Господа Бога
Вакханалию лжи и террора.

Скорбь великая, слёзы и грусть,
Прозябание на коленях.
Что плохого Вам сделала Русь,
Уважаемый гений?

Ну не нравился Вам наш народ...
Так в Швейцарии бы и оставались
И кровавый свой переворот
Там, в Швейцарии, свершить бы и попытались.

Ладно, хватит! Мы встали с колен
И расправили плечи.
Пусть вокруг запустенье и тлен,
Но ещё и не вечер.

Не дано Вам, иудам, понять
В чём секрет нашей силы;
И не вычислить и не разгадать
Тайной мощи России.

ГЛОБУС (июль 1991 г.)

-3-

Покажите мне такую страну,
Где славят тирана,
Где победу в войне над собой
Отмечает народ.
Покажите мне такую страну,
Где каждый - обманут,
Где назад означает вперед,
И наоборот.

Не вращайте глобус,
Вы не найдете,
На планете Земля стран таких не отыскать,
Кроме той роковой,
В которой вы все не живете,

Покажите мне такую страну,
Где заколочены Храмы,
Где священник скрывает под рясой
КГБ-шный погон.
Покажите мне такую страну,
Где блаженствуют хамы,
Где правители грабят казну,
Попирая закон.

* Тексты песен взяты из книги «Монолог» (М., «Худ. лит.», 1992).

Покажите мне такую страну,
Где детей заражают,
Где солдат заставляют стрелять
В женщин и стариков.
Покажите мне такую страну
Где святых унижают,
Где герои - ветераны войны
Живут хуже рабов.

СОВКИ

-4-

Они не думают, не чувствуют, не слышат,
Они не видят ни зги.
Они не любят, не страдают, не ищут,
Не напрягают мозги.
У них руки - лопаты, глаза - пятаки,
А вместо лиц - квадратные совки.

Совки, не отдадим мы вам страну.
Совки, мы объявляем вам войну.

У них – свои мессии, боги и кумиры
В лице Андреевых Нин.
У них – свое понятие равенства и мира
В виде нелепых доктрин.
«Чем хуже, тем лучше» - закон дураков,
Вот цель этих штампованных совков.

Они в создании своем не виноваты,
Их выпестовала власть,
Которой выгодно плодить дегенератов,
Чтоб ненароком не пасть.
И куда ж мы приплыли за двадцать веков,
Если вся Россия стонет от совков.

КПСС

-5-

Эй, кто там обнадёжился по поводу того,
Что коммуняки покидают трон,
Сближаются с народом и каются,
И верят в пе-ре-лом.

Не спешите, милые,
Не будьте так наивны,
Вращаются колёсики,
И не заржавлен пресс,
Винтики на месте,
И работает машина
С дьявольским названием
КПСС.
КПСС - СС.

Эй, кто там ходит в церковь,
Не опасаясь, что
Его настигнет завтра
Толпы позорный свист.
Не обнадёживай себя,
Брат мой во Христе,
Лежит на Красной площади
Главный атеист.
Рекой течёт к нему толпа рабов,
Не зная, что туда же
По ночам заходит бес,
Не дрогнут часовые
И до первых петухов
Там планы обсуждаются
КПСС.
КПСС - СС.

Эй, кто там поднимает русский флаг -
Наточен серп на кумаче,
И звёзды караулят купола,
Спокойно управляя рукою палачей.
А те одели маски и, покаявшись в грехах,
Упорно занимаются
Перестановкой мест:
Страна не сможет встать с колен,
Покуда на плечах
Зверь восседает у неё -
КПСС!

КПСС - СС!
СС!СС!СС!

Вышла из печати 1-я книга из военно-исторической серии «Белые воины»

Марков и марковцы.

Первая книга серии, издаваемая при поддержке русского предпринимателя А.Н. Алекаева, представляет собой сборник документов и воспоминаний об одном из самых выдающихся военачальников Белой армии генерал-лейтенанте Сергее Леонидовиче Маркове. Основой книги стал известный в эмиграции двухтомник полковника В. Павлова «Марковцы в боях и походах за Россию», но практически неизвестный широкому кругу российских читателей. Помимо значительных отрывков из этого издания в книгу вошли и архивные материалы, никогда не вводившиеся в научный оборот. Это – дневник С.Л. Маркова, воспоминания о 2-м Кубанском походе (их начало в № 3 альманаха «Белая Гвардия»), дневник начальника штаба Марковской дивизии полковника Биттенбиндера, приказы по формированию марковских частей. Немалую часть издания составляют аналитические материалы по социальному составу марковских полков, особенностям их создания и участию в боевых действиях. Книга иллюстрирована многочисленными фотографиями, посвященными как жизни генерала Маркова, так и боевой истории марковцев.

Книга издана в подарочном издании. В исторической России такие издания назывались «подносными». Научный редактор серии – кандидат исторических наук В.Ж. Цветков.

Константин Михайлов

ТЩЕТНАЯ ПРЕДОСТОРОЖНОСТЬ

Ревнитель новейшей отечественной истории сегодня не избалован серьезными исследованиями, представляющими принципиально новый взгляд на русскую смуту XX в. Поэтому особый интерес вызывает обращение к проблемам, сама постановка которых для изучения вплоть до недавнего времени была невозможной. В этой связи выход в свет объемной монографии московского историка А.В. О कोरोкова «*Фашизм и русская эмиграция (1920 – 1945 гг)*» (изд. «Русакс», М., 2002, 595 стр.) должен был бы восприниматься читателями как отрадное событие. К сожалению, знакомство с содержанием столь внешне солидного труда приводит в недоумение, а определенные суждения автора будят не только досаду, но и безусловный протест.

Первые вопросы вызывает характер издания. Из 593 страниц более 300 занимают документы, часть из которых уже публиковалась. Воспроизведение любого документа традиционно требует соответствующих комментариев, но таковые отсутствуют. Вероятно, автор предлагает их делать читателю, но для неспециалиста подобное вряд ли полезно. Совершенно не определен предмет исследования. В качестве него можно избрать *фашизм, антисоветскую эмиграцию, практическую деятельность конкретных эмигрантских организаций, взаимоотношения между ними и государственными структурами нацистской Германии* и т.д. Неопределенность предмета, целей и задач исследования позволяет охарактеризовать жанр рецензируемого труда как сборник самостоятельных кратких исторических очерков, существующих независимо от опубликованных документов. В таком случае документы, занимающие чуть более 50% объема книги, вероятно, стоит рассматривать не просто в виде приложений, а как дополнительный материал, который должен скорректировать впечатление читателя от весьма противоречивых очерков. Весьма странным для научного издания нам кажется отсутствие полного списка использованных источников и литературы – подстрочный справочный аппарат не позволяет провести их совокупный анализ. Во введении автор благодарит ряд лиц за предоставление некоторых материалов, но при этом остается непонятным как характер использованных чужих сведений (документы? письма? статьи?), так и то, какие материалы и в каком объеме принадлежат собственно О कोरोкову, а какие – его корреспондентам.

В представленных исторических очерках исследователь в принципе игнорирует критический подход к псевдомемуарным источникам. Верхом наивности выглядит серьезное цитирование автором (с. 468, 470, 497, 499) т. н. «Записок русского эмигранта», изданных в 1961 г. от имени Д.В. Брунста¹. Нет сомнений, что компилировался этот «источник» на основании как допросных протоколов, так и подлинных рассказов захваченного в 1945 г. члена Совета НТС, но препарировался и дополнялся литобработчиками для использования

в идеологической борьбе против антисоветской эмиграции в 60-е гг. Ни опровергнуть, ни откорректировать «написанного» Д.В. Брунст по естественным причинам не мог. В столь же специфическом жанре были представлены советской читательской аудитории в 1971 г. и используемые А.В. О कोरोковым (с. 498) «Записки следователя гестапо». Странно, что автор не привлек в качестве источника популярный в то же время роман А.Н. Васильева «В час дня, Ваше Превосходительство...», созданный по тому же шаблону, что и цитированные им «Записки»². Не стоило бы и останавливаться на критической оценке псевдомемуаров, если бы О कोरोков не делал на их основании слишком безапелляционные выводы, преподнося их читателю в качестве достоверных фактов.

Но более всего ошеломляет вольное или, скажем, даже самоуверенное обращение А.В. О कोरोкова с социально-политической терминологией. По убеждению или по незнанию автор «научного издания» позволяет себе радикальное суждение, решительно отвергающее все накопленные знания в области общественных наук. Организации, отстаивающие в политике или общественной жизни консервативные традиционные идеалы («Вера, Царь, Отечество» и т.п.), – суть *фашистские*, так как фашизм – не что иное, как «национально-государственная парадигма», отвергающая «идею классовой борьбы» (с. 6). Любопытнее всего, что примерно такая же точка зрения на консервативные движения господствовала в советской исторической науке и публицистике³. Например, франкистский режим в СССР всегда называли фашистским, а франкистов – фашистами, в школьных учебниках, с оговорками, подобные оценки популяризируются до сих пор⁴. Поэтому О कोरोков, взяв на вооружение старые реминисценции советской историографии, никакого открытия не сделал – «старые напевы снова звучат», как писалось для красноармейцев в пропагандистских листовках Вермахта.

В «фашисты» А.В. О कोरोков заносит огулом не только правые организации Русского Зарубежья, но и начальника Московского охранного отделения полковника С.В. Зубатова, председателя совета министров П.А. Столыпина, правоведа и мыслителя И.А. Ильина... Вероятно, уважаемому О कोरोкову следовало бы поступить еще решительнее и объявить всю русскую историю с конца X в. до 1917 г. «фашистским этапом развития России». Умозрительность подобных логических построений столь очевидна, что вряд ли кто-то из серьезных исследователей захочет по данному вопросу предметно полемизировать. Но на читателя скудно образованного, слабо разбирающегося в таких понятиях как «консерватизм», «фашизм», «национал-социализм», «монархизм», публицистические рассуждения А.В. О कोरोкова могут произвести определенное впечатление, и в этом их опасность.

Главный непреодолимый водораздел, пролегающий между идеологическим наследием германского национал-социализма, итальянского фашизма и идейными поисками отечественного консервативного лагеря, заключается в безусловном признании последним примата ценностей святоотеческого православия, как в общественной, так и в политической жизни. Автор «научного издания» скрыто или явно, но представляет Русский Национальный Союз Участников Войны А.В. Туркула, НТСНП, штабс-капитанское движение И.Л. Солоневича и даже Национальную Организацию Русских Скаутов-Разведчиков О.И. Пантюхова в качестве фашистских. Но вот что писали идеологи НТСНП в канун II мировой войны, отвергая национал-социалистический воинствующий расизм: «*Этически: расизм неприемлем потому, что он глубоко материалистичен, ибо основывает единство нации на физиологии, а не на духовном родстве...История его опровергает. (...) Практически: нам эта теория неприемлема, ибо она обуславливает необходимость расчленения России...»⁵*

Вот что в конце концов написал о фашизме И.А. Ильин, представленный А.В. Окорочковым в качестве «фашиста». Видимо, сочинение русского мыслителя по данному вопросу осталось для автора неизвестным, в противном случае его требовалось непременно прокомментировать: «*(...)Фашизм совершил целый ряд глубоких и серьезных ошибок... (которые) состояли в следующем: 1. Безрелигиозность. (...) 2. Создание правого тоталитаризма (...) 3. Установление партийной монополии... 4. Уход в крайности национализма и воинствующего шовинизма (...) 5. Смещение социальных реформ с социализмом (...) 6. Впадение в идолопоклоннический цезаризм (...) ...Цезаризм есть прямая противоположность монархизма. Цезаризм безбожен, безответственен, деспотичен; он презирает свободу, право, законность, правосудие и личные права людей; он демагогичен, террористичен, горделив; он жаждет лести, «славы» и поклонения; он видит в народе чернь и разжигает ее страсти; он аморален, воинственен и жесток. (...)»⁶*

Исходя из первенствующего значения ценностей святоотеческого православия для членов национальных организаций, включая даже тех, которые по наивности и глупости использовали свастику или слово «фашизм», А.В. Окорочкову следовало бы прийти к противоположному выводу. Русский фашизм в действительности как явление не состоялся. Чтобы превратиться в подлинных фашистов, отечественным адептам пришлось бы отвергнуть весь тысячелетний исторический путь российской государственности и вернуться к идее «крови и почвы» – то есть к примитивному язычеству. Но даже самые отпетые эмигрантские маргиналы вроде погромщиков Светозарова или рэкетиров Родзевского в погоне за оздоровительным рецептом социально-политической жизни не рискнули на столь безумную трансформацию, навсегда оставшись плохо обрзованными националистами.

Автор вообще допускает слишком много неточностей и ошибок. Учитывая сложность и не изученность избранной темы, столь досадные погрешности воспри-

нимались бы естественно. Но они носят слишком «направленный», по нашему мнению, характер за счет использования заведомо не аутентичных источников. Г.С. Околовича, руководившего союзной деятельностью на оккупированных территориях в 1941-44 гг., А.В. Окорочков преподносит как «служившего в минском гестапо», «финансировавшего» исполбюро НТС за счет средств, вырученных от продажи имущества, арестованных гестапо. Начнем с неопределенности термина «служил». Что следует подразумевать – штатный чин Имперского Главного управления безопасности? платный сотрудник? добровольный осведомитель? агент влияния? и т.п. Обвинение более чем серьезное и заслуживающее в нормальной стране безусловной диффамации. Архивы минского гестапо, кстати, сохранились, и автор, вероятно, работал с их фондами, но, увы... В качестве «достоверного источника» вновь выступают псевдозаписки Брунста, Владимировова (с. 490) и «показания» смоленского бургомистра Б.Г. Меньшагина (с. 481). Любопытно, что ссылка на Меньшагина отсутствует в справочном аппарате. В мемуарах Меньшагина⁷ фамилия Околовича вообще не упоминается. В 1995 г. появилась случайная возможность ознакомиться с его до сих пор засекреченным архивно-следственным делом – в части показаний на разыскиваемых «СМЕРШ» членов НТС. Околовичу уделено немало места, но указаний на его «службу в минском гестапо» мы не обнаружили.

Даже если бы подобные устные «показания», полученные не только от Меньшагина, а от кого угодно в ходе репрессивного следствия, и существовали в действительности, их фактическую достоверность стоило подвергнуть сомнению. Соответствующих документов минского гестапо не найдено, а ведь наверняка искали после войны. Кстати, если бы Околович действительно сотрудничал в любой форме с гестапо, последнему было бы выгодно сохранить его как резидента либо среди остатков кадров НТС, либо в учреждениях будущего КОНР, а не подвергать аресту 13 сентября 1944 г. вкуче со всеми членами запасного Исполнительного бюро Союза. Утверждение о «продаже имущества арестованных гестапо» нуждается в подкреплении фактами: *что имущество, кому, когда и в каком количестве «продал» Околович. Наконец, каким образом он получал доступ к конфискату. Очевидно, А.В. Окорочков предполагает будто, Г.С. Околович сам стоял с вещами на минском рынке либо торговал через подставных лиц? Затем он, видимо, получал оккупационные марки, не имевшие хождения в рейхе, конвертировал их в «твердые» рейхсмарки (интересно, как?) и специальным курьером (не через рейхсбанк же?) отправлял выручку в Берлин... – бизнес, достойный бессмертного подпольного миллионера А.И. Корейко, совмещаемый попутно со службой в гестапо, нелегальной политической деятельностью, частыми поездками к В.М. Байдалакову в Берлин и т. п. Не анекдотично ли?*

Уважаемому автору, видимо, не известно, что «конфискации» происходили не при политических арестах гестапо или СД, а в случае массовых экзекуций или убийств в огромном большинстве случаев у обитателей

**Виктор Михайлович Байдалаков (1900-1967),
председатель НТС в 1934-54 гг.**

**Георгий Сергеевич Околович (1901-1980),
член Совета НТС 1942-72.**

еврейских гетто. При этом никогда конфискат не реализовывался через торговлю на месте, т. к. вещи могли быть легко опознаны. Аналогичным образом поступали хозяйственные и финансовые отделы региональных УНКВД в период массовых расстрелов 1937-38 гг. Предположить же, что Г.С. Околович возглавлял мощную сеть торговли на черном рынке в пределах оккупированной Белоруссии, совмещая бизнес со «службой в минском гестапо», не могли даже советские публицисты, поэтому «свидетельство» С. Владимировой – не более чем фантазия о быте в оккупации, навеянная советским кинематографом.

Кстати, сообщим А.В. Огорокову: сотрудникам любых (!) оккупационных и административных органов (особенно фельдкомендатур, гестапо или СД!) категорически запрещалась любая частнопредпринимательская деятельность, если только она не допускалась в качестве оперативного прикрытия. Занимаясь несанкционированной торговлей чем бы то ни было, любой член Союза рисковал не в меньшей степени, чем распространением союзной литературы. Городская торговля, в том числе и частная, на оккупированных территориях серьезно контролировалась сотрудниками I (криминального) отдела служб поддержания порядка. «Сгореть» на нарушениях правил торговли было куда легче, чем на прослушивании сводок Совинформбюро. (Именно на попытке реализации криминального товара и провалилась в Краснодаре знаменитая «Молодая гвардия».)

Напомним читателям, что суды во Франции и ФРГ запретили распространение в печати сведений о принадлежности членов НТС к кадрам репрессивных органов III рейха, а равно к резидентурам КГБ и ГРУ по причине бездоказательности подобных утверждений. В связи с этим и от авторов в России, вероятно, стоит требовать более аргументированных доказательств публикуемых сведений или предоставить им возможность

отстаивать свои взгляды в качестве гражданского ответчика. До тех пор любые указания на сей счет – плод досужих домыслов, к сожалению, кропотливо тиражируемых д. и. н. А.В. Огороковым.

Подобно аргументации сюжета с Околовичем, столь же легковесны и некоторые другие высказывания. О.С. Поляков (с. 489), о службе которого «в немецкой разведке, борющейся с партизанами», автор упоминает как бы вскользь, ни в чем подобном не был уличен даже на следствии. Арестованный 12 октября 1944 г., О.С. Поляков был осужден по постановлению ОСО при НКВД СССР от 28 июля 1945 г. на 25 лет лагерей по ст. 58-4 («помощь международной буржуазии»), 58-6 ч.1 («подозрение в шпионаже»), 58-8 («террор») и 58-11 («организованное участие») УК РСФСР 1926 г. Последние 3 пункта 28 ноября 1956 г. военная коллегия Верховного суда СССР исключила из обвинения за недостоверностью, назначив меру наказания по ст. 58-4 в виде 10 лет лагерей. С учетом их фактического отбытия в 1945-56 гг русский скаутмастер и член НТСНП Олег Поляков освобожден и поселился в Калинин, а в 1981 г. получил возможность выехать к матери в США. 12 апреля 2001 г. Главная военная прокуратура полностью реабилитировала О.С. Полякова, признав его с точки зрения послесоветского законодательства РФ политическим репрессированным⁸. Таким образом, сведения о «службе в немецкой разведке» не более чем клевета или заблуждения недобросовестного автора.

Серьезных аргументов не приводит А.В. Огороков, «уверенно» утверждая о работе в «полицейских органах» члена НТС С.В. Пелипца (с. 490) и др. Ситуацию с И.Л. Юнгом следовало бы серьезно скорректировать: он, правда, участвовал в ряде мероприятий, осуществляемых политической разведкой СД (VI управление) в рамках операции «Цепелин», но по созданию добровольческих частей из граждан СССР (Гвардейская бригада РОА и т. п.). Подобным формированиям, как и ан-

тисоветским партизанским группам, руководство НТС действительно уделяло повышенное внимание, но это все-таки «несколько» отличалось от полицейской службы.

Совсем уж не повезло несчастному младшему лейтенанту Красной армии Г. Позе, которого А.В. О कोरोков под «влиянием отца» заставил «вступить» в части СС (с. 495) – тоже, кстати, непонятно какие. Почему ариец-эсэсовец Позе оказался в застенках гестапо, а потом в концлагере Берген-Бельзен – автор умалчивает. Некролог на члена НТС Георгия Позе был опубликован в «Посеве» (1948. № 30), в нем, естественно, об СС ни слова, но и в некрологе не все правда. Позе попал в плен в 1941 г. в звании младшего лейтенанта, но как студент и немец по национальности попал не в СС, а в «Вальд-лагерь» в Бреславле под руководством гауптштурмфюрера СС Кюнделя. Лагерь курировала СД, в нем содержались советские инженеры и технические специалисты, представлявшие для разведки СД интерес с точки зрения получения информации о советском ВПК. Позе в этом лагере находился на положении привилегированного «заклученного» и заведовал библиотекой. Имея выход в Бреславль, он познакомился с местными членами Союза и был принят ими в НТС. В свою очередь именно Позе встретился с прибывшим в лагерь осенью 1943 г. полковником М.А. Меандровым, передал ему союзные документы и зимой 1943-44 гг. принял его в Союз⁹. Гестапо и лагерь смерти Берген-Бельзен в судьбе Позе – это следствие репрессивных акций против НТС летом 1944 г.

Весьма неубедительны некоторые «версии» А.В. О कोरोкова по поводу арестов членов НТС на оккупированных территориях в 1942-43 гг и в Европе в 1944 г. В первом случае (с. 491) автор ненавязчиво наводит читателя на мысль о виновности самих союзников: никакой политики, дескать, сами виноваты, подделали маршбефель (разрешение на перемещение в прифронтовой полосе и т.п.), за подобные нарушения со стороны любой власти в военное время следуют репрессии и пр. Здесь мы имеем дело либо с неспособностью исследователя к анализу ситуации, либо с сознательным умыслом. Конечно же, подделка маршбефелей служила одной из наиболее частых оснований для задержаний, но неужели не ясно, что причиной подделки документов и многочисленных нарушений паспортного режима *служило стремление к свободе передвижения для ведения соответствующей политической деятельности*. Конспиративная или полуконспиративная деятельность на оккупированной территории намного серьезнее, чем абстрактные политические разногласия.

Размышляя над причинами арестов летом 1944 г., А.В. О कोरोков продолжает насыщать воображение читателя избитыми компиляциями (с.497-498) из Брунста и Владимирова, добавляя к ним суждения Ю.В. Чикарлеева – некогда искреннего члена Союза, потерявшего чувство реальности на идее инфильтрации НТС агентурой ГРУ. Перечисленные лица или те, кто составлял амальгамы из правды и небылиц от их имени, неудовлетворительно владели политической историей III рейха, тем более странно, что их «версии» серьезно

Георгий Полошкин-Позе, член НТС из Одессы, погибший в 1945 г. в концлагере Берген-Бельзен.

воспринял А.В. О कोरोков. Никакого буквального отношения аресты среди руководства НТС *летом 1944 г.* к «чистке Абвера Гиммлером» не имели, так как Абвер прекратил свое существование еще *12 февраля 1944 г.*

Чикарлеев интуитивно прав в другом. К лету 1944 г. гестаповцы практически вышли на существование широкого антигитлеровского заговора. Доказательства его существования, как и подозрительные связи высокопоставленных руководителей Абвера, стали известны эсэсовцам уже к концу 1943 г. Аресты участников консервативного антигитлеровского сопротивления постепенно нарастали с 12 января 1944 г. Конспиративной деятельности НТС, как и участникам Власовского движения, покровительствовали некоторые лица, имевшие непосредственное отношение к заговорщикам. Поэтому массовые аресты членов НТС летом 1944 г. – естественное и главное следствие разгрома заговора и установления в рейхе фактической ведомственной диктатуры СС. Аналогичная судьба ожидала не только НТС, но и Дабендорфскую школу РОА. Все иные объяснения – выдумки «литобработчиков».

Заканчивая обзор сомнительных сведений, воспроизводимых А.В. О कोरोковым в его «версии» военной истории НТС, нельзя не отметить любовь автора к мемуарным источникам. Только это пристрастие к довольно *однотипной* литературе (Брунст, Владимирова, Чикарлеев), которую и мемуарной-то считать нельзя. А вот, казалось бы, весьма ценные в части свидетельских показаний воспоминания Е.Р. Островского (Романова)¹⁰ – одного из союзных руководителей, арестованного гестаповцами 13 сентября 1944 г. – автор обошел глухим молчанием. Вероятно, потому, что Островский в связи с арестами сообщает важнейшую деталь – *к ноябрю 1944 г. следствие по делу арестованных членов НТС закончилось, и было принято решение об их отправке в концлагерь*. А немецкий концлагерь на рубеже 1944-45 гг., как бы ни велось предварительное следствие, не

санаторий, в то время как А.В. Окорочков все время пытается неназойливо создать впечатление (с. 495-497) «санаторных» условий пребывания членов Союза в гестаповских тюрьмах. И если такое впечатление формируется при помощи обильного цитирования воспоминаний В.М. Байдалакова и Д.В. Брунста, зачем же его разрушать свидетельством столь же выдающегося члена НТС о реальной угрозе этапирования в нацистский концлагерь – лучше «неудобные» воспоминания просто игнорировать.

Все же нельзя утверждать, что сборник документов и статей А.В. Окорочкова не представляет совсем никакой ценности. Похвалы заслуживает и введение в научный оборот целого ряда документов, не известных исследователям, и некоторые фактические сведения, касающиеся деятельности типологически близких организаций в Восточной Европе, участия непримиримой эмиграции во II мировой войне и т.д. Правда, здесь же возникает впечатление погони автора за объемом – он хочет излить на бедного читателя любой материал, который бы удалось хоть как-то связать с понятиями «фашизм» и «русская эмиграция». Не имеет значения его ценность, качество и аутентичность, главное – представить опубликованное и написанное аудитории с соответствующими претензиями.

В целом работу «Фашизм и русская эмиграция» можно рассматривать в какой-то степени как предосторожность. Дескать, какой смысл заниматься идейным творчеством белой национальной эмиграции, все оно «фашистское» по духу и сути, ибо сводится к отстаиванию «национально-государственной парадигмы»; вот, кстати, и солидное «научное издание» по данному вопросу, автор которого уже сделал необходимые выводы. Такие недвусмысленные выводы приходят на ум. К сожалению, *неискушенный* читатель, познакомившись с оригинальными взглядами А.В. Окорочкова, почти наверняка для себя *оправдает* репрессии органов госбе-

¹О том, как фабриковались литературными сотрудниками КГБ эти мемуары, автору в своем интервью рассказал В.Д. Поремский, встречавшийся с Д.В. Брунстом в Москве в 1995 г.

²У автора есть предположение, что в качестве литобработчика «Записок следователя гестапо» и автора романа «В час дня, Ваше Превосходительство...» выступало одно и то же лицо, о чем свидетельствует бывший член Союза писателей СССР Н. Но полностью публиковать свидетельство при жизни этого человека автор рецензии считал бы преждевременным. Тем более версия не подкреплена документально.

³См., например: Шкаренков Л.К. Агония белой эмиграции. М., 1981. С. 142, 150.

⁴См., например: Кредер А.А. Новейшая история. XX век. Часть I. М., 1995. С. 134–135.

⁵Цит. по: Росс Н.Г. Об отношении НТС к фашизму в

**Евгений Романович Островский (Романов, р. 1914),
председатель НТС 1984-95**

зопасности против активистов белой эмиграции: разве можно с *фашистами* было поступать иначе? Но мы все-таки позволим себе не согласиться с суждениями автора. Жертвенный подвиг Белых армий, породивший национальную непримиримую эмиграцию, призывал к защите не абстрактных «государственных парадигм». Белой эмиграцией двигало *стремление защитить честь родины и отстоять Россию* как духовную сущность. Подвижничество следовало ему становилось личным служением Богу.

Любая попытка предостеречь от указанного пути при помощи недобросовестных манипуляций окажется тщетной.

1930-е годы // Посев. Ежекв. вып. 1984. I кв. С. 101.

⁶Цит. по: Ильин И.А. О фашизме. // Наши задачи. Т. I. М., 1992. С. 76–77.

⁷См. Меньшагин Б.Г. Воспоминания. Смоленск...Катынь...Владимирская тюрьма... Подготовка к печати А. Грибанова, Н. Горбаневской, Г. Суперфина. Париж, 1988.

⁸Справка о реабилитации гражданина Югославии О.С. Полякова № 7уа–4351–45 от 12 апреля 2001 г. находится в архиве петербургского исследователя К.М. Александрова.

⁹ЦА ФСБ РФ. Архивная коллекция Н-18766. Т. 2.С. Л.48–50.

¹⁰Романов Е.Р. В борьбе за Россию. Воспоминания. М., 1999. Особую ценность мемуарам придает то обстоятельство, что ни НТС, ни издательство «Посев» не имели никакого отношения к их публикации, а также к составлению комментариев.

WWW.PVR.RU

Это адрес в интернете страницы «Комитета за правопреемственность и возрождение России». Всем интересующимся судьбами нашей страны советуем посетить эту страницу.

Александр Грищенко

«ЧЁРНЫЙ ТРИПТИХ» НИНЫ КОРОЛЁВОЙ*

«Напишу я сто стихотворений // И издам – за свой, понятно, счёт», – можно прочесть во второй части «Чёрного триптиха», неофициального названия трёх сборников стихов поэта Н. Королёвой, выпущенных издательством «Эллис Лак» тремя очень симпатичными чёрными книжечками, оформленными репродукциями картин из личной коллекции автора. Изданы книги действительно за собственный счёт, поэтому «без давления извне – редактора, издателя или цензора». Во всём «Триптихе» более 450 стихотворений, а в самом конце Королёва решила дать начало автобиографии, озаглавленной «Коротко о себе». Вышло не коротко, зато интересно. Если в «Сонату-осень», пятую книгу стихов Королёвой, включены стихотворения с 1993 по 2000 г. и несколько ранее не опубликованных 1980 г., то уже «Окно в ночи» состоит целиком из стихов, написанных за полгода в 2000, а «Договорим когда-нибудь потом...» – 2000 – 2001 гг! Поражает творческая активность поэта именно на рубеже веков, когда позади оставлена большая и, наверное, лучшая часть жизни. Она и сама признаётся в предисловии к одной из книг «Триптиха»: «Никогда раньше я не писала так много, и может быть, потому, что никогда не была так одинока». Очень веская причина для рождения стихов.

Нина Валериановна Королёва (р. 1933) – поэт ленинградского (именно ленинградского, потому что «эмигрировала» в Москву ещё в 1986 г.) круга, питерского духа и стиха. С именем Королёвой связан один из идеологических скандалов, когда редакторы журнала «Аврора» в 1973 г. пропустили в печать её стихотворение о трагической судьбе царской семьи, и почти на 20 лет для неё были закрыты двери советских журналов, ей было запрещено вести литературные объединения молодых авторов и выступать публично перед массовой аудиторией. Пришлось заниматься литературоведением, вести скудное литературное существование. Многие из её соратников по литобъединению Горного института, которым руководил Глеб Семёнов, давно уже были прославлены не только в литературных кругах – Кушнер, Городницкий, Битов, Горбовский – и их литературные соперники – Бродский, Рейн и иже с ними. До сих пор приходится определять Королёву как соратницу таких-то, соперницу других, принадлежавшую к тому-то, дружившую с теми-то и теми-то. Как это всё горько, ведь поэт – это автор того-то и того-то. Но теперь, когда Королёвой написан «Чёрный триптих», можно смело говорить, что она – его автор, не смущаясь вопросительным взглядом собеседника. Пусть сегодня её стихи изданы мизерным тиражом (всего 500 экз.), пусть они лишь изредка мелькают на страницах

питерской «Звезды», «Невы» и даже за океаном – в нью-йоркском «Новом журнале», Нина Королёва, прежде всего поэт, и поэт немалый.

Об этом свидетельствуют её стихи, в основном короткие и меткие, которые вполне могли бы разлететься по пословицам и поговоркам, если бы не камерность самого поэта, не получившего ещё соответствующего таланта и мастерству признания. Чего стоят такие строки: «Схоронила мужа – вдова, // А жену схоронил – жених», «Не забирают в Новый Свет // Из Старого жёну», «Где ты научился, мой родной, // Изменять любовнице с женой?» По этим афористическим цитатам, а по стихам тем более, можно догадаться о семейной драме, постигшей Н. Королёву. Об этом – огромное количество стихов. Не будем вмешиваться, не будем копать: эта весёлая пожилая женщина с грустными глазами итак доверила нам, читателям, слишком много своих тайн, слишком много личной боли. Боль – это лейтмотив всей первой книги «Триптиха». В цикле «Мой дом во времени – мой век» (ведь тоже афоризм) боль за современную Россию:

Россия готовится к долгой зиме.

Россия великою быть перестала,

И северней стала,

Полярнее стала,

Орлиные крылья свои распластала

Над синей тайгой в арктической тьме.

Реквиемные ритмы этих стихов навевают тоску и отчаянье, тем более что «мелом очерчены трупы людей на асфальте», «бездомны старые», «Москва расцвела в блядах», «мальчики гибнут в армии».

Четыре стихотворения этого цикла посвящены Чеченской войне. Королёва молит Богородицу, надеется, что «женщины Кавказа <...> Бросят белые платки, – // Чтобы слезы не бежали, // Чтобы пальцы не нажали // На взведённые курки...» Предельно ясна гражданская позиция поэта, она не уходит от реальности в свой личный, и без того сложный, мир. Её слова летят и за океан – друзьям-эмигрантам. Некоторые стихи так и называются «Эмигранту 1974 года», «Эмигранту 1998 года». Горькие ноты звучат в этих стихах: «Родина – где платят за работу <...> Я люблю Россию и виню. // По ночам таким, как вы, звоню...» В книге «Окно в ночи» Королёва откликается и на самые злободневные темы – на беды августа 2000 г. В дни взрыва в московском переходе и гибели «Курска» она вспоминает о празднике Преображения Господня и молится: «Господи, услыши крик Руси: // Если кто-то жив ещё – спаси!» В день, когда загорелась Останкинская башня, она в ужасе думает: «Что если завтра – Третьяковка // И Храм Спасителя Христа?»

Взгляды Королёвой менялись. Это можно узнать из её стихотворения «Шестидесятые годы начались в пять

* Н. Королёва. «Соната-осень», «Окно в ночи», «Договорим когда-нибудь потом...» – М.: Эллис Лак, 2000, 2001, 2001.

десять шестом...» в последней книге «Триптиха». Она теперь понимает, «что коммунизм, – ребёнок, брошенный и ничей, – // Это мечта для нищих, в том числе и духовно». Последние слова по-королевски (почти по-королевски) точны и верны. Не помню, чтобы кто-нибудь говорил подобное. Гражданские стихи Королёвой рождены прежде всего её чуткой душой, не способной пропустить мимо боль своей страны. Но есть и глубоко личное – с чего мы начинали и что не решались анализировать. Иной предмет её печали – это Петербург, родной Город, в который у неё нет сейчас возможности вернуться. Один из циклов так и называется – «В серебряном Петрополе жила». А сейчас живёт в Москве, где она стала «зелёной травинкой с Ходынки – // Из невосковой петропольской льдинки...» Москва – «большая чаша, современный стадион», Москва «расселась как торговка // Посреди своих земель». Но для поэта «всюду – будет рядом – Ленинград, // И Петербургом обернётся снова...» Она мечтает о своей собственной, бывшей, квартире на «Мойке-кривульке», а в одном из лучших её стихотворений, посвящённых Городу, Королёва снова выдаёт точную, почти научную, формулировку: «Нельзя быть бывшей ленинградкой, // Как бывшей птицей...» (из книги «Договорим когда-нибудь потом...»).

Именно «Формулировками» назван целый цикл стихов во второй книге. Формулировки эти так и называются: «Горькая», «Заносчивая», «Равнодушная» и т.д. Здесь мы уже сталкиваемся с юмором Королёвой – очень тонкой, мягкой иронией:

*Крупный физик покинул пределы Руси,
Чтобы стать в Ю-ЭС-ЭЕ шофёром такси
И узнать на холмах Сан-Франциско,
Что хот-дог – это просто сосиска...*

В «Формулировках», как, впрочем, и в некоторых стихах ранее, она не стесняется даже нецензурных выражений, значит, чувствует себя одной из хозяек языка: на то у неё есть полное право. Но Королёва скромничает: «...жизнь моя – плохой урок, // Дурной пример всем поэтессам в мире». А вот ещё одно из четверостиший-жемчужин Королёвой:

*Бед – на рубль, а интересу –
Пятачок...
Не влюбляйся в поэтессу,
Дурачок!*

Действительно, это очень опасно – будешь опозорен на века, а при жизни конфузиться: «Вот ведьма-поэтесса!» И поэтесса-литературовед. Каждая из книг её «Чёрного триптиха» содержит в себе цикл под названием «Моё литературоведение». Главная героиня «литературоведческих» стихов Королёвой – Анна Ахматова, чьим творчеством она занимается последнее время, участвует в создании самого полного на сегодняшний день собрания сочинений великого русского поэта. Произведения Королёвой изобилуют также стихами, связанными с её друзьями-поэтами, питерскими товарищами по перу и немногочисленными московскими. Здесь порой сложно разобраться в тонкостях взаимоотношений между персонажами, потому что многое остаётся вне стиха – в воспоминаниях посвящённых, поэто-

му эти стихи для стороннего читателя – самые слабые.

Зато в последней книге – «Договорим когда-нибудь потом...» – автобиографическая заумь преодолевается даже в самых автобиографических стихах: они просто рассказывают, просто вводят в мир друзей и врагов поэта. При этом третья (а вообще седьмая – как у великой Анны) книга, наверное, самая автобиографическая. Третья книга «Триптиха» – очередной шаг Королёвой вверх по лестнице Поэзии, так же, как подобным шагом была вторая книга по отношению к первой. Очень интересно наблюдать за таким взлётом, особенно если он происходит у вас на глазах.

Основные циклы «Сонаты-осени» – «Стальная дверь» – о безысходности существования, о пронзительном одиночестве, о неизбежности смерти; «Печаль и ярость» – о муках любви, растоптанной и преданной, о том же одиночестве – дневник, хотя Королёва и обмолвилась в конце книги: «...Не надо обнародовать дневник...» Но дневник обнародован, возможно, шокирует многих своей откровенностью. Ценнее всего в нём – правда. «Окно в ночи» начинается циклом «Продолжение жизни», Королёва пишет в предисловии к новой книге: «...уже нет во мне ярости, разрушающей душу и тело отчаяния, нежелания жить». Ещё один цикл носит характерное название «После любви» (курсив мой. – А.Г.). Всё преодолевается. И уже последняя книга «Чёрного триптиха» начинается циклом «Мыс Надежды». Эта книга лучше всех предыдущих, в ней Королёва поднимается над миром, оставаясь верна ему, всегда верна Правде. Здесь она спорит с Достоевским, что «жизнь пуста без красоты, // Но мир спасёт – любовь». Здесь она обращается к вечному:

*Где ни мужчины, ни любви,
Ни памяти о них,
Где ни России, ни Литвы, –
Вселенная и стих...*

Замечательные стихи, написанные в Италии, особенно первое – «В самолёте»: «Где остались внизу подной небеса, // И земля не покажется ни на минуту...» Поэт «поднимает нерасплёсканной чашею // Душу свою над веками и весями...» Она может поспорить и с Пушкиным: «Чтобы продлилась жизнь моя, – Не обязательно влюблённость, // А просто – радость бытия...» Это настроение несравнимо с тем, что мы видели в «Сонате-осени», но и оно трагично. Королёва – поэт трагичный по сути, но она в праве сказать по-пушкински: «Мне грустно и легко, печаль моя светла...» Бывает и тяжела, бывает и темна, зато как сильно стремление к свету, к *просветлению!* В этом состоит главный пафос её творчества.

В старые годы в одном советском журнале или газете некий критик вскользь заметил: «Полустёршиеся иероглифы стихов Королёвой Нины не нужны». Что ж, критик этот войдёт в историю литературы благодаря этой неосмотрительно брошенной фразе, потому что сама Королёва уже принадлежит истории, пусть малоизвестно сегодня её имя. Да это настоящему поэту и необязательно. А стихи Королёвой Нины, несомненно, нужны.

Г. К.

ГАЗЕТЕ «СТАНИЦА» – 10 ЛЕТ!

А ЕСЛИ ВМЕСТЕ С ПАРИЖСКИМ ИЗДАНИЕМ – ТО ВСЕ 70!

Вышел очередной номер «Станицы». Ей исполнилось **10 лет**: в январе 1991 г. вышел первый номер газеты.

Мы уже писали, что нерегулярность выхода давно вынудила «Станицу» сделать акцент не на свежие, быстро устаревающие материалы, а на историю, культуру, аналитические статьи. После кризиса 1998 г. – когда само существование газеты было поставлено под вопрос – дальнейшее ее издание было невозможно без сотрудничества с НТС. В частности, в помещении редакции «Посева» уже третий год размещается и редакция «Станицы».

Практически в неизменном составе все эти годы сохранялся основной костяк редакционной коллегии газеты – В. Шуков, Г. Кокунько, А. Серб, О. Мраморнов, В. Карпов (несколько человек из них – члены Московской группы НТС). С помощью и под эгидой «Станицы» выпустили свои книги по истории гражданской войны и антибольшевизского сопротивления (в т. ч. в серии «Архив РОА») наши постоянные авторы.

«Станица» создавалась не на пустом месте! Редакция изначально ощущала себя частью, продолжателем дела отцов и дедов, боровшихся с большевизмом в России и в вынужденном изгнании. В 30 гг во Франции уже издавался казачий журнал с таким названием. «Станица» парижская – орган Общеказачьей студенческой станицы – объединяла представителей казачьей интеллигенции (в «юбилейном» номере газеты можно познакомиться с этим изданием).

Как всегда, в вышедшем номере – материалы по истории казачества, трагедии расказачивания, казачьему зарубежью, нынешнему движению возрождения. Интересно, что на страницах газеты встретились два видных деятеля Белого Движения 1918-19 гг, два тезки – генералы Павел Бермондт-Авалов и Павел Скоропадский. Первый создал в Прибалтике почти 80-тысячную армию, в составе которой больше половины были немецкие добровольцы, второй стал гетманом украинского казачества и возглавил Украинскую державу. В отличие от большинства белых вождей, они придерживались прогерманской ориентации, полагая, что только в союзе с уже находящимися на территории бывшей Российской Империи немецкими войсками можно разгромить большевиков (напомним, что такую же позицию занимал и Донской Атаман П.Н. Краснов).

Впервые представлен в «Станице» интереснейший обзор «Казачи в Интернете» – описание всех существующих сейчас казачьих сайтов, рассказывающих об истории и сегодняшнем дне казаков.

Особый интерес представляет описание 1000-верстного рейда сотни кубанских казаков Уманского полка под командой сотника Василия Гамалия в Месопота-

Обложка юбилейного номера «Станицы» за январь 2002 года. На ней предствлены первая страница нашей газеты (вышедшей в январе 1992 г.) и обложки выходившего в 30-х годах журнала – нашего предшественника.

мию по занятой враждебными племенами территории Персии. Казаками было достигнуто расположение союзных английских войск на берегу Тигра – и эта точка стала самой южной из когда-либо достигнутых Русской армией!

Кстати, более подробно о легендарном рейде уманцев можно прочитать в вышедшей книге члена редколлекции «Станицы» **П. Стрелянова-Кулабухова – «Корпус генерала Баратова»**. В ней представлена история Отдельного Кавказского Кавалерийского корпуса под командованием генерала Н.Н. Баратова в 1915-18 гг. Его части, отдаленные на 1000 верст от главных сил Кавказской армии, вели боеые действия до начала 1918 г., последний приказ по корпусу датирован **июнем 1918 г.** – в это время в России уже шла гражданская война! В книге рассмотрены также истории Персидской казачьей бригады, а в приложении приведены списки офицеров казачьих полков – ядра корпуса Баратова и большое число редких, впервые публикуемых фотографий.

Игорь Шауб

ЭНЦИКЛОПЕДИЯ ПОЭЗИИ РУССКОГО
ЗАРУБЕЖЬЯ

Многие десятилетия «железный занавес» отделял советских читателей от литературы русского зарубежья. Поэтому вполне понятен большой интерес не только к произведениям, но и к биографиям писателей эмиграции. Естественно стремление литературоведов этот интерес удовлетворить. Среди справочных изданий, посвященных данной теме, достойное место, без сомнения, займет словарь поэтов Русского Зарубежья (Русский Христианский Гуманитарный Институт, СПб, 1999) под ред. В. Крейда, известного составителя поэтических сборников и изданий литературных мемуаров эпохи серебряного века. Кроме В. Крейда, автора статей по преимуществу о поэтах первой эмиграции, в работе над словарем приняли участие поэты и эссеисты В. Синкевич и Д. Бобышев, написавший раздел о поэтах III волны. В словаре содержатся сведения о 392 поэтах пореволюционной, военной и III эмиграции. Книга вводит в научный обиход множество неизвестных ранее фактов, в ней немало биографий, написанных впервые.

Одно из основных достоинств рассматриваемой книги – ее мощный фундамент – тысячи источников, преимущественно эмигрантских, поэтому часто очень малотиражных; иногда авторы словаря пользовались и неизданными документами. Кроме того, словарные статьи лишены шаблонности, читать их легко и интересно. Тем досаднее, что рассматриваемое издание не свободно от недостатков, причем не только мелких. Так, к сожалению, словарь не полон. В нем даже не упомянуты такие поэты, как С.С. Бехтеев, Востоков, К.А. Вогак. Если последний, насколько нам известно, сборников стихов не издавал (в словаре, кстати, даны биографии и тех поэтов, которые публиковались только в периодике или альманахах), то Востоков выпустил в 1960 г. в Париже свой поэтический сборник «Посев» (Востоков [Любавский] – это псевдоним известного историка-евразийца П.Н. Савицкого). Самый известный из отсутствующих в словаре – безусловно, С.С. Бехтеев (1879 – 1954). Многим знакомо его стихотворение «Пошли нам, Господи, терпение...», найденное в Ипатьевском доме среди бумаг великих княжен (именно поэтому авторство этого стихотворения часто приписывается одной из них). Первый сборник С.С. Бехтеева вышел еще в 1903 г., а в эмиграции этот поэт-монархист выпустил четыре поэтических сборника и один автобиографический роман в стихах. Последний сборник, «Святая Русь», выдержал четыре издания (Ницца, 1945, 1950, 1951, 1952), а первая эмигрантская книга Бехтеева «Песни русской скорби и слез» (Мюнхен, 1923) переиздана в России (Москва-Подольск, 1997).

Часто вызывает недоумение неоправданно большое внимание, уделяемое авторами словаря отнюдь не первоградным поэтам. Прежде всего это относится к поэтам третьей волны, но не только к ним. Так, к примеру, жизнеописание Е.Л. Таубер в полтора раза превышает статью о М.И. Цветаевой, а биография Р.Н. Блох гораздо содержательнее статей о И.А. Бунине, В.И. Иванове или В.Ф. Ходасевиче. Конечно, можно объяснить этот факт желанием В. Крейда рассказать больше о сравнительно малоизвестных поэтах. Но чем тогда оправдать то, что самая большая словарная статья посвящена К.Д. Бальмонту, поэту замечательному и знаменитому, чья звезда, однако, закатилась еще задолго до эмиграции?

Информация о поэтах III волны часто избыточна. Так, об И.Я. Богачинской мы узнаем такие трогательные подробности: «Начала писать еще в детстве, однажды во время простуды почувствовала необычайный подъем и удовольствие от того, что писала. Обстановка в доме способствовала этим занятиям, Богачинская входила в литературный кружок, была редактором школьной газеты» (с. 354). А В. Зубарева «сохранила добрососедскую любовь» к обитателям своей одесской коммунальной квартиры (с. 379). Иногда сведения о поэтах излагаются довольно невразумительно. Например, о Ф.Я. Розинере на с. 415 читаем: «Родился в 1936 г. – И.Ш. в семье... репатриантов из Израиля... Поступил в московскую школу, которую окончил к смерти Сталина, в разгар “борьбы против космополитизма”».

Нередко встречаются в словаре неточности и недоразумения. Например, в биографии И. Савина (автор – В. Синкевич) сказано, что мать его была гречанкой (с. 212), в действительности же Анна Михайловна Волик была «дочерью представителя старинного молдавского рода» (см. предисловие В. Леонидова к сборнику стихов и прозы И. Савина: «Мой белый витязь». М., 1998, с. 8). Единственный прижизненный сборник Савина назывался «Ладонка», а не «Ладанка», как неоднократно указано в тексте статьи и в библиографии. Строки из шутильной автобиографии И. Савина «С осени 1919 года по осень 1921 блуждал по Дону, Кубани и Крыму» превратились у В. Синкевича в утверждение, что поэт «в 1919 – 1921 (годах - И.Ш.) воевал... на Дону, Кубани и в Крыму» (с. 212). Утверждение, что Савин два года был в плену, также неверно, поскольку, попав в плен к красным осенью 1920 г., он сумел следующей осенью пробраться в Петроград, откуда вскоре эмигрировал в Финляндию.

Беженский лагерь Менхегоф, где в 1947 г. на мимोगрафе был перепечатан сборник «Ладонка», в словаре дважды назван Мехендорфом (с. 212, 213), а слово «Бог» в цитате из Бунинского некролога Савина напечатано с маленькой буквы. Кстати, высказывание Бунина о Савине: «Лик Белого Воина будет и Богом и Россией сопрячен к лику святых», неплохо было бы дополнить словами из того же некролога: «То, что он (Савин – И.Ш.) оставил после себя, навсегда обеспечило ему незабвенную страницу и в русской литературе: во-первых, по причинам полной своеобразности стихов и их пафоса; во-вторых, по той красоте и силе, которыми звучит их общий тон...»

Наряду с незначительными погрешностями: университет Шанявского назван (с. 18) университетом Шенявского; лагерь Дабендорф – Дегендорфом (с. 306); Алапаевск – Алапаево (с. 393); Гадамер – Гадаммером (с. 332), встречаются в словаре и довольно грубые ошибки: вопреки утверждению В. Крейда (с. 107), Вяч. Иванов диссертацию в Берлине не защитил (по причинам, изложенным самим поэтом в своей неоднократно публикованной автобиографии); Э. Мунк, как известно, был не «немецким импрессионистом» (с. 430), а норвежским экспрессионистом. Подобные примеры можно умножить.

Отмеченные изъяны, конечно, весьма огорчительны. Однако, несмотря на это, можно все же смело рекомендовать словарь в качестве ценного справочника как для любителей русской поэзии XX в., так и для тех, кому не безразличны судьбы русской эмиграции.

КТО ВОЗГЛАВЛЯЛ ТАМБОВСКОЕ ВОССТАНИЕ

Главком Такмаков.

Очень доволен, что в «Посеве» № 11 (1490) за ноябрь 2001 г. опубликована фотография членов штаба 2-й Партизанско-повстанческой армии. Правда, там есть одна неточность. В статье Б.С. Пушкирева «Сопrotивление» говорится: «Тамбовское крестьянское восстание под руководством А.С. Антонова». Но это, по всей видимости, сказано по привычке.

По архивным документам восстание возглавлял Союз Трудового Крестьянства (СТК), а председателем его был Такмаков, который также был главкомом Единой

(объединенной) Партизанской Армии Тамбовского края. Когда была в 1921 г. провозглашена Республика Тамбовского Партизанского Края, ее главой был опять же не Антонов, а Шендятин. У Антонова на самом деле была скромная должность начальника штаба 2-й Партизанско-повстанческой армии. Это была самая маленькая повстанческая армия из трех, объединенных под общим командованием главкома Такмакова. С 1918 г. Антонов был начальником партизанской дружины (отряда). Таких дружин и отрядов тогда по Тамбовской губернии была не одна сотня. В 1920 г. они все объединились сначала в две армии без единого командования, а потом еще была создана одна конноподвижная армия и все три были объединены под единым командованием.

Антонов был когда-то эсером, но вышел из этой партии еще до того, как коммунисты выгнали социалистов-революционеров из совнаркома. Он перешел на сторону восставшего народа в начале 1918 г., а в 1920 г. стал начштаба 2-й армии, и на этом посту так и оставался до конца восстания. Миф о том, что Антонов руководил восстанием придумал лично сам Ленин, т.к. готовил процесс против эсеров.

Всем восстанием руководил Такмаков, а после его смертельного ранения – капитан старой русской армии Кузнецов. Повстанцы боролись под знаменами «Учредительного Собрания России за Великую Единую и Неделимую Россию». Также их лозунгом в последнее время был «Слава генералу Врангелю!». Программа повстанцев ни чем существенно не отличалась от программы генерала Корнилова. Они никогда не сражались за советы без коммунистов. Это был лозунг СТК и левых эсеров.

Б. Сенников, Тамбов

ПОЗДРАВЛЯЕМ!

Сердечно поздравляем наших авторов: члена средколлегии журнала «Посев» А.Б. Горянина с присуждением ему премии журнала «Звезда» в области прозы П.В. Кузнецова с присуждением ему

премии того же журнала за философскую публицистику и Л. Молчанова с получением диплома Союза журналистов России «За профессиональное мастерство» по итогам 2001 года. *Редакция*

Поправка

В предыдущем номере «Посева» на стр. 5 в левом столбце, окончание второго абзаца снизу следует читать «по существу так и не начиналось».

На стр. 20 в подписи под иллюстрацией допущена ошибка. Вместе с В.Ф. Эрном и Н.А. Бердяевым изображен Сергей Николаевич Булгаков.

На стр. 46 в левом столбце, окончание первого абзаца следует читать: «издатель журнала, Н.К.Родина – III.